

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов В.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Санташов А.Л. — начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Шамсунов С.Х. — заместитель директора ФСИН России, доктор юридических наук;

Селиверстов В.И. — начальник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Бровкин В.Б. — начальник Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России;

Дебольский М.Г. — заместитель начальника управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Дубровицкий Л.П. — первый заместитель начальника правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. — профессор кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Матвеев А.Г. — начальник управления трудовой адаптации осужденных ФСИН России;

Полозюк В.Л. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России;

Ручкин Ф.В. — начальник управления исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, ФСИН России, кандидат филологических наук;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Гаврилов Б.Я. — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Жалбуров Е.Т. — начальник академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент;

Крымов А.А. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Лапшин В.Ф. — начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. — и. о. заместителя начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. — директор высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	4
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	
Л.Л. КРУГЛИКОВ	
Характеристика отдельных преступлений, входящих в группу посягательств на здоровье человека	4
И.А. КЛЕПИЦКИЙ, Я.Е. ИВАНОВА	
Осуществление предпринимательской деятельности с нарушением правил регистрации в составе незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ): сложные вопросы правоприменения	10
А.М. СЫСОЕВ	
О современном состоянии отечественного законодательства и путях оптимизации системы назначения уголовных наказаний	13
А.В. САЛАТИН	
Нарушения законности персоналом уголовно-исполнительной системы как объект криминологического исследования (понятие, виды, детерминанты, возможности прогнозирования)	18
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
В.Б. ШАБАНОВ, А.Л. САНТАШОВ	
Цели и средства исполнения уголовного наказания	23
Е.О. ЛУКЬЯНЧУК	
Организационно-правовые аспекты подготовки осужденных к освобождению от отбывания наказания в виде лишения свободы	27
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Б.Я. ГАВРИЛОВ	
К вопросу о возбуждении уголовного дела	32
А.Ю. АРЕФЬЕВ, А.А. ФАЛЬЧЕНКО	
О соотношении законодательного и ведомственного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности	36
Р.В. НАГОРНЫХ	
Институциональная модель государственной правоохранительной службы и ее основные элементы	39
Л.А. КОЛПАКОВА	
Об обеспечении допустимости доказательств, собираемых при расследовании преступлений в исправительных учреждениях	43
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ	48
В.М. ПОЗДНЯКОВ	
Психологическое обеспечение профилактики правонарушений несовершеннолетних: состояние и перспективы	48
Э.В. ЗАУТОРОВА	
Взаимодействие пенитенциарных учреждений и Русской православной церкви как одно из направлений уголовно-исполнительной политики	52
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ	56
Ф.И. УШКОВ	
Организационно-функциональный аспект в деятельности руководителя медицинского учреждения уголовно-исполнительной системы	56
А.М. АНТОНОВ, Д.Ю. КОНОВАЛОВ, С.А. КОРЧАГОВ, Д.Е. ЧАЛЫХ	
О взаимосвязи влияния топографии анатомических элементов на показатели плотности и прочности древесины	59
С.Ю. ОСИПОВ, Ю.Р. ОСИПОВ, О.В. ЛЕВЫКИНА, С.В. ВОЛКОВА	
Система автоматизированного проектирования непрерывных процессов термообработки материалов с полимерным покрытием	63
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	67
М.А. АЮБАЕВ	
Профилактика преступлений как важная функция уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан	67
П. ЩЕПАНЯК	
Организация общественных структур как средство охраны тюрьмы	69
ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ	76
В.Б. МАЛИНИН, В.В. ПОПОВ, Б.А. СПАСЕННИКОВ	
К вопросу о субъекте преступления в уголовном праве	76
М.В. ИСТОМИНА	
Поглощение предприятий: теоретико-правовой анализ	80
А.С. ШУЙСКИЙ	
Условное осуждение за незаконный оборот предметов вооружения: есть ли разумные пределы?	82
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	85
Н.Н. НАДЕЖИН	
Правовое регулирование предпринимательских отношений в Московском централизованном государстве	85
Е.В. КУЗНЕЦОВА	
Организационное обеспечение деятельности мировой юстиции в дореволюционной России (по материалам Вологодской губернии)	88
НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ	92
А.Н. БАЛАМУТ	
Организация и проведение специальных тренингов с сотрудниками учреждений, имеющими прямой контакт с осужденными к длительным и пожизненным срокам лишения свободы	92
НАШИ АВТОРЫ	94
ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ	95
НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ	96
ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ	96
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	98

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION	4
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY	
L.L. KRUGLIKOV	
The description of some criminal offences regarded as crimes against health	4
I.A. KLEPITSKIY, Y.Y. IVANOVA	
Illegal Enterprise (Article 171): complex issues of law enforcement.	10
A.M. SYSOEV	
The current state of Russian lawmaking and the improvement of the system of criminal sentencing.	13
A.V. SALATIN	
Penal Enforcement System staff's violation of law as an object of criminological research (definition, types, determinants, predictabilities)	18
CRIMINAL EXECUTIVE LAW	
V.B. SHABANOV, A.L. SANTASHOV	
The Goals and Methods of Execution of Criminal Sanctions.	23
E.O. LUKYANCHUK	
Some Organizational and Legal Aspects of Preparation of Offenders for Release from Serving an Imprisonment Sentence.	27
CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY	
B.YA. GAVRILOV	
About the Commencement of Prosecution	32
A.U. AREFYEV, A.A. FALCHENKO	
About the Correlation between the Legislative and Departmental Legal Regulation in the Operative Detective Activity.	34
R.V. NAGORNYH	
The institutional model of the state law-enforcement service and its basic elements.	36
L.A. KOLPAKOVA	
About the admissibility of evidence collected during the investigation of crimes in correctional establishments.	43
TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK	48
V.M. POZDNYAKOV	
Psychological preventive measures of juvenile delinquency: state and perspectives.	48
E.V. ZAUTOROVA	
The interaction of penitentiary establishments and Russian Orthodox Church as one of directions of criminal procedure policy.	52
TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY.	56
F.I. USHKOV	
Organizing and functional aspect of a medical leader's activity in the penal system.	56
A.M. ANTONOV, D.Y. KONOVALOV, S.A. KORCHAGOV, D.E. CHALYCH	
About influence of topography anatomic elements on density and purity characteristics.	59
S.Y. OSIPOV, Y.R. OSIPOV, O.V. LEVYKINA, S.V. VOLKOVA	
The system of automated projects of constant thermo processing of materials with polymeric covering.	63
FOREIGN EXPERIENCE	67
M.A. AYUBAEV	
Prevention of crimes as an important function of the penal system in Kazakhstan Republic	67
P. SHEPANYAK	
The organization of community structures as the means of prison protection	69
DISCUSSION IS WELCOME	76
V.B. MALININ, V.V. POPOV, B.A. SPASENNIKOV	
To the question of subject of crime in the criminal law	76
M.V. ISTOMINA	
Plant take-over: theoretic-legal analysis.	80
A.S. SHUISKI	
Suspended sentence on illegal turnover of armament; if there will be reasonable limitations?	82
HISTORY PAGES	85
N.N. NADEZHIN	
Legal regulation of entrepreneur relations in the Moscow centralized state	85
E.V. KUZNETSOVA	
The Organizational Support in the Activity of the Worldwide Justice in the Pre-revolutionary Russia (based on the archive of the Vologda region)	88
OUR RESEARCHES.	87
A.N. BALAMUT	
Organization and realization of special training with officers contacted with convicted to long and life-imprisonment Research of reflection of officers of criminal-executive system.	87
DISSERTATIONS REVIEW.	95
NOVELTIES OF LITERATURE	96
INFORMATION, ADVERTISEMENTS.	96
ANNOTATIONS OF ARTICLES AND MATERIALS	98

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Характеристика отдельных преступлений, входящих в группу посягательств на здоровье человека

Л.Л. КРУГЛИКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Автором осуществлен сравнительный анализ посягательств на здоровье человека, предусмотренных ст. 116, 117, 121 и 124 УК РФ. Приводятся материалы судебной практики по спорным вопросам квалификации побоев и их отграничения от смежных составов преступлений. На основании проведенного исследования предлагаются решения об унификации юридически значимых признаков составов преступлений против здоровья и индивидуализации уголовной ответственности за совершение данных общественно опасных деяний.

Ключевые слова: преступления против здоровья; побои; истязание; заражение венерической болезнью; неоказание помощи больному

В группу преступлений против здоровья входят посягательства, предусмотренные ст. 111–115, 118 УК РФ. Сюда же традиционно относят побои (ст. 116) и истязание (ст. 117), хотя, строго говоря, они могут и не вызывать повреждения здоровья, посягая на телесную и психическую неприкосновенность личности в целом. В данную группу, учитывая изменения позиции законодателя в 1996 г., небезосновательно включают составы заражения венерической болезнью (ст. 121) и неоказания помощи больному (ст. 124). В предлагаемой статье рассматриваются названные четыре вида преступлений, «примыкающих» к преступлениям против здоровья.

Побои (ст. 116 УК РФ). Объектом преступления является (в точном смысле слова) не здоровье, а более широкий круг отношений – телесная и психическая неприкосновенность личности. Действия составляют:

- нанесение побоев;
- совершение иных насильственных действий.

Побои, характеризующиеся многократным нанесением ударов (не менее трех), не состав-

ляют особого вида повреждений. Они выступают в качестве способа действия и причинения вреда (например, при истязании, хулиганстве и т.д.). Если от побоев возникает вред здоровью (тяжкий, средней тяжести или легкий), то такие действия не рассматриваются по правилам ст. 116 УК РФ, а оцениваются как причинение вреда здоровью соответствующей тяжести (ст. 111, 112 УК РФ и т.д.).

Помимо побоев по ст. 116 УК РФ наказуемо совершение иных насильственных действий. К ним могут быть отнесены заламывание и выкручивание рук, щипание, сдавливание частей тела, связывание, защемление кожи, вырывание волос и т.п. Так же, как и побои, иные насильственные действия получают уголовно-правовую оценку по ст. 116 УК РФ при наличии двух условий:

- 1) они не повлекли последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, то есть даже легкого (а тем более средней тяжести или тяжкого) вреда здоровью;
- 2) они вместе с тем причинили физическую боль потерпевшему. Физической боли могут со-

путствовать и психические переживания, страдание, однако обязательным признаком данного состава преступления является причинение именно физической боли.

Побои как самостоятельный вид преступления предполагают совпадение во времени наносимых потерпевшему ударов. Если нанесение побоев (или совершение иных насильственных действий, причиняющих физическую боль) составляет в конечном счете содержание более опасного посягательства, направленного на причинение вреда здоровью потерпевшего или на лишение его жизни, речь следует вести об одном деянии без квалификации содеянного по совокупности преступлений. Тот же исход следует при перерастании задуманного лицом менее опасного преступления в более опасное.

А. и Л. во время ссоры с потерпевшим С. нанесли ему побои. В течение трех часов они избивали С., а затем бросили в пруд. Потерпевшему удалось выбраться из воды, однако виновные продолжили его избивание, вновь столкнули в воду, где в результате механической асфиксии наступила его смерть.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации исключил из приговора и кассационного определения указание на осуждение виновных по ч. 1 ст. 116 УК РФ как излишне вмененное, мотивировав решение следующим: А. и Л., поссорившись с потерпевшим, стали наносить ему удары кулаками и ногами по различным частям тела, но в дальнейшем их действия, фактически непрерывные и начатые как побои, переросли в более тяжкое преступление – убийство¹.

Побои (в том числе и подпадающие под признаки ч. 2 ст. 116 УК РФ) относятся к числу преступлений небольшой тяжести, а потому при наличии всех предусмотренных уголовным законом условий может встать вопрос о применении института освобождения от уголовной ответственности, в частности такого вида, как освобождение в связи с примирением с потерпевшим. Практика, однако, свидетельствует о том, что нередко к решению этого вопроса правоприменители подходят формально, не проверяя соблюдение виновными установленных законодателем условий.

Ф., Р. и Н. признаны виновными в нанесении побоев троим потерпевшим из хулиганских побуждений (ч. 2 ст. 116 УК РФ), а двое первых – и в убийстве. В кассационных жалобах ставился вопрос о прекращении уголовного преследования по ст. 116 УК РФ в связи с примирением с потерпевшими.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, оставив жалобы без удовлетворения, мотивировала это следующим. В ходе судебного разбирательства потерпевшие, не отрицая, что вред не заглажен, просили уголовное дело прекратить по тем мотивам, что им и дальше придется жить с родными осужденных в одной деревне, а потому

они опасаются за свою безопасность. С учетом этих обстоятельств суд первой инстанции сделал правильный вывод о том, что примирение с каждым из потерпевших не было достигнуто, причиненный вред не заглажен. При этом суд не установил у потерпевших добровольности их волеизъявления о прекращении уголовного дела по указанному основанию. Они объяснили свое решение не примирением с виновными и не фактом заглаживания причиненного им вреда, а соображениями своей и своих родных безопасности².

С субъективной стороны побои предполагают наличие только умысла, как правило, прямого³.

Некоторые ученые исключают косвенный умысел в рассматриваемом преступлении, полагая, что «невозможно себе представить, чтобы побои наносились не из желания причинить физическую боль потерпевшему, а из сознательного допущения такой возможности или безразличного отношения к этому факту»⁴. Между тем в ст. 116 УК РФ речь идет и об иных насильственных действиях (например, связывании), которые в конкретных случаях могут и не приводить фактически к причинению физической боли либо приводить, но субъективно лишь допускаться виновным⁵.

Актуален также вопрос о соотношении состава побоев (и иных насильственных действий) с составом хулиганства. Некоторые ученые упрощают этот вопрос, ссылаясь на то, что «в связи с изменением законодательства побои, даже сопряженные с грубым нарушением общественного порядка и явным неуважением к обществу, не могут квалифицироваться как хулиганство. Ответственность в этом случае должна наступать по п. «а» ч. 2 ст. 116 УК (побои, совершенные из хулиганских побуждений)»⁶.

На самом деле это не совсем так. Действительно, побои, как и насилие в целом, ныне не выступают в качестве криминообразующего признака хулиганства (ст. 213 УК РФ). Однако сказанное не означает, что хулиганство не может сопровождаться нанесением побоев. Напротив, практика свидетельствует об обычности ситуации, когда хулиган применяет к потерпевшим насилие, в том числе и в виде побоев. Отсюда практическое значение имеет вопрос об уголовно-правовой оценке случаев сочетания хулиганства и побоев.

Мыслимы следующие основные ситуации.

Первая: побои нанесены виновным по мотивам хулиганских побуждений. Если они не сопряжены с признаками уголовно наказуемого хулиганства (грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу; применение предметов, используемых в качестве оружия, и т.д.), вопросов не возникает: содеянное квалифицируется только по п. «а» ч. 2 ст. 116 УК РФ.

Ситуация вторая: побои сопровождают процесс совершения виновным уголовно наказуе-

мого хулиганства. В таком случае, согласно п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», содеянное подлежит квалификации по правилам об идеальной совокупности преступлений⁷.

Ситуация третья: побои наносятся потерпевшему по бытовым мотивам (ревность, ссора, неприязненные отношения и т.д.), то есть не из хулиганских побуждений. В то же время мыслимо, что в отношении иных лиц (посторонних) виновный совершает акт преступного хулиганства (например, с применением ножа). Ввиду различий в мотивах двух актов поведения (а также их одновременности) каждое из них подлежит самостоятельной уголовно-правовой оценке.

При действии прежней редакции закона Верховный Суд СССР неоднократно подчеркивал, что нанесение побоев на почве личных отношений не должно квалифицироваться как хулиганство⁸.

А., находясь в нетрезвом состоянии, вызвал из дома П. и из хулиганских побуждений избил его. После этого П. ушел домой и вышел во двор уже с ножом. А. стал отнимать нож у П., последний ранил его в плечо, причинив легкое телесное повреждение без расстройства здоровья. Суд признал П. виновным в хулиганстве с применением ножа.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР с такой уголовно-правовой оценкой не согласилась, указав, что хулиганские действия учинил один А., а легкие телесные повреждения нанесены ему П. в ответ на его неправомерный поступок. При этих обстоятельствах вывод суда о том, что П. совершил злостное хулиганство с применением ножа, является ошибочным. Действия П. могут рассматриваться как месть А., а причинение при этом легкого телесного повреждения (легкого вреда здоровью) следует квалифицировать как соответствующее преступление против здоровья и телесной неприкосновенности личности⁹.

Истязание (ст. 117 УК РФ). В последние годы наблюдается тенденция к увеличению количества данного вида преступлений: если в 2003 г. было зарегистрировано 4283 таких деяния, то в 2004 г. – уже 5006.

Преступление описано в законе с помощью негативных и позитивных признаков. Так, ст. 117 применяется, если названное в ней деяние не повлекло последствий, указанных в ст. 111 и 112 УК РФ. Это означает, что данной статьей охватывается причинение истязанием легкого вреда здоровью, а в таком случае дополнительной квалификации по ст. 115 не требуется. В то же время, если деяние повлекло причиненный умышленно тяжкий или средней тяжести вред здоровью, напротив, применению не подлежит ст. 117. Позитивные признаки, указанные в

ст. 117, характеризуют объективную сторону данного преступления, которая складывается из систематического нанесения побоев или иных насильственных действий, вызывающих физические или психические страдания.

Сопоставление диспозиций ст. 116 и 117 показывает, что способы поведения в описанных в них деяниях сходные. Ими являются:

- а) побои;
- б) иные насильственные действия.

Первое отличие состоит в том, что истязание выражается в систематическом нанесении побоев, то есть нанесении их более двух раз в разное время. При этом важна не только формальная, количественная характеристика (сколько раз), но и интенсивность воздействия на потерпевшего, восприятие последним многократных актов как непрекращающихся, непрерывных, постоянных. В силу этого такие акты не должны значительно отстоять во времени друг от друга. Неоднократное нанесение побоев не может рассматриваться как истязание, если по одному или нескольким эпизодам, дающим основание для квалификации действий как систематических, истек срок давности привлечения к уголовной ответственности либо к лицу за эти действия ранее уже были применены меры административного наказания.

В опубликованном решении по конкретному делу было также указано, что нанесение побоев с интервалом в год, то есть через большие промежутки времени, не может рассматриваться как истязание путем систематического нанесения побоев потерпевшему¹⁰.

Иные насильственные действия как второй способ истязания текстуально совпадают с указанными в составе побоев (ст. 116). Однако содержание их в этих случаях отлично. При истязании под ними понимаются различные насильственные действия помимо систематических побоев, как то: длительное причинение боли (щипанием, сечением и т.п.), причинение множественных (в том числе небольших) повреждений тупыми или острыми предметами, воздействие термических факторов (например, прижигание раскаленным утюгом), другие аналогичные действия, в том числе длительное лишение воды, пищи, тепла, подвешивание вниз головой, порка и т.д. Таким образом, иные насильственные действия при истязании в количественно-качественном отношении (многократность, длительность) заметно разнятся с указанными в ст. 116.

Второй частью, составляющей объективную сторону истязания, являются физические или психические страдания, которые должны быть причинно обусловлены систематическим нанесением побоев либо иными насильственными действиями, вытекать из них. Для истязания характерны именно страдания потерпевшего, то есть физические и психические переживания. В отличие от разовой физической боли (ст. 116) страдания как состояние человека имеют протя-

женность во времени, поскольку побои наносятся систематически, возобновляя, подкрепляя и усиливая переживания, а иные насильственные действия также предполагают не одновременность насилия, а многократность и некоторую его протяженность.

М. в ответ на отказ жены дать денег на спиртное привязал ее к кровати и в течение двух часов допытывался, где она спрятала деньги: наносил ей удары руками, бил головой о спинку кровати, прижигал горячей сигаретой ей лицо, мочился на нее, таскал за волосы, имитировал ее удушение веревкой, надевал полиэтиленовый пакет ей на голову и т.д. Потерпевшая испытывала при этом не только физические, но психические страдания (в частности, при имитации лишения ее жизни).

Субъективная сторона истязания выражается в прямом умысле.

Заражение венерической болезнью (ст. 21 УК РФ). Потерпевшим от преступления является не сам виновный, а другое лицо. Согласие потерпевшего на заражение не освобождает виновного от уголовной ответственности.

Объективная сторона заключается в заражении венерической болезнью другого лица.

Заражение – это передача заболевания другим лицам. Способ заражения значения для квалификации не имеет: чаще всего оно осуществляется половым путем. Но встречаются и иные способы, связанные с нарушением больным гигиенических правил поведения в быту, семье, на работе и т.п. (например, пользование одними и теми же предметами домашнего обихода).

К венерическим относятся такие инфекционные заболевания, как сифилис, гонорея, мягкий шанкр и некоторые другие. Для уголовной ответственности по ст. 121 достаточно передачи другому лицу одного из видов венерического заболевания.

Состав преступления сконструирован по типу материальных, поэтому посягательство считается оконченным в момент фактической передачи венерической болезни другому лицу. Такой вид поведения, как заведомое поставление в опасность заражения, декриминализирован (в УК 1960 г. он признавался уголовно наказуемым – ч. 1 ст. 115). Если у виновного имелось намерение заразить венерической болезнью другое лицо, но по независящим от него обстоятельствам этого не произошло, есть основания квалифицировать содеянное как покушение на заражение таким заболеванием (ч. 3 ст. 30, ст. 121).

Субъект преступления – специальный. Им является лицо, знавшее о наличии у него венерической болезни. Лицо считается страдающим заболеванием не только во время болезни и ее лечения, но и в период контрольного наблюдения лечебным учреждением за больным до снятия его с учета.

С субъективной стороны преступление характеризуется умыслом (прямым или косвенным)

либо легкомыслием. Небрежность, по нашему мнению, исключается, поскольку виновный знает о наличии у него инфекционного (заразного) заболевания и тем не менее сознательно вступает в контакт с иным лицом (или лицами). То есть во всех случаях виновный предвидит возможность заражения, причинения вреда потерпевшему (интеллектуальный момент) и желает заразить либо не желает, но сознательно допускает эти последствия или относится к ним безразлично (волевой момент). При легкомыслии лицо предвидит абстрактную возможность наступления общественно опасных последствий в виде заражения венерической болезнью, без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывая на их предотвращение.

Заражение венерической болезнью – разновидность причинения вреда здоровью без нанесения телесных повреждений (инфекционным путем). Чаще всего причиняемый вред является легким. Поскольку норма ст. 121 является специальной, предусматривающей специфический способ причинения вреда, предпочтение в случае конкуренции с составом легкого причинения вреда здоровью отдается ей и дополнительной квалификации по ст. 115 не требуется.

Неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ). Потерпевшим от данного преступления является больной, то есть лицо, страдающее каким-либо заболеванием, получившее ранение или находящееся в патологическом состоянии и нуждающееся в оказании медико-санитарной и (или) фармацевтической помощи. Вид заболевания и стадия его течения в плане квалификации значения не имеют. Важно, чтобы болезненное состояние при невмешательстве создавало реальную угрозу причинения вреда здоровью потерпевшего.

В объективную сторону входят элементы, характеризующие:

- деяние (неоказание медицинской помощи без уважительных причин);
- последствие (как минимум, вред здоровью больного средней тяжести);
- причинную связь между ними.

Неоказание помощи выражается в бездействии. Существует мнение, что оно может выразиться и в частичном бездействии (например, непринятии всего комплекса медицинских мер, некачественном, ненадлежащем лечении и т.п.)¹¹. Вряд ли это верно.

Закон различает понятия неоказания помощи и ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 118), с чем нельзя не считаться.

Спорен также вопрос: о всяком ли виде помощи идет речь в ст. 124 либо только о срочной, первичной, скорой? Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан 1993 г.¹² различают первичную, скорую, специализированную и медико-социальную помощь (гражданам, страдающим социально

значимыми заболеваниями и заболеваниями, представляющими реальную опасность для окружающих).

Согласно ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на медицинскую помощь, которая в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно. Частные клиники, как известно, оказывают платные услуги в рамках определенных видов специализированной деятельности. В государственных и муниципальных учреждениях часть специализированных услуг ныне осуществляется также на платной основе, а не безвозмездно.

Исходя из сказанного можно сделать вывод, что неоказанием помощи считается отказ или уклонение от оказания не терпящей отлагательства помощи, что создает реальную угрозу причинения серьезного вреда здоровью потерпевшего.

В конкретном случае неоказание помощи может выразиться в отказе принять вызов врача или выехать на дом, принять поступившего больного или осмотреть его. Виновный может отказаться делать искусственное дыхание, остановить кровотечение, наложить швы, вызвать надлежащего специалиста по профилю заболевания, дать необходимые лекарства, а также не принимать мер к доставлению нуждающегося в этом потерпевшего в больницу и т.д.

Уголовная ответственность за бездействие, как известно, предполагает, что лицо должно было и могло действовать.

Обязанность (долженствование) действовать вытекает из предписаний Основ законодательства об охране здоровья граждан (ст. 38 и 39), где сказано, что первичная и скорая медицинская помощь оказываются гражданам в случаях травм, отравлений и других неотложных состояний лечебно-профилактическими учреждениями независимо от территориальной, ведомственной подчиненности и форм собственности. Обязанность оказывать помощь больному подкрепляется клятвой Гиппократова, произносимой выпускником медицинского учебного заведения.

Возможность действовать (субъективный критерий) – обязательное условие ответственности. Не случайно в ст. 124 УК РФ говорится о неоказании помощи без уважительных причин. К уважительным относятся причины, непреодолимые в момент возникновения конкретной обязанности действовать. Ими можно считать непреодолимую силу, состояние крайней необходимости, болезнь самого медицинского работника, отсутствие необходимого инструмента, лекарств, приборов и т.д.

Условием, вызывающим обязанность действовать, является обращение самого больного, его родственников, иных лиц, а также когда само обязанное лицо выступает свидетелем ситуации, создающей необходимость действо-

вать (например, оно наблюдает происходящее дорожно-транспортное происшествие с наличием пострадавших).

Как правило, на медицинское вмешательство требуется согласие больного. В соответствии со ст. 32 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является информированное добровольное согласие гражданина. Следовательно, при обычных обстоятельствах отсутствие такого согласия исключает наказуемость, даже если в последующем из-за неоказания помощи больному был нанесен, скажем, средней тяжести вред его здоровью.

Вместе с тем оказание помощи без согласия больного (его родственников, законных представителей и т.д.) возможно, если по каким-либо причинам согласие не может быть получено (например, ввиду коматозного состояния потерпевшего), а медицинское вмешательство безотлагательно необходимо.

Состав преступления сконструирован по типу материального, поэтому преступление считается оконченным при наступлении вреда здоровью средней тяжести¹³. В этой области, как уже выше упоминалось, произошло изменение законодательной позиции: согласно ст. 128 УК РСФСР 1960 г. сам факт неоказания помощи больному без уважительных причин признавался преступным. Это серьезно расширяло основания уголовной ответственности, приводило к смешению преступления и дисциплинарного или аморального проступка.

Причинение вреда здоровью средней тяжести – минимальный размер вреда, при наличии которого возможна уголовная ответственность. Следовательно, если неоказание помощи вызвало лишь легкий вред здоровью, уголовное преследование исключается. Необходимым признаком анализируемого состава преступления является причинно-следственная связь. Вред здоровью должен быть обусловлен бездействием виновного – неоказанием им помощи потерпевшему. Если такой связи нет, содеянное не может быть квалифицировано по ст. 124, даже если и деяние в виде неоказания помощи, и вредные последствия имели место. Например, после отказа фельдшера оказать необходимую помощь больной решил самостоятельно добираться до районной больницы, в пути поскользнулся, упал и получил повреждения средней тяжести.

Субъектами преступления являются медицинские работники, а также лица, обязанные оказывать первую помощь по закону или специальному правилу (ст. 38 и 39 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан). Под медицинскими работниками следует понимать лиц, профессионально выполняющих свои функции (врач, фельдшер, медицинская сестра, акушерка, провизор и т.п.). Подсобный медицинский персонал (сани-

тары, сиделки, лаборанты, регистраторы и т.д.) субъектом данного преступления не является и при соответствующих условиях может нести ответственность по ст. 125 УК РФ. На основании ст. 10 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (ред. от 2 октября 2007 г.)¹⁴ работники милиции обязаны оказывать помощь гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также находящимся в беспомощном либо ином состоянии, опасном для их здоровья и жизни. Невыполнение такой обязанности работником милиции также может расцениваться, на наш взгляд, как неоказание помощи больному.

Субъективная сторона характеризуется неосторожной формой вины: лицо, отказывая в помощи или уклоняясь от ее оказания: а) предвидит возможность причинения вреда здоровью больного, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение такого вреда (например, надеется, что помощь окажет другой живущий недалеко медицинский работник) либо б) не предвидит возможности причинения вреда здоровью в результате неоказания помощи больному, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности можно было предвидеть наступление вреда (например, врач отказался обследовать больного, заявив, что, судя по словам родственников, ничего страшного не произошло. Если бы обследование было проведено, итог мог быть иным).

Не соответствует закону распространенное мнение, что анализируемое преступление предполагает двойную форму вины: умысел по отношению к бездействию и неосторожность по отношению к последствию¹⁵. Согласно ст. 27 УК РФ о преступлении, совершенном с двумя формами вины, можно говорить лишь в случае, когда в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, усиливающие ответственность. Речь, следовательно, идет о квалифицированных составах. Применительно к основному составу посягательства нельзя говорить о двух формах вины, поскольку деяние само по себе преступным не является – оно способно влечь дисциплинарную, административную или общественную ответственность.

Следовательно, преступление совершается с единой формой вины – по неосторожности.

Сознательное отношение к неисполнению профессиональной обязанности имеет уголовно-правовое значение, но лишь в плане индивидуализации ответственности и наказания.

Если лицо, не оказывая помощь больному, желает или сознательно допускает наступление указанных в законе вредных последствий своего поведения (средней тяжести вреда здоровью либо более тяжкого), уголовная ответственность должна наступать не по ст. 124 УК РФ, а по иным статьям (111, 112 или 105).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 5. С. 18.

² См.: Там же. № 7. С. 23–24.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2006. С. 199; Уголовное право России. Часть Особенная. М., 2004. С. 66.

⁴ Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 2. Преступления против личности. С. 339.

⁵ Такого же мнения придерживаются ряд других ученых. См., напр.: Уголовное право России. Часть Особенная. С. 66; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. С. 199.

⁶ Полный курс уголовного права. Т. 2. Преступления против личности. С. 340.

⁷ Эта рекомендация, особенно относительно оценки побоев при хулиганстве, не выглядит бесспорной. Телесная неприкосновенность личности и здоровье выступают факультативным объектом преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, поскольку их нарушение мыслимо во многих случаях совершения хулиганских действий. Как и применительно ко многим другим составам преступлений, факультативный объект охраняется нормой попутно и, как правило, не требует самостоятельной (дополнительной) квалификации.

⁸ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1983. № 2. С. 24; Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1989. № 5. С. 8; 1988. № 12. С. 4; 1983. № 1. С. 3; 1982. № 10. С. 14 и др.

⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1975. № 6. С. 12.

¹⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1965. № 1. С. 11.

¹¹ Новое уголовное право России. Особенная часть. М., 1996. С. 57; Горелик И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. Минск, 1973. С. 193–194; Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 111 и др.

¹² См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1318.

¹³ Иной позиции придерживается Г.Н. Борзенков, считающий описанный в ст. 124 УК РФ вид составом создания опасности.

¹⁴ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

¹⁵ См., напр.: Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997. С. 78; Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. М., 1997. С. 74.

Осуществление предпринимательской деятельности с нарушением правил регистрации в составе незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ): сложные вопросы правоприменения

И.А. КЛЕПИЦКИЙ – профессор кафедры уголовного права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доцент;

Я.Е. ИВАНОВА – преподаватель кафедры уголовного права Российской академии правосудия

Работа посвящена вопросам законодательной регламентации регистрации граждан в качестве субъектов предпринимательской деятельности и решению отдельных проблем квалификации видов посягательств, предусмотренных ст. 171 УК РФ. Анализируется практика Верховного Суда РФ по вопросам привлечения к уголовной ответственности за незаконное предпринимательство и обосновывается мнение о необходимости декриминализации части деяний, предусмотренных ст. 171 УК РФ.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство; нарушение правил регистрации; конкуренция норм гражданского, административного и уголовного законодательства; порядок регистрации субъектов предпринимательской деятельности

Осуществление предпринимательской деятельности с нарушением правил регистрации является одной из форм преступного деяния, предусмотренного ст. 171 УК РФ. В Федеральном законе от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹ (далее – Закон о регистрации) отсутствует определение правил регистрации, что позволяет совершенно по-разному толковать данное понятие, а это недопустимо при применении уголовного закона.

Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое содержится в п. 3 Постановления от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем»², под осуществлением предпринимательской деятельности с нарушением правил регистрации следует понимать ведение такой деятельности субъектом предпринимательства, которому заведомо было известно, что при регистрации были допущены нарушения, дающие основания для признания регистрации недействительной (например, не были представлены в полном объеме документы, а также данные или иные сведения, необходимые для регистрации, либо она была произведена вопреки имеющимся запретам).

Как видим, Пленум Верховного Суда Российской Федерации к нарушению правил регистрации относит, во-первых, только такие нарушения, которые допущены в процессе прохождения процедуры государственной регистрации, и,

во-вторых, нарушения такого характера, что вся государственная регистрация становится недействительной. Закон о регистрации не содержит понятия «недействительная регистрация». Поэтому непонятно, как следует поступать правоприменителю при квалификации действий лица по данному признаку. Очевидно, что при применении уголовного закона он должен руководствоваться однозначными понятиями, закрепленными как в самом уголовном законе, так и в позитивном законодательстве, и оценочным суждениям здесь не место. Как видим, уголовный закон и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, являющиеся актом его официального толкования, используют термины (правила регистрации, недействительная регистрация), которыми сам Закон о регистрации не оперирует. При конструировании и применении бланкетных уголовно-правовых норм такая ситуация является недопустимой. Совершенно справедливо замечание, сделанное по этому поводу Н.А. Лопашенко: «Уголовное законодательство, охраняя общественные отношения, в данном случае – отношения в сфере экономической деятельности, не должно менять суть этих отношений и, напротив, должно исходить из того их понимания, которое определено позитивным законом. Прерогативой уголовного законодательства и тем паче его официальных комментаторов не является дача своих собственных дефиниций давно существующих гражданско-правовых понятий и институтов»³.

Заметим, что в числе случаев нарушения правил регистрации Пленум Верховного Суда Российской Федерации называет непредставление в полном объеме документов, данных или иных

сведений, необходимых для регистрации. В Законе о регистрации представление документов на регистрацию отнесено к порядку регистрации (гл. III). Конкретный вид государственной регистрации регламентирован соответствующей главой. Так, в соответствии со ст. 12 при государственной регистрации вновь создаваемого российского юридического лица в регистрирующий орган представляются:

– заявление о государственной регистрации по форме, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 июня 2002 г. № 439⁴;

– решение о создании юридического лица в виде протокола, договора или иного документа в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации;

– учредительные документы юридического лица (подлинники или засвидетельствованные в нотариальном порядке копии);

– документ об уплате государственной пошлины.

В случае непредставления необходимых документов регистрирующий орган выносит решение об отказе в государственной регистрации (ст. 23). Изучение практики регистрации вновь создаваемых юридических лиц в некоторых регионах России (Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ульяновская, Новосибирская области, Республика Татарстан) показало, что пройти процедуру государственной регистрации в отсутствие необходимых документов либо содержащихся в них сведений, подлежащих включению в единый государственный реестр, невозможно. Более того, регистрирующие органы, например Московского региона, помимо документов, прямо предусмотренных ст. 12 Закона о регистрации, требуют предоставить дополнительный документ, подтверждающий местонахождение создаваемого юридического лица (копию свидетельства о праве собственности на здание либо официальное гарантийное письмо собственника здания, выражающее согласие сдать его в аренду вновь создаваемой организации). Непредставление такого документа влечет отказ в государственной регистрации на том основании, что документы, представленные по перечню ст. 12, содержат недостоверные сведения о месте нахождения юридического лица. Это свидетельствует о том, что регистрирующие органы со всей тщательностью подходят к вопросу регистрации создаваемых субъектов предпринимательства. Но даже если теоретически допустить прохождение процедуры регистрации в отсутствие необходимых для этого документов и сведений, последующее осуществление предпринимательской деятельности, на наш взгляд, не будет обладать той степенью общественной опасности, которая необходима для признания деяния преступлением. Иное бы означало, что преступной (при наличии одного из указанных в ст. 171 УК РФ криминообразующих признаков) является предпринимательская деятельность,

при регистрации которой не был представлен документ об уплате государственной пошлины; к представленному заявлению на регистрацию не подшиты отдельные приложения (например, о держателе реестра акционеров для акционерных обществ, кодах экономической деятельности); в заявлении заполнены не все графы (например, о месте проживания заявителя при регистрации, сокращенном наименовании юридического лица). Таким образом, любое формальное нарушение, допущенное в связи с представлением на регистрацию документов и сведений, можно признать преступным, с чем мы принципиально не согласны.

Помимо непредставления необходимых для регистрации документов и сведений к случаям нарушения правил регистрации Пленум Верховного Суда Российской Федерации относит осуществление государственной регистрации вопреки имеющимся запретам. На наш взгляд, запрет на государственную регистрацию установлен в Федеральном законе «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Так, в соответствии с ч. 2 ст. 20 закона не допускается государственная регистрация юридических лиц, учредителем которых выступает юридическое лицо, находящееся в процессе ликвидации. Согласно ч. 4 ст. 22.1 закона не допускается государственная регистрация физического лица в качестве индивидуального предпринимателя, если:

– не утратила силу его государственная регистрация в таком качестве;

– не истек один год со дня принятия судом решения о признании его несостоятельным (банкротом) в связи с невозможностью удовлетворить требования кредиторов, связанные с ранее осуществляемой им предпринимательской деятельностью;

– не истек один год со дня принятия судом решения о прекращении в принудительном порядке деятельности физического лица в качестве индивидуального предпринимателя;

– не истек срок, на который данное лицо по приговору суда лишено права заниматься предпринимательской деятельностью.

Помимо упомянутого закона запрет на осуществление государственной регистрации вытекает из анализа положений иных законодательных актов. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 88 ГК РФ общество с ограниченной ответственностью не может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица; согласно ч. 1 ст. 113 ГК РФ в форме унитарных предприятий могут быть созданы только государственные и муниципальные предприятия. Данные нормы носят императивный характер, и создание юридического лица вопреки установленным правилам (например, когда собственником унитарного предприятия выступает частное лицо) является безусловным нарушением закона.

Следует отметить, что ст. 171 УК РФ не содержит такого признака, как осуществление государственной регистрации вопреки имеющимся запретам. Появляется он в результате толкования Пленумом Верховного Суда Российской Федерации законодательно закрепленного понятия «нарушение правил регистрации». Что именно следует понимать под производством регистрации «вопреки имеющимся запретам», Пленум Верховного Суда Российской Федерации не разъясняет. Складывается неоднозначная ситуация: с одной стороны, уголовный закон предоставляет правоприменителю полную свободу в оценке одной из форм преступного деяния незаконного предпринимательства, оперируя понятиями, отсутствующими в позитивном законодательстве; с другой стороны, при официальном толковании ст. 171 УК РФ Пленум Верховного Суда Российской Федерации использует такую формулировку («вопреки имеющимся запретам»), что правоприменителю остается только догадываться, что же конкретно имеется в виду. Таким образом, толкование признака состава ст. 171 УК РФ (осуществление предпринимательской деятельности с нарушением правил регистрации), данное Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в п. 3 Постановления от 18 ноября 2004 г. № 23, не только не устраняет неоднозначности в понимании рассматриваемой формы преступного деяния, но, пожалуй, усугубляет ее. К такому выводу мы пришли в результате ознакомления с научной литературой, посвященной анализу состава незаконного предпринимательства. Так, Н.А. Лопашенко, не соглашаясь с толкованием признака «нарушение правил регистрации», пишет: «Получается, что государственную регистрацию запрещенной деятельности и осуществление последней Пленум Верховного Суда Российской Федерации предлагает рассматривать как незаконное предпринимательство. Однако это в определенной мере противоречит положению, сформулированному самим же Пленумом Верховного Суда РФ в п. 18 Постановления от 18 ноября 2004 г., в котором верно говорится о том, что незаконная деятельность, предусмотренная самостоятельными статьями УК РФ, направленная на извлечение прибыли (например, изготовление оружия), не требует дополнительной квалификации по ст. 171 УК РФ»⁵. Как видим, используемую Пленумом Верховного Суда Российской Федерации формулировку «вопреки имеющимся запретам» автор понимает иначе, чем мы, считая, что в п. 3 постановления говорится о регистрации криминальной по своей сути деятельности. Анализ позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации порождает отличные друг от друга выводы даже в научных кругах, так что же говорить о применении уголовного закона, где различное понимание его смысла становится неизбежным.

Установление уголовной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности с нарушением правил регистрации представляется нам абсолютно непродуманным законодательным шагом. Даже если не принимать во внимание неопределенность используемых уголовным законом понятий, здесь отсутствует та степень общественной опасности, которая необходима для признания деяния преступлением. Ведь криминализация возможна только в том случае, когда нет иного, более эффективного и достаточного механизма воздействия на противоправное поведение, способное причинить существенный вред определенному объекту. Действующим же законодательством предусмотрены вполне эффективные меры борьбы с нарушениями законодательных требований, допущенными в процессе регистрации, сообразные вредоносности таких нарушений и потому достаточные для целей правового воздействия на них. Так, в ч. 3 ст. 14.25 КоАП РФ установлена административная ответственность за непредставление, или несвоевременное представление, или представление недостоверных сведений о юридическом лице или об индивидуальном предпринимателе в регистрирующий орган в случаях, когда такое представление предусмотрено законом. Кроме того, ст. 25 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» закрепляет право регистрирующего органа обратиться в суд с требованием о ликвидации юридического лица в случае допущения при его создании грубых нарушений закона или иных правовых актов. Регистрирующий орган вправе также обратиться в суд с требованием о прекращении деятельности физического лица в качестве индивидуального предпринимателя при наличии неоднократных либо грубых нарушений им законов или иных нормативных правовых актов о государственной регистрации индивидуальных предпринимателей. Предпринимательская деятельность, осуществляемая с нарушением правил регистрации, не обладает той степенью общественной опасности, при которой применение указанных мер воздействия было бы недостаточным.

На основании изложенного мы полагаем, что форма преступного деяния «осуществление предпринимательской деятельности с нарушением правил регистрации» должна быть исключена из ст. 171 УК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.

² См.: БВС РФ. 2005. № 1.

³ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006. С. 295.

⁴ См.: СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2586.

⁵ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики. С. 296–297.

О современном состоянии отечественного законодательства и путях оптимизации системы назначения уголовных наказаний

А.М. СЫСОЕВ – и. о. начальника юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

Статья посвящена проблемам применения норм уголовного законодательства, обусловленным отсутствием изучения социальных причин изменений уголовного закона, а также ярко выраженных оснований криминализации деяний, что в свою очередь ведет к трудностям в реализации принципа адекватности наказания совершенному деянию. При рассмотрении уголовно-правовых норм, предусмотренных Особенной частью, обращается внимание как на пределы относительно определенных санкций, так и на их альтернативность. Автор, рассматривая современную систему назначения наказаний, обращается к опыту реализации балльной системы в США, некоторые принципы которой возможно адаптировать в отечественных условиях.

Ключевые слова: задачи уголовного законодательства; социальная обусловленность уголовного закона; применение норм уголовного права; декриминализация деяний; основания криминализации; адекватность системы наказания; Примерный уголовный кодекс США; федеральные руководства по назначению наказаний; нормы Особенной части; шкала назначения уголовных наказаний; балльная система назначения наказаний; пределы санкций

Общеизвестно, что меры уголовно-правового характера позволяют эффективно использовать аппарат государственного принуждения в борьбе с преступностью. Однако установление уголовно-правового запрета не может рассматриваться как абсолютное благо, так как при криминализации деяний всегда приходится жертвовать одними общественными интересами ради других, а значит, уголовный закон – это «всегда конфликт, где, с одной стороны, выступает его необходимость, а с другой – те негативные последствия, издержки, которые в нем заложены и без которых невозможно уголовно-правовое регулирование в принципе»¹. Существенно значимым последствием необоснованных изменений уголовного закона может оказаться и то, что с введением некоторых правовых норм в обществе становится возможным обострение социальной напряженности, так как уголовный закон регулирует важнейшие общественные отношения путем официального закрепления прав и обязанностей участников данных отношений. Поэтому «осознанное применение уголовного права и усвоение уголовно-правовых предписаний невозможно без понимания природы уголовного права, роли его консервативной стороны»².

Криминализация деяния представляет собой процесс преобразования социальной реальности в правовую посредством использования юридической формы. «Регулируя поведение людей, диспозиция уголовно-правовой нормы в известной мере его модифицирует... Криминализируя деяние, законодатель каждый раз выбирает из реальной действительности, реального поведения необходимо достаточное количество его признаков, позволяющих его идентифицировать как преступное. Тогда как

санкция – искусственно конструируемый инструмент воздействия на такую реальность»³. В этой связи закономерен и актуален вопрос о соразмерности наказания уголовно наказуемому деянию. Еще профессор Н.Д. Сергеевский отмечал: «Определяя наказание за отдельные преступные деяния, положительное право всегда руководствуется началом соразмерности наказаний по их тяжести со значением преступных деяний... Степень важности деяния определяется в каждую эпоху и законодателем, и господствующими в обществе правовоззрениями по оценке деяний объективной и субъективной. Критерий объективный складывается из размеров причиненного деянием или грозящего от деяния вреда, материального или идеального... Критерий субъективный складывается, наоборот, из признаков, лежащих в субъекте преступного деяния и заключающихся в свойстве тех внутренних настроений, которые движут преступной деятельностью и от которых вместе с тем зависит субъективная – в личности преступника заключающаяся – вредоносность или опасность его для общества»⁴. Таким образом, источником уголовного права являются социальные потребности и приоритетные интересы, определяемые законодателем, при этом введение уголовно-правового запрета в свою очередь деформирует и усложняет потребности общества. Уголовное право, являясь отражением политики государства, осуждает деяние максимально возможным для права способом, тем самым оказывая влияние на сложившиеся социальные институты, видоизменяя и преобразовывая их в соответствии с потребностями власти. В этом и заключается двойкость уголовно-правового запрета, который, с одной стороны, является своеобразным

ответом на реалии социально-экономического и политического развития общества, выражением воли законодателя, а с другой стороны, сам порождает изменения в данной социальной формации, воздействуя на массовое сознание, видоизменяя общественные отношения.

Несомненно, что функционирование уголовного закона в целях реального сохранения правопорядка и защиты общественных отношений возможно только при реализации принципа динамизма, который бы являлся адекватным отражением современного состояния общества и приоритета охраняемых ценностей⁵. Как уже отмечалось, законодатель с помощью уголовного запрета дает свою отрицательную оценку отдельным формам поведения – в этом и заключается социальная роль уголовного права. Признавая конкретную категорию деяний преступными, законодатель тем самым формирует объем преступного, определяя характерные черты новых криминализируемых деяний. В результате появляется необходимость исследовать основные характеристики этих явлений с целью выяснения их влияния на общество, определения степени их вредности и прогнозирования возможных социальных последствий. Профессор М.Д. Шаргородский отмечал: «Правовая норма сама по себе – это уже один из элементов обратной связи. Издавая норму права, государство на основе прогноза вмешивается в объективно происходящие процессы, чтобы они шли в желательном для государства направлении. Правовая норма, примененное наказание – это сознательно вводимая дополнительная детерминанта, которую государство, суд вводят в социальный процесс для достижения на основе прогноза тех целей, которые они ставят перед собой в борьбе с преступностью»⁶. Вводя уголовно-правовой запрет, законодатель исходит из степени общественной опасности, которая отражается в материальных признаках деяния. Профессор А.Э. Жалинский замечал, что «материальная сторона преступления отражает значимость и в данном случае вредность, общую непереносимость обществом деяния, запрещенного уголовным законом, его реального воздействия как отдельного поведенческого акта и вида поведения на внешний мир, который может раскрываться через отношения, коммуникации, систему благ и пр.»⁷. Таким образом, можно утверждать, что несмотря на то, что материальная сторона преступления предметна, а общественная опасность оценочна, именно общественная опасность отражает материальную сторону в различных признаках преступления. В этой связи вполне очевидно, что неопределенность материальной стороны преступления, незнание ее природы и значимости приводят к деформации уголовного законодательства. При этом именно общественная опасность предстает неким основанием обоснованности и соразмерности между преступлением и наказанием, однако в ряде случаев общественная опасность

может служить формальной ссылкой для произвольной криминализации деяния, что вполне закономерно, так как «общественная опасность является не правовой, оценочной категорией, а строгим уголовно-правовым понятием, чье отсутствие бы негативно отразилось на системе уголовно-правовой догматики и уголовного законодательства»⁸.

Затрагивая тему оснований криминализации деяний, стоит помнить, что общественное сознание должно воспринимать уголовно-правовой запрет в качестве нормы морали. Вместе с тем, как отмечают некоторые авторы, «не все нормы уголовного права являются критерием нравственности, а нравственность является критерием адекватности уголовного права»⁹. Отсюда следует, что в идеале изменение уголовного закона должно напрямую следовать изменениям общественного сознания, так как эффективность применения уголовно-правовых норм во многом зависит от того, насколько в социуме осуждается то или иное противоправное деяние. Отмечая, что любое преступление можно рассматривать в качестве посяательства на те или иные ценности, которые признаются и разделяются большинством общества, согласимся с мнением Ю.Е. Пудовочкина, который, беря этот тезис за основу, выделяет социально-интегративную функцию уголовного права. Указанный исследователь пишет: «Он [тезис] обеспечивает универсальное восприятие преступления общественным сознанием и оправдывает, легитимирует государственное насилие в отношении преступника. Если же общество теряет качество монолитности, если множатся мелкие социальные группы исповедуют различные системы ценностей, формирование номенклатуры преступлений значительно усложняется. Необходимо особое искусство законодателя в части отбора ценностей, благ, защита которых требует уголовной репрессии»¹⁰.

Отметим, что в современной теории уголовного права большой проблемой является изучение именно социальной обусловленности уголовного закона, оснований и пределов уголовно-правового запрета, в том числе и вопросов определения, какие деяния могут быть криминализованы (а возможно, и декриминализованы), какова эффективность действия уголовного закона и в чем причины его возможной недостаточной эффективности¹¹. Согласимся с Б.Я. Гавриловым, который, рассматривая реализацию отечественной уголовной политики, приходит к выводу, что на современном этапе «отсутствуют зачастую какие-либо конкретные сведения о социальных последствиях предстоящих изменений уголовной репрессии, а также ресурсной стоимости такого законопроекта и согласии общества его финансировать, без чего в странах с устоявшимися системами уголовного правосудия не принимается ни один уголовный закон, устанавливающий преступность или усиливающий уголовное нака-

зание за преступное поведение»¹². Профессор В.В. Лунеев отмечает, что социальные последствия преступлений практически никогда системно не изучались: «Мы не знаем реального объема преступности; мы не знаем ее полных социальных последствий; мы не знаем действительной эффективности борьбы с преступностью; мы не знаем, во что она фактически в целом обходится человеческому сообществу; мы не имеем сколько-нибудь адекватного прогноза ее возможного развития на основе интенсивных изменений в мире. Более того, мы глубинно не изучаем эти проблемы. Мы привыкли ко всему этому “незнанию”, как к стихии»¹³. Понятно, что подсчитать социальные последствия преступности в полной мере фактически невозможно, однако учесть последствия законодательной инициативы, рассчитать обоснованность принимаемых решений, спрогнозировать возможную реакцию на такие реформы со стороны населения с определенной долей вероятности представляется вполне возможным. К сожалению, отсутствие какого-либо прогнозирования в этой области порождает спорность некоторых законодательных решений.

В частности, весьма неоднозначными, по нашему мнению, выглядят законодательные реформы, приведшие к исключению института неоднократности из Уголовного кодекса; конфискации имущества как вида наказания; недооценке специального рецидива; декриминализации причинения вреда здоровью средней тяжести по неосторожности и изменению взглядов на правовую оценку хулиганства. Неудивительно, что некоторые исследователи приходят к выводу, что современное российское общество не защищено от криминальных угроз и это «является показателем низкой дееспособности властных институтов, формирующих и реализующих уголовную политику»¹⁴.

В данной связи особую актуальность приобретает задача предупреждения преступлений путем специальной превенции, которая направлена на предупреждение повторного совершения преступлений и соотносится с наказанием и иными мерами уголовно-правового характера. Отсутствие четкого механизма специальной превенции приводит некоторых авторов к выводу, что предупреждение преступлений путем уголовного закона – явление не столько правовое, сколько идеологическое¹⁵.

Необходимо отметить, что эффективность уголовно-правовой превенции в значительной степени подорвана либеральными реформами уголовного закона, которые во многом противоречат интересам общественной безопасности. Свидетельством этого является рост специального рецидива, что указывает на интенсивную профессионализацию преступной деятельности¹⁶. Вместе с тем либерализм в области назначения наказаний, который не показал существенных сдвигов в области контроля над преступностью, привел к тому, что в научном

мире широко стала обсуждаться идея о необходимости срочного ужесточения законодательства. Одни авторы пропагандируют идею самозащиты общества любыми средствами, в том числе и не оговоренными законом (О.В. Старков, С.Ф. Милоков и др.), другие – призывают к безоглядному заимствованию опыта борьбы с преступностью других «демократических» стран, в частности плана «Zero tolerance», идеи которого активно используются в законодательстве США с середины 90-х гг. прошлого века¹⁷, отрицая минусы этих систем воздействия на преступность.

Увлеченность зарубежным законодательством приводит к необоснованным предложениям по реформированию отечественного уголовного закона. Некоторые авторы предлагают по аналогии с законодательством США ввести региональные правовые системы. Так, профессор П.Н. Панченко полагает, что в Российской Федерации наряду с федеральным уголовным законодательством должны быть и шесть региональных кодексов. Как отмечает указанный автор, «Центральный округ мог бы стать при этом именно федеральным (его можно было бы назвать “Московией”), другие шесть – именно региональными: например, с такими названиями, как Балто-Поморье, Поволжье, Кавказ, Урал, Сибирь и Приморье»¹⁸. К сожалению, исследователь никак не обосновывает не только необходимость такого законодательного новшества, но и предложенного территориального деления. Неубедительно звучат и аргументы автора о необходимости заимствования опыта именно системы законодательства США «как страны, наиболее близкой нам по масштабам и ряду более конкретных параметров», которые автор так и не уточняет. Как известно, США (наряду с Англией, Канадой и Австралией) причисляется к странам семьи общего права, в которых уголовное законодательство в последнее время подвергается попыткам реформирования в направлении как унификации, так и имплементации, что отнюдь не случайно. Многие авторы, изучающие уголовное законодательство США, характеризуют его как противоречивое и рассогласованное. Профессор И.Д. Козочкин справедливо отмечает, что современное состояние американского уголовного права вызывает двойственную оценку: «С одной стороны, можно говорить об очевидных успехах, достигнутых в ходе реформирования уголовного законодательства благодаря Примерному УК – о более или менее единообразной трактовке и регулировании ряда уголовно-правовых вопросов и институтов. С другой, следует констатировать, что в США продолжает оставаться нереструктурированным уголовное законодательство, сохраняются явно не соответствующие современным представлениям в области уголовного права понятия и институты, нередко весьма значительна роль общего права в регулировании уголовно-правовых отношений»¹⁹.

Другим наглядным примером является обсуждение идеи введения в действующий Уго-

ловный кодекс института ответственности юридических лиц (организаций), что позволит обойти проблему установления *mens rea*. Таким образом, ответственность объединений является объективно ограниченной, так как она позволяет, в частности, избежать порицания виновного, а следовательно, нейтрализует общепреventивный эффект наказания.

Опасность подобного «слепого» заимствования, необоснованность попыток насаждения принципов иной системы права достаточно очевидны, а необходимость создания регионального уголовного законодательства только по причине территориального разнообразия Российской Федерации, без учета сложившейся правовой системы, откровенно говоря, представляется просто нелепой затеей. Впору задуматься об охране национального уголовно-правового суверенитета.

К сожалению, именно отсутствие какого-либо баланса в отечественной законодательной политике в области противодействия преступности, равно как и недостаток специализированных исследований, обосновывающих вводимые в уголовный закон изменения, порождает такие суждения, которые зачастую оборачиваются общими фразами о гуманизации и либерализации уголовного закона.

Отвлекаясь от заявленной темы, отметим, что многочисленные дискуссии по поводу гуманизации уголовного закона, а также превознесение действующего Уголовного кодекса и клеймение «тоталитарного» опыта законодательства являются всего лишь профанацией деятельности в угоду политическим приоритетам. Это подтверждает даже поверхностное сравнение действующего «гуманного» УК РФ 1996 г. с предыдущим, «тоталитарным и репрессивным». Так, если в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. максимальный срок лишения свободы составлял 15 лет, то по действующему УК РФ по совокупности преступлений он может составлять 20 лет, а по совокупности приговоров доходить и до 30 лет. Обоснование гуманности действующего уголовного законодательства неприменением смертной казни также весьма спорно, так как институт смертной казни сегодня фактически не отменен, а ее замена наказанием в виде пожизненного лишения свободы автоматически приводит к росту численности осужденных, отбывающих срок в пенитенциарных учреждениях, которые содержатся на деньги налогоплательщиков (читай: жертв – прямых или опосредованных) и в последующем (через 25 лет) имеют шанс вернуться к жизни на свободе. Неудивительно, что Российская Федерация, несмотря на многочисленные реформы в области законодательства на протяжении целого ряда лет занимает второе место в мире по числу осужденных, содержащихся в местах лишения свободы.

Говоря о возможностях уголовного права воздействовать на преступность, стоит отметить, что они ограничены во многом благодаря

именно ярко выраженному репрессивному характеру уголовного закона. Как отмечают многие исследователи, несмотря на явное совпадение задач уголовного права и уголовного закона (ст. 2 УК РФ), «уголовное право может использовать только тот арсенал оружия, которым его снарядил законодатель»²⁰. Таким образом, противодействие в форме уголовной репрессии не может быть главным инструментом в борьбе с криминальными формами социальной действительности, но, несомненно, наличие репрессии и эффективное ее применение являются обязательными. Следует помнить, что форма уголовного закона неотрывна от его содержания, так как от «технических качеств закона напрямую зависит то, как будет воспринято его содержание, как он будет применяться»²¹.

Проблемы применения уголовного законодательства во многом определяются конструктивными недостатками норм Особенной части и отсутствием какой-либо адекватности наказания общественной опасности и вредности совершенного деяния. В частности, возникает вопрос о допустимости назначения за умышленное преступление против личности (ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст. 116 «Побои», ст. 121 «Заражение венерической болезнью», ст. 133 «Понуждение к действиям сексуального характера», ст. 135 «Развратные действия», ст. 136 «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина» и т.д.) наказания в виде штрафа. Как отмечает профессор Э.Ф. Побегайло, в общественном сознании подобные санкции однозначно ассоциируются с возможностью «откупиться» от ответственности за содеянное²².

Рассматривая систему санкций Уголовного кодекса, стоит помнить, что она тесно связана с категоризацией преступлений. Поэтому не случайно в правовой науке в последнее время активно обсуждается вопрос о разработке шкалы уголовных наказаний, которая, с одной стороны, позволит не учитывать при назначении наказания всю совокупность квалифицирующих признаков, которые сформулированы в диспозициях конкретных санкций УК РФ, а рассматривать каждый признак самостоятельно, применяя принцип сложения; а с другой – установит правила учета отдельных, наиболее распространенных обстоятельств уголовно наказуемого деяния (групповой, насильственный характер преступлений, вооруженность и т.д.), не являющихся квалифицирующими признаками конкретного преступления, указывая степень влияния каждого из них на размер наказания.

Вместе с тем при разработке такой модели назначения наказания не стоит впадать в крайность. Так, норвежский криминолог Нильс Кристи предлагает не только применить строго формализованную систему назначения наказания, но и устранить человека из данного процесса, передав все функции назначения наказания ЭВМ²³.

Незатихающие дискуссии по поводу необходимости введения единой шкалы уголовных наказаний с различной силой идут в отечественной науке уже около 20 лет. Однако с конца 80-х гг. прошлого века, несмотря на явную перспективность этого направления, до сих пор не разработана даже теоретическая модель шкалы, не говоря уже об апробации ее на практике.

Определенной реализацией идеи шкалирования является популярная в зарубежном уголовном законодательстве концепция балльной системы назначения наказания. В частности, в США с середины 80-х гг. прошлого века федеральные суды при назначении наказания руководствуются не только соответствующим законодательством, но и рекомендациями Комиссии по назначению наказаний, которая состоит из экспертов в различных областях права, психологии и действует как независимый орган в судебной системе страны. В результате анализа более 10 тыс. уголовных дел были разработаны, и с 1 ноября 1987 г. вступили в действие Федеральные руководства по назначению наказаний, которые регулярно перерабатываются и дополняются²⁴.

Необходимо отметить, что подобная реформа в области наказания имела веские причины и была обусловлена как неэффективностью реабилитационной модели с ее системой неопределенных приговоров и чрезвычайно большими различиями в назначении наказаний за одинаковые или сходные преступления, так и стремительным ростом преступности.

Упомянутые Федеральные руководства включают таблицы по назначению наказаний по видам и размерам, содержащие максимальные и минимальные санкции за различные составы преступлений, в том числе уголовно наказуемые деяния, совершенные рецидивистами. Руководства предусматривают 43 уровня (или балла) опасности преступлений²⁵, которые определяются в зависимости от объекта посягательства и формализованной оценки квалифицирующих признаков с учетом обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание. Руководства имеют две оси: вертикальную, где сверху вниз расположены уровни тяжести преступлений, и горизонтальную, где даны категории предыдущих судимостей, при которых баллы «повышаются» в зависимости от количества преступлений, которые подсудимый свершил ранее.

Хотя балльная система не решает проблемы формализации процесса назначения наказания полностью, но предоставляет возможность «в определенной степени гармонизировать цели применения наказания, устранив имеющиеся между ними противоречия»²⁶. Несомненно, данная система представляет интерес, однако ее «слепое» копирование без соответствующего анализа и соотношения с отечественным опытом законодательства может вызвать нарушение основ действующего уголовного законодательства. В этой связи представляет практический

интерес разработка обязательного для судей правового акта, регулирующего систему назначения наказаний, с учетом основных положений действующего уголовного закона и устранением противоречий между нормами Общей и Особенной части.

При рассмотрении норм Особенной части обращает на себя внимание проблема пределов относительно определенных санкций и их альтернативности. Отдельные нормы содержат ряд несоответствий между наказуемостью основных и квалифицированных составов преступлений. Подобная конструкция санкций допускает в теории возможность назначения судами за квалифицированный состав преступления наказания менее строгого, чем за основной. В этой связи уместно вспомнить отечественный опыт теории уголовного закона, в соответствии с которым высший предел санкции за «простое» уголовно наказуемое деяние должен быть одновременно низшим пределом за «квалифицированное» преступление. Внесение соответствующего изменения в уголовное законодательство, как представляется, будет способствовать практической реализации принципа адекватности наказания совершенному деянию.

Несомненно, поиск путей совершенствования уголовного закона, повышения его эффективности должен продолжаться, однако существующее сегодня положение вещей свидетельствует как о явной непоследовательности вносимых в Уголовный кодекс изменений, так и об отсутствии какого-либо прогнозирования законодателем последствий нормотворчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прокументов Л.И. Роль и место криминализации и декриминализации деяний в системе правовых наук // Проблемы теории наказания и уголовно-исполнительного права / Под ред. В.А. Уткина. Томск, 2003. С. 22.

² Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 11.

³ Валеев М.Т. О разграничении понятий криминализации и пенализации общественно опасных деяний // Проблемы теории наказания и уголовно-исполнительного права / Под ред. В.А. Уткина. С. 29–30.

⁴ Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века: исследование. Владимир, 2008. С. 43.

⁵ Стоит оговориться, что рассматриваемые в статье принципы динамизма и адекватности наказания не упоминаются законодателем в ст. 3–7 УК РФ (законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма). Под принципом в широком смысле слова автор понимает основное исходное, «базисное» положение теории права. Принцип динамизма предполагает, что эволюция общественных отношений должна порождать изменение уголовного закона, способствовать достижению его эффективности с учетом социальной действительности. Принцип адекватности наказания напрямую связан с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ) и вытекает из ч. 2 ст. 43 УК РФ, где целью наказания наряду с другими является восстановление социальной справедливости, которая, кроме восстановления нарушенных преступлением социальных интересов, также представляет и справедливость назначенного наказания, его адекватность совершенному деянию, при этом в первую очередь имеется в виду криминологическая обусловленность системы наказания.

⁶ Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность // Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб., 2004. С. 396.

⁷ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. С. 334.

⁸ Стоянович З. Общественная опасность и уголовное законодательство // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: Материалы IV Российского конгресса уголовного права (28–29 мая 2009 г.). М., 2009. С. 781.

⁹ Тасаков С.В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. СПб., 2008. С. 48.

¹⁰ Пудовочкин Ю.Е. Преступление и наказание в изменяющемся мире // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. М., 2008. С. 472.

¹¹ Стоит отметить, что ряд авторов (В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев, Н.А. Лопашенко, Г.А. Злобин) выделяют «прогностический» принцип криминализации, когда ожидаемые положительные последствия криминализации должны превышать ее отрицательные последствия (см., напр.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 105–108).

¹² Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. С. 9.

¹³ Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. № 1. С. 37.

¹⁴ Надтока С.В. Решение власти как фактор криминализации и декриминализации общества // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. М., 2008. С. 451.

¹⁵ См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. С. 214.

¹⁶ См. подр.: Побегайло Э.Ф. Криминализация общества через декриминализацию преступлений // Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб., 2008. С. 26–41.

¹⁷ В основе понятия «нулевая терпимость», введенного в обиход бывшим мэром Нью-Йорка Р. Джулиани, находится идея применения закона без принятия во внимания каких-либо смягчающих вину обстоятельств, что нашло отражение в Законе 1994 г. «Об усилении борьбы с преступностью», принятом администрацией Б. Клинтона. Этот закон, в частности,

значительно ужесточил меры уголовной ответственности за насильственные преступления, расширил перечень преступлений, наказуемых по федеральному законодательству смертной казнью, почти на 60 составов, запретил продажу некоторых видов наступательного оружия и т.д. Такая уголовная политика привела к резкому увеличению количества осужденных в 90-е гг.

¹⁸ Панченко П.Н. Правотворческие ошибки в уголовном праве постсоветской России и пути их устранения // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: Материалы междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / Под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. М., 2009. С. 1012.

¹⁹ Козочкин И.Д. Современное состояние и проблемы уголовного права США: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 3.

²⁰ Комиссаров В. Возможности уголовного права в борьбе с преступностью // Уголовное право. 2008. № 6. С. 111.

²¹ Шаргородский М.Д. Система и структура уголовного закона // Шаргородский М.Д. Избранные труды. С. 119.

²² См.: Побегайло Э.Ф. Избранные труды. С. 34.

²³ См.: Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985. С. 63–65.

²⁴ См. подр.: Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007. С. 237–253; Он же. Современное состояние и проблемы уголовного права США; Стиер Д. Об уголовной политике США по назначению наказаний и исторических предпосылках разработки шкалы // Шкала уголовных наказаний как способ борьбы с коррупцией в сфере правосудия: Материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2005. С. 30–32; Якубов А.Е. Обратная сила уголовного закона и шкала уголовных наказаний // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. М., 2008. С. 173–175.

²⁵ Так, если простая кража «оценивается» в минимальные 6 баллов, то кража со взломом – уже в 17, а убийство первой степени (предумышленное убийство с наличиемотягчающих обстоятельств) – в максимальные 43 балла.

²⁶ Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. СПб., 2006. С. 133.

Нарушения законности персоналом уголовно-исполнительной системы как объект криминологического исследования (понятие, виды, детерминанты, возможности прогнозирования)

А.В. САЛАТИН – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам

Автор статьи на основании анализа научных источников и результатов практического исследования характеризует нарушения законности персоналом уголовно-исполнительной системы: выделяет наиболее типичные виды; выясняет коэффициент нарушений законности персоналом УИС; определяет уровень и причины латентности; устанавливает факторы, детерминирующие изучаемое явление; предлагает классификацию нарушений исходя из мотивационного комплекса правонарушителя.

Ключевые слова: нарушения законности сотрудниками УИС; прогнозирование нарушений; преступность персонала исправительных учреждений; метод экстраполяции; латентность; коррупция в УИС

В процессе исследования любого явления асоциального характера необходимо определить его наиболее существенные черты, выявить законо-

мерности, обозначить сущность, с тем чтобы наметить пути воздействия на него и разработать механизм предупреждения. Нарушение законо-

сти сотрудниками уголовно-исполнительной системы не является исключением. Рассматривая обозначенную проблему, стоит отметить, что закрепленные в законах и других актах правила поведения сами по себе могут остаться на бумаге, не превратиться в реальные общественные отношения, если не будет обеспечиваться их соблюдение на практике. Таким образом, «законность является обязательной и необходимой частью одного из важнейших методов правового регулирования общественных отношений»¹.

Несмотря на наличие большого количества научных работ по проблемам укрепления законности в системе правоохранительных органов, среди ученых нет единства в определении понятия «нарушение законности», что обусловлено многоплановостью этого явления и, как следствие, трудностями при раскрытии его содержания.

В большинстве энциклопедических словарей термин «законность» понимается «как соблюдение законов; положение, при котором жизнь общества охраняется законами»², в то время как «нарушить» означает «не выполнить, не соблюсти чего-нибудь»³. Таким образом, нарушение законности мы понимаем как несоблюдение норм и правил, установленных законом. Однако такое определение кажется чрезмерно общим.

Попытаемся конкретизировать термин «соблюдение законности в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы», понимая его как строгое исполнение всеми должностными лицами, наделенными властными полномочиями, законов и подзаконных актов, регулирующих исполнение наказания. Исходя из этого определения нарушение законности сотрудниками учреждений и органов исполнения наказаний представляет собой сознательное игнорирование лицами, наделенными властными полномочиями, своих служебных обязанностей, что ведет к нарушению действующего законодательства и негативно отражается на деятельности уголовно-исполнительной системы.

В ходе анализа понятийного аппарата и специфики изучаемого явления возникает закономерный вопрос: каковы же масштабы нарушения законности в уголовно-исполнительной системе? Стоит отметить, что проследить динамику и характер нарушений, дать оценку состоянию законности очень трудно, так как нет сводных данных о содержании нарушений, присущих различным категориям сотрудников, соотношении нарушений законности в различных видах учреждений, исполняющих уголовные наказания. Сложности возникают также в силу уже отмеченной нами ранее обширности предмета исследования.

Формально нарушения законности включают в себя как преступления, так и иные формы правонарушений. Вместе с тем стоит отметить, что сведения о нарушениях законности персоналом

Федеральной службы исполнения наказаний централизованно собираются и публикуются наряду с представляемыми отдельно данными о преступлениях, совершаемых сотрудниками, а также сведениями о нарушениях служебной дисциплины персоналом органов и учреждений исполнения наказаний.

Для определения динамики изучаемого явления рассмотрим показатели нарушений законности персоналом УИС, отраженные в официальных обзорах Федеральной службы исполнения наказаний за 2004–2008 гг. Представим данные для большей наглядности в графическом виде, определим линию тренда.

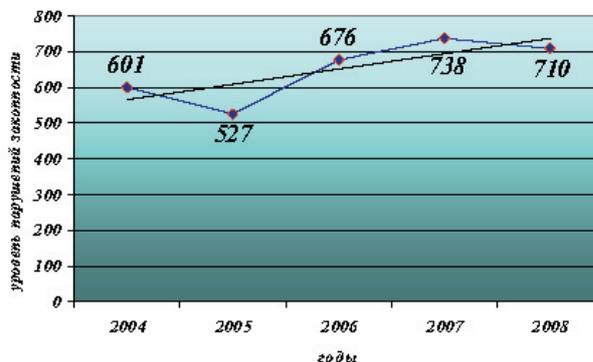

Рис. 1. Динамика нарушений законности персоналом уголовно-исполнительной системы (2004–2008 гг.)

К сожалению, данные относительно разграничения нарушений законности аттестованным составом органов и вольнонаемными работниками уголовно-исполнительной системы в официальных отчетах не приводятся.

Анализируя график, отражающий динамику нарушений законности, стоит помнить, что штатная численность сотрудников органов и учреждений исполнения наказаний обнаруживает устойчивый рост: по состоянию на 1 июля 2009 г. персонал УИС составлял 327,9 тыс. чел., в том числе аттестованных сотрудников – 260,2 тыс. чел.⁴

Рассчитаем коэффициент нарушений законности персонала УИС за 2008 г. по формуле: $КНЗ = (НЗ * 1000) : П$, где НЗ – количество учтенных нарушений законности (710 деяний); П – численность персонала (327 900 чел.). Коэффициент будет равен 2,16 на 1 тыс. чел.

Отталкиваясь от данных официальных отчетов, попробуем спрогнозировать развитие ситуации в области регистрации нарушений законности в 2009 г.

Основная задача, стоящая перед исследователем при составлении научно обоснованного прогноза, – выяснить, чего следует ожидать в перспективе на основании нынешних и возможных будущих результатов научного познания изучаемых явлений, если за основу будет принята

та или иная объективная совокупность законов при тех или иных современных либо ожидаемых в будущем условиях проявления этих законов. Такая постановка вопроса свидетельствует о том, что «прогнозирование не стоит вне системы перспективного планирования и управления, а образует органическую составную часть этой системы. В этом аспекте прогнозирование является предварительным этапом перспективного плана, начальным этапом перспективного планирования»⁵.

В социальном прогнозировании в зависимости от конкретных условий могут быть использованы разнообразные методы прогнозирования: метод экстраполяции, метод экспертных оценок, моделирование, метод аналогии и другие, но «высокая степень надежности прогноза, как показывает прогностическая практика, может быть обеспечена только комплексным использованием нескольких прогностических методов»⁶. Таким образом, криминологический прогноз можно рассматривать как определенную модель, перспективу преступности. Он является системой информации, результатом теоретического поиска и исследования возможных путей развития преступности. Криминологический прогноз выступает в качестве орудия научной подготовки и обоснования стратегических решений, касающихся планирования процесса борьбы с преступностью и управления им.

Необходимость научной разработки проблемы криминологического прогнозирования обусловлена социальной потребностью в предвидении антиобщественных явлений, в частности нарушений законности (включая и преступность) персоналом УИС, в целях определения возможностей предупреждения указанного явления. Прогностические выводы дают возможность заблаговременно подготовиться к событиям, рационально распределить силы и средства, выработать оптимальное решение, спланировать деятельность и в конечном итоге обеспечить выполнение поставленных задач. Концепции криминологического прогнозирования уделяли серьезное внимание многие ученые (Г.А. Аванесов, С.Е. Вицин, К.К. Горяинов, А.И. Долгова, А.Э. Жалинский, И.И. Карпец, Л.В. Кондратюк, В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский, В.В. Орехов и др.), однако в силу ряда объективных причин, в том числе «сложности методики, чрезмерного увлечения долгосрочными прогнозами в ущерб более точным и практически значимым их видам, недостатка вычислительной техники»⁷, многие исследования оказывались малоэффективными при практическом применении.

Следует отметить, что нарушения законности персоналом УИС также относятся к числу сложных социологических явлений, относительно которых достаточно точный количественный прогноз чрезвычайно затруднен. Криминологическое прогнозирование не устраняет неопреде-

ленности возможных явлений, а лишь позволяет минимизировать ее, представляя прогнозируемое будущее в виде нескольких объективных вариантов.

Анализ нарушений законности может рассматриваться как форма социальной диагностики, которую в этом аспекте «допустимо определять в качестве вида оперативного анализа социального объекта с целью определения его состояния, оценки конкретной ситуации, в рамках которой он функционирует или протекает»⁸. Правовая футурология предполагает использование общенаучных, конкретных и специальных методов. «В общие методы входит все, чем располагает в настоящее время логика научного исследования: восхождение от абстрактного к конкретному, индукция и дедукция, системно-структурный анализ, исторический и логический методы, обобщения, сравнения и абстрагирования, гипотеза, эксперимент, аналогия, динамические и статистические методы и др. К частным методам относятся метод конкретно-социологических исследований, который включает изучение документов, опросы, наблюдение, аналитические обследования, статистический анализ и др. Специальные методы: экстраполяция, моделирование, экспертная оценка»⁹.

Как видим из вышеприведенного графика, несмотря на незначительное снижение числа зарегистрированных нарушений в 2008 г., линия тренда уверенно демонстрирует неуклонный рост количества этих деяний, что при экстраполяции свидетельствует о высокой вероятности увеличения регистрации рассматриваемых нарушений в 2009 г. примерно на 5%.

Вместе с тем стоит отметить, что любой научный прогноз на основе даже самой элементарной экстраполяции требует предварительного анализа уже имеющихся данных о социальном объекте, развитие которого намечено прогнозировать. На основе экстраполяции нельзя возводить прогноз в объективную закономерность, так как «в определенный момент развития в действие вступают другие закономерности и продолжавшийся некоторое время процесс изменяет свое направление»¹⁰. Стоит также помнить, что мы рассматриваем только зарегистрированные факты противоправного поведения сотрудников УИС, в то время как специфика условий исправительных учреждений, а именно высокая степень зависимости осужденных от администрации мест лишения свободы, дает основание предполагать, что латентность изучаемого явления значительно выше, чем в других правоохранительных органах, где зависимость граждан от сотрудников меньшая, а возможность обратиться потерпевшему с жалобой в вышестоящую инстанцию гораздо большая.

Проведенное нами исследование¹¹ показывает, что, по мнению большинства сотрудников УИС (42% респондентов), на одно зарегистри-

рованное нарушение законности приходится свыше десяти скрытых фактов, причем, как отмечают 29% опрошенных, это связано не столько с фактами «невыявления» этих случаев руководством органа или учреждения исполнения наказания, сколько с нежеланием «выносить сор из избы» по различным основаниям. Таким образом, можно полагать, что в ряде случаев латентность нарушений порождается ложным пониманием интересов службы.

Какова же структура нарушений законности сотрудниками УИС? Рассмотрим официальные отчеты ФСИН России, мы отметили, что на протяжении ряда лет доминируют такие нарушения, как вступление в запрещенные связи с осужденными к лишению свободы и подследственными, находящимися в СИЗО; необоснованное водворение осужденных в ШИЗО, ПКТ, ДИЗО; незаконное лишение или предоставление прав.

Виды нарушений законности сотрудниками уголовно-исполнительной системы¹²

Наименование показателя	Год			
	2005	2006	2007	2008
Вступление в запрещенные связи со спецконтингентом	325	268	245	243
Незаконное изменение условий содержания осужденных	6	9	21	11
Незаконное лишение или предоставление прав осужденным	16	24	25	32
Необоснованное водворение в ШИЗО, ПКТ, ДИЗО	121	195	113	181
Несвоевременное освобождение из мест лишения свободы	9	2	10	6
Нарушение правил применения наручников, самбо, спецсредств	1	0	1	1

Рассматривая список деяний, отнесенных к нарушениям законности сотрудниками УИС, стоит отметить, что непосредственно незаконное расширение прав осужденных в нем не фигурирует. А ведь, как показывает анализ практики прокурорского надзора и жалоб осужденных, представители администрации пенитенциарного учреждения иногда делегируют осужденным полномочия, которые должны иметь только сотрудники исправительного учреждения, что не только создает в местах лишения свободы атмосферу анархии, отсутствия должного контроля со стороны администрации учреждения, но и нередко провоцирует межличностные конфликты среди спецконтингента.

Отдельно остановимся на показателях преступности сотрудников УИС. Наиболее часто возбуждаются уголовные дела по фактам, связанным с ненадлежащим выполнением служеб-

ных обязанностей, предательством интересов службы. Из года в год преобладают такие виды уголовно наказуемых деяний, как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), преступления, связанные с хранением и распространением наркотиков, включая и случаи их передачи спецконтингенту ИУ (ст. 228 УК РФ «Незаконное приобретение, хранение или их аналогов»), взяточничество (ст. 290 УК РФ «Получение взятки», ст. 291 УК РФ «Дача взятки»).

В ходе анализа статистических данных о состоянии преступности сотрудников уголовно-исполнительной системы обращает на себя внимание увеличение регистрации проявлений коррупции. Так, если в 2006 г. за эти преступления было осуждено 12 чел., то в 2007 г. таких лиц было уже 24, а в 2008 г. – 29¹³. И это лишь вершина айсберга. Несомненно, регистрируемые показатели этого вида преступности в связи с эволюцией антикоррупционного законодательства и объявлением Президентом Российской Федерации борьбы с коррупцией приоритетным направлением противодействия преступности существенно вырастут в ближайшие два-три года.

Соглашаясь с мнением, что «каждое преступление, совершенное сотрудниками исправительного учреждения, – это противоправное разрешение противоречий, существующих между конкретным человеком, обществом и государством»¹⁴, мы тем не менее выделяем следующие факторы, продуцирующие эту форму нарушения законности аттестованным составом УИС:

- снижение уровня профессионального отбора специалистов;
- недостаточный уровень материального обеспечения персонала УИС и, как следствие, отстающий от достойного уровень жизни;
- наличие у сотрудников властных полномочий относительно спецконтингента и, как следствие, поиск реальных возможностей использовать их в корыстных целях;
- слабый контроль над процессом адаптации молодых специалистов к служебной деятельности;
- доступ аттестованного состава к оружию и спецсредствам;
- неизбежное общение с лицами, имеющими богатый криминальный опыт, что в ряде случаев ведет к криминальной зараженности персонала учреждений исполнения наказаний, усвоению сотрудниками норм тюремной субкультуры. Либерализация уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, меры, принимаемые к сокращению численности осужденных, привели к тому, что в настоящее время в местах

лишения свободы сосредоточена наиболее криминогенная часть общества. Как отмечают исследователи, более 60% осужденных к лишению свободы отбывают наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления, при этом треть из них – это лица, имеющие психические отклонения¹⁵;

– низкий престиж службы в уголовно-исполнительной системе по сравнению со службой в других правоохранительных органах;

– закрытость самой пенитенциарной системы, способствующая высокой латентности правонарушений, совершаемых персоналом в отношении осужденных к лишению свободы, что создает у определенной части сотрудников ощущение вседозволенности и правильности своих действий;

– несовершенство правовой регламентации деятельности персонала исправительных учреждений. Многочисленными исследованиями установлено, что «несовершенство законодательных актов, их неполнота, неясность, а порой и противоречивость способствуют формированию у сотрудников правового нигилизма, который нередко проявляется в форме установки на правоохранительное бездействие, непринятие необходимых по закону мер, произвольное толкование закона, других нормативных актов и т.д.»¹⁶. Правовой нигилизм в среде сотрудников правоохранительных структур представляет особую опасность, так как в этом случае лицо, наделенное властными полномочиями, пренебрегает нормами закона.

Подводя итоги, стоит отметить, что знание причин и условий нарушений законности рассматриваемой категорией лиц, их форм и закономерностей развития позволит не только определить потенциальную «группу риска» из числа персонала органов и учреждений исполнения наказаний, но и выработать комплекс мер предупредительного характера, направленных на нейтрализацию или минимизацию действия выявленных детерминант, в целях недопущения совершения крайней формы нарушения законности – преступления. Ведь еще со времен родоначальника классической школы уголовного права Чезаре Беккариа в правотворческой науке превалирует тезис о том, что лучше предупредить преступление, чем наказывать за него¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Солуков А.А. Проблема обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел: к теории вопроса // История государства и права. 2009. № 6. С. 14.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 208.

³ Там же. С. 392.

⁴ См.: <http://www.fsin.su/main.phtml>

⁵ Аванесов Г.А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью: Учеб. пособие. М., 1972. С. 40.

⁶ Овчинников Б.Д. Вопросы теории криминологии. Л., 1982. С. 61.

⁷ Миньковский Г.М. Прогноз криминологической ситуации и его значение для предупреждения преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1988. С. 137.

⁸ Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел / Под ред. Л.И. Беляевой. М., 2003. С. 42.

⁹ Новичков В.Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 116.

¹⁰ Шаргородский М.Д. Прогноз и правовая наука // Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб., 2004. С. 642.

¹¹ Исследование проведено в период с февраля по июль 2009 г. методом анкетирования и опроса 142 сотрудников УИС – работников кадрового аппарата, отделов (инспекций) по работе с личным составом, сотрудников службы собственной безопасности, проходящих службу в 16 регионах Российской Федерации.

¹² См.: Организация воспитательной работы с личным составом в уголовно-исполнительной системе в 2005 году // Информационно-аналитический сборник ГИЦ ФСИН России. Тверь, 2006; Организация воспитательной работы с личным составом в уголовно-исполнительной системе в 2006 году // Информационно-аналитический сборник ГИЦ ФСИН России. Тверь, 2007; Организация воспитательной работы с личным составом в уголовно-исполнительной системе в 2007 году // Информационно-аналитический сборник ГИЦ ФСИН России. Тверь, 2008; Обзор о состоянии дисциплины и законности среди сотрудников УИС в 2008 году. М., 2009.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Пенитенциарная криминология: Учеб. / Под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. Рязань, 2009. С. 555.

¹⁵ См.: Демин В.М. Профилактика правонарушений сотрудников уголовно-исполнительной системы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 3.

¹⁶ Алтухов С.А. Преступления сотрудников милиции. СПб., 2001. С. 165.

¹⁷ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и пред. В.С. Овчинского. М., 2004. С. 150.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Цели и средства исполнения уголовного наказания

В.Б. ШАБАНОВ – начальник уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор;

А.Л. САНТАШОВ – начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются теоретические и прикладные проблемы применения уголовного наказания с учетом его целей и средств, определенных в законодательстве криминального цикла. Особое внимание авторы статьи уделяют вопросам согласования и рассогласования норм уголовного и уголовно-исполнительного права, регламентирующих институт наказания.

Ключевые слова: наказание; цели наказания; средства наказания; восстановление социальной справедливости; исправление осужденных; предупреждение новых преступлений

Рассматривая цели наказания, прежде всего необходимо уточнить, что познание сущности целей наказания не обладает самостоятельной значимостью, а имеет важное теоретическое и прикладное значение. Как справедливо отметил И.С. Ной, смыслом такого познания является создание необходимых условий для дальнейшего исследования различных аспектов наказания, особенно его эффективности – наиболее сложной, но достаточно важной на сегодняшний день проблемы¹. Цели наказания следует признать конечным, мысленно предвосхищаемым результатом, которого государство стремится достичь применением наказания².

Цель и средства являются философскими, а не уголовно-правовыми категориями. Без познания их сущности невозможно определить содержание целей наказания. Для того чтобы разрешить этот вопрос, изначально следует обратиться к дефинициям рассматриваемых понятий.

В словаре русского языка С.И. Ожегова цель толкуется как «то, к чему стремятся, что надо осуществить»³, средство же определяется как «прием, способ действия для достижения чего-нибудь»⁴.

Цель всегда связана со способностью человека предвидеть будущее и результаты своих действий. С одной стороны, это модель будущего, то, чего нужно еще достичь, будущий результат деятельности, с другой – уже существующий образ желаемого результата. Данный системообразующий фактор как мысленный образ зафиксирован в действующем уголовном законодательстве⁵.

Формулировка целей наказания конкретизировалась по мере становления уголовного законодательства, что было обусловлено не только развитием уголовно-правовой науки, но и изменением социальной структуры нашего общества, определившим эволюцию различных государственных институтов⁶.

В ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее – УК) к числу целей наказания отнесены: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осужденного; 3) предупреждение совершения новых преступлений.

Действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК) вообще не обозначает целей института наказания. Однако в ч. 1 ст. 1 называются цели уголовно-исполнительного законодательства: исправление осужденных; предупреждение совершения новых преступлений осужденными (специальная превенция) и предупреждение совершения новых преступлений иными лицами (общая превенция). По этому поводу в правовой литературе имеется справедливое замечание о том, что отсутствие унификации целей уголовного наказания в двух тесно взаимосвязанных отраслях свидетельствует о серьезном сбое в использовании средств законодательной техники⁷.

При правовом анализе перечисленных в УК целей наказания следует отметить, что восстановление социальной справедливости целью наказания признать достаточно трудно. В научной литературе последних лет высказывается мнение о необходимости восстановления соци-

альной справедливости при исполнении наказания, причем подобное «воздаяние» фактически представляет собой кару для лица, совершившего преступление⁸. Другие же цели рассматриваются как факультативные и вспомогательные по отношению к цели воздаяния-кары⁹. Данное мнение воспринимается нами весьма критично, поскольку оно не соответствует ни тенденциям развития отечественного уголовного законодательства¹⁰, ни, как представляется, существу целей наказания. В этой связи нельзя не согласиться с замечанием Ф.Р. Сундурова и М.Д. Шаргородского о том, что месть и возмездие отвечают чувствам потерпевшего, но с государственной уголовно-правовой политикой они не имеют ничего общего. Наказание лица, совершившего преступление, защищает порядок общественной жизни, что предопределяет его общественную пользу, но никак не дает возможности рассматривать его в качестве средства отмщения или восстановления нарушенного преступником права¹¹.

Определение исправления осужденных в качестве цели наказания тоже небесспорно, но вызывает меньше разногласий в научной литературе. Данная точка зрения получила закрепление не только в национальном, но и международном законодательстве. В Европейских пенитенциарных правилах, принятых Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 1987 г., в отличие от других источников права достаточно глубоко и аргументированно раскрыто содержание исправления: «Цели исправительного воздействия на осужденных состоят в том, чтобы сохранить их здоровье и достоинство, и в той степени, в которой это позволяет срок заключения, способствовать формированию у них чувства ответственности и навыков, которые будут содействовать их реинтеграции в обществе, помогут им следовать требованиям законности и удовлетворять свои жизненные потребности собственными силами после освобождения»¹².

Что же касается отечественного уголовно-исполнительного права, то определение категории исправления осужденных (ст. 9) созвучно с легальным международно-правовым определением: это формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

В правовой литературе об исправлении говорилось в трех аспектах: оно рассматривалось как цель наказания (и задача исправительного учреждения)¹³; как сам исправительно-воспитательный процесс воздействия¹⁴; как результат наиболее эффективного воздействия при помощи применения основных средств¹⁵.

Рассмотрение исправления осужденных в качестве самостоятельной цели наказания, на наш взгляд, вызывает определенные замечания. Следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что исправление не является конечной целью наказания, а представляет собой средст-

во достижения его целей (промежуточную цель, или цель-средство)¹⁶.

Так, А.Л. Цветинович, оценивая проект УК, опубликованный в январе 1992 г., писал: «Менее удачной представляется в проекте формулировка целей наказания. Многочисленные исследования специалистов позволяют сделать вывод: общей целью наказания является предупреждение преступлений»¹⁷. В этой связи он предлагает понимать под целями: во-первых, воспрепятствование осужденному продолжать преступную деятельность, во-вторых, предупреждение совершения новых преступлений и осужденными, и третьими лицами. В свою очередь цели наказания достигаются посредством исправления осужденного и оказания воспитательного воздействия на осужденного и других лиц¹⁸.

Э.С. Тенчов конкретизирует содержание общей цели следующим образом: «Если наказание – средство самозащиты общества от нарушения условий своего существования, то глобальной целью наказания, как и уголовного права в целом, выступает именно защита общества от преступных посягательств. При таком подходе зафиксированные в ст. 20 УК РСФСР 1960 г. и ст. 43 проекта нового Уголовного кодекса цели исправления осужденных, специальной и общей превенции надо трактовать как промежуточные ради достижения указанной глобальной задачи»¹⁹.

Подтверждением тезиса о том, что исправление осужденных рассматривается в качестве промежуточной цели наказания, служат также законодательные предписания международного характера. К примеру, в Минимальных стандартах правил обращения с заключенными, принятых Первым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., устанавливается, что целью наказания является в конечном счете защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений. Этой цели можно добиться в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращении к жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться закону и обеспечить свое существование. Для этого учреждение должно использовать все исправительные, воспитательные, моральные и духовные силы в виде помощи, которыми оно располагает и которые оно считает подходящими, применяя их с учетом потребностей перевоспитания каждого заключенного²⁰.

Оценивая степень разработанности проблемы исправления осужденных с точки зрения раскрытия полноты содержания этого понятия, авторы порой высказывают крайне противоречивые суждения. Так, например, В.Ф. Ширяев отмечает, что в российской нормативной базе и научных трудах ученых-правоведов цель исправления пока не находит должного отражения, а некоторыми даже отрицается как таковая²¹. А.А. Рябинин, напротив, считает, что законода-

тель дает достаточно интересную формулировку понятия исправления в уголовно-исполнительном законе²².

Взгляды некоторых ученых ограничиваются характеристикой цели исправления как далекой, в отдельных случаях неосуществимой, достижение которой гарантировано законом не полностью²³. В то же время О.Ф. Шишов, раскрывая цель исправления осужденного, не выходит за рамки краткого суждения о том, что «исправление достигается тогда, когда человек, понесший наказание, понимает недостойность своего поведения, недопустимость совершения преступлений и не совершает их хотя бы уже потому, что боится наказания»²⁴.

По мнению А.А. Игнатъева, «цель исправления предполагает искоренение антиобщественных установок осужденного, которые привели его к совершению преступления, с тем, чтобы сделать из него полезного члена общества, способного честно трудиться и соблюдать законы»²⁵. Его позицию в целом разделяют В. Худолей и И. Черевко²⁶.

По мнению А.И. Зубкова и А. Перегудова, юридическое значение цели исправления осужденных состоит в том, что на ее основании законодатель формулирует понятие исправления осужденных, определяет средства исправления и регламентирует их применение. Все это в свою очередь способствует юридическому пониманию процесса исправления осужденных и его результата²⁷. При этом последнее означает не только определение границ, пределов поведения осужденного, позволяющее, кроме изменения вида исправительного учреждения, условий отбывания наказания, применения конкретных мер поощрения или взыскания, условно-досрочного освобождения или замены наказания, обеспечивать законность применения средств исправления, как этого требует ч. 1 ст. 10 УИК РФ²⁸. Рассматривая исправление осужденных в качестве своеобразного процесса, А. Перегудов обозначил его как «формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование их правопослушного поведения посредством воспитательной работы, общественно полезного труда, получения общего образования, профессиональной подготовки и общественного воздействия, осуществляемых в условиях, создаваемых установленным порядком исполнения и отбывания наказания (режимом)»²⁹. Подобных взглядов придерживаются также В.И. Аминов, В.П. Ревин³⁰ и В.И. Селиверстов³¹.

Мы также отдаем предпочтение предложенному выше определению, поскольку оно помимо теоретической убедительности вполне оправданно получило закрепление и в нормах действующего уголовно-исполнительного законодательства, которые раскрывают как понятие исправления осужденных, так и его основные средства (ч. 1, 2 ст. 9 УИК).

Наконец, общепризнанным в науке уголовного права является отнесение общей и частной превенции к основной цели наказания³². Мы также присоединяемся к этому суждению, поскольку без достижения этой цели вообще теряется смысл применения как наказания, так и иных мер уголовно-правового воздействия.

В правовой литературе, как представляется, делается справедливое замечание о том, что наказание как крайняя форма реализации уголовной ответственности³³ представляет собой правоограничение, в содержание которого входят такие элементы, как режим, труд, воспитательное и общественное воздействие на лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор³⁴.

Высказанный тезис весьма справедлив и в целом согласуется с действующими нормами уголовно-исполнительного законодательства. Вместе с тем имеются определенные трудности в уяснении смысла ст. 9 УИК «Исправление осужденных и его основные средства», согласно которой «основными средствами исправления осужденных являются установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие» (ч. 2).

В этой связи возникает вопрос о предназначении данных средств: они служат лишь для достижения цели исправления осужденных либо с их помощью достигаются и иные обозначенные в УК РФ и УИК РФ цели наказания?

По результатам проведенного нами анкетирования научных и практических работников складывается следующая картина: 91% респондентов считают, что эти средства призваны обеспечивать достижение всех целей уголовного наказания (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами), 5% опрошенных указали лишь на исправление осужденного и 4% не смогли или не пожелали дать ответа.

Думается, что для обеспечения унификации норм уголовного и уголовно-исполнительного права и единства юридической терминологии данные средства следует именовать основными средствами исполнения наказания. По этим соображениям наименование рассматриваемой статьи, а также ее вторая и третья части требуют новой редакции. Нам она видится такой:

«Статья 9. Исправление осужденного и средства исполнения наказания.

1. ...

2. Основными средствами исполнения наказания являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие.

3. Средства исполнения наказания применяются с учетом его вида, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного и его поведения».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом: Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов, 1973. С. 78.

² См.: Понятие и цели наказания // Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 347.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под. ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984. С. 758.

⁴ Там же. С. 660.

⁵ См.: Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: содержание, проблемы совершенствования: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2001. С. 54–55.

⁶ См.: Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. С. 52–53.

⁷ См.: Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 1982–1999 гг. Ярославль, 1999. С. 122–127; Жидков Э.В. Частное предупреждение преступлений как цель применения уголовного наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 14, 21–22.

⁸ См.: Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А. Понятие и цели наказания // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2005. 4. С. 184; Кашуба Ю.А., Скиба А.П. Проблемы определения целей уголовно-исполнительного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2005. № 3. С. 46–50; Королева Е.В. Лишение свободы в аспекте достижения целей наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 19; Карамышев С.Б. Восстановление справедливости как цель уголовного наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 6; Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003. С. 251; Перминов О.Г. Проблемы реализации уголовного наказания: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 15.

⁹ См. подр.: Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. С. 10–11; Панкратов Р.И. и др. Дети, лишённые свободы / Р.И. Панкратов, Е.Г. Тарло, В.Д. Ермаков. М., 2003. С. 93–94.

¹⁰ Если УК РСФСР 1960 г. однозначно рассматривал наказание в качестве кары, то ныне действующий уголовный закон отказался от подобного отождествления (см.: Уголовный кодекс Российской Федерации: Науч.-практ. коммент. / Под ред. Л.Л. Кругликова, Э.С. Тенчова. Ярославль, 1994. С. 47).

¹¹ См. подр.: Личность преступника и применение наказания. Казань, 1980. С. 181; Сундуров Ф.Р. Сущность уголовного наказания // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 144. Юридические науки. Казань, 2003. С. 319–320, 326; Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 254, 256.

¹² Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 197–268.

¹³ См., напр.: Никонов В.А. Уголовное наказание и его общепредупредительное воздействие на преступность: Учеб. пособие. Тюмень, 1992. С. 12–16; Имаматов М.М. Виды наказаний и принципы формирования их системы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 7; Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: теория и практика. Вологда, 2004. С. 50.

¹⁴ См.: Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. С. 14–17; Рябинин А.А. Основы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного права) Российской Федерации. Вопросы дифференциации и индивидуализации наказания. М., 1995. С. 62; Перегудов А. Юридическое значение цели исправления осужденных к лишению свободы // Преступление и наказание. 1998. № 4.

С. 25–27; Бабаян С.Л. Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в воспитательном воздействии на осужденных к лишению свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 53–65.

¹⁵ См.: Шамис А.В. Основные средства воздействия на осужденных и механизм их реализации. Домодедово, 1996. С. 106.

¹⁶ См., напр.: Тенчов Э.С. Цели наказания и их конкретизация при построении и применении санкций за преступления против собственности. С. 39; Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. С. 341–343 (авт. гл. – А.Л. Цветинович); Маликов Б.З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России. Рязань, 2004. С. 12.

¹⁷ Цветинович А.Л. Проблемы наказания в новом законодательстве // Проблемы наказания и исполнения приговора в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве. Кемерово, 1992. С. 4.

¹⁸ См.: Там же. С. 4–5.

¹⁹ Тенчов Э.С. Цели наказания и их конкретизация при построении и применении санкций за преступления против собственности // Проблемы наказания и исполнения приговора в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве. Кемерово, 1992. С. 39; Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2000. С. 341–343 (автор главы – А.Л. Цветинович); Маликов Б.З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. С. 39.

²⁰ См.: Международная защита прав и свобод человека. М., 1990. С. 290–318.

²¹ См.: Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: теория и практика. С. 45.

²² См.: Рябинин А.А. Проблемы наказания на новом этапе совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Домодедово, 2000. С. 92.

²³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 125.

²⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Т. 1 / Под ред. О.Ф. Шишова. М., 1998. С. 135.

²⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С.И. Никулина. М., 2000. С. 196.

²⁶ См.: Худoley В., Черевко И. Новый подход к исправлению осужденных // Преступление и наказание. 1998. № 8. С. 25.

²⁷ См.: Зубков А.И. Законодательство как гарант реализации цели исправления // Преступление и наказание. 1998. № 4. С. 27–29; Перегудов А. Юридическое значение цели исправления осужденных к лишению свободы. С. 27.

²⁸ См.: Зубков А.И. Законодательство как гарант реализации цели исправления. С. 29.

²⁹ Перегудов А. Юридическое значение цели исправления осужденных к лишению свободы. С. 25.

³⁰ См. об этом: Аминов В.И., Ревин В.П. Задачи, схемы и алгоритмы квалификации по уголовному праву. Общая и Особенная части. М., 1999. С. 111.

³¹ См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб. для юрид. вузов / Под ред. В.И. Селиверстова. М., 2002. С. 59.

³² См. об этом: Васильев И.М. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1973. С. 9–10; Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 139; Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. С. 260; Уголовное право России: Учеб. для вузов / Под общ. ред. Л.Л. Кругликова. М., 1999. С. 341–343.

³³ См.: Дуоунов В.К. Комментарий к ст. 43 // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 97.

³⁴ См.: Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 346 (авт. гл. Л.Л. Кругликов).

Организационно-правовые аспекты подготовки осужденных к освобождению от отбывания наказания в виде лишения свободы

Е.О. ЛУКЬЯНЧУК – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В работе рассматриваются вопросы деятельности персонала исправительных учреждений по подготовке осужденных к освобождению от отбывания наказания, уделяется внимание деятельности групп социальной защиты осужденных в решении проблем, связанных с бытовым и трудовым устройством на свободе. Представлен опыт отдельных исправительных учреждений УФСИН России по Вологодской области.

Ключевые слова: исправление осужденных; социальная помощь; контроль исправительных учреждений; лишение свободы; социальная адаптация

Подготовка осужденного к освобождению осуществляется посредством разносторонней деятельности сотрудников исправительного учреждения, в частности начальника отряда и социального работника. Анализ действующего уголовно-исполнительного законодательства приводит к мысли о том, что важность этапа подготовки лиц, содержащихся в учреждении, к освобождению определяется его основными целями и задачами. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации регламентирует порядок исполнения наказания, применение средств исправления осужденных, охрану их прав, свобод и законных интересов, а также предусматривает законодательное решение вопроса оказания помощи в социальной адаптации.

Организация социальной работы с осужденными обусловлена целями исправления и социальной адаптации освобожденных. Содержание работы по подготовке осужденных к освобождению из учреждения по отбытии срока наказания составляют следующие элементы: во-первых, реализация мероприятий посредством индивидуальной, групповой и массовой работы; во-вторых, осуществление мер социальной адаптации по предполагаемому месту жительства осужденного, с использованием возможностей взаимодействия с органами внутренних дел, местными органами самоуправления, центрами занятости населения, отделами социальной защиты и т.д.; в-третьих, взаимодействие с родственниками осужденного в целях содействия его социальной адаптации; в-четвертых, сотрудничество с общественными организациями, объединениями, религиозными конфессиями и др.

Непосредственная подготовка осужденного к освобождению от наказания начинается не позднее чем за шесть месяцев до окончания срока наказания.

При проведении индивидуальной работы с осужденными начальником отряда и социальным работником (инспектором по бытовому и

трудовому устройству) уделяется внимание таким моментам, как выяснение места предполагаемого места жительства осужденного, работы (учебы), определение материальных возможностей и потребностей. Подтверждаются сведения о социально полезных связях осужденного, отношениях с родными и близкими, коллегами. В необходимых случаях организовывается дополнительная профессиональная подготовка осужденного, способствующая его трудоустройству после освобождения из учреждения.

Во время встреч социального работника (инспектора по бытовому и трудовому устройству) с осужденным выясняется, нуждается ли осужденный в помощи, разъясняется необходимость возвращения в ту местность, где он проживал до осуждения. С учетом информации о месте предполагаемого проживания решается вопрос жилищного и бытового устройства. Осужденному предлагается составить письменное заявление об оказании ему помощи в бытовом и трудовом устройстве по месту предполагаемого жительства, на основании которого проводятся соответствующие мероприятия. В дальнейшем осужденный ставится в известность о достигнутых результатах. Если предварительные меры по трудоустройству привели к положительным результатам, то при освобождении осужденному выдается письмо в службу занятости, организацию или на предприятие.

Индивидуально у каждого осужденного выясняется потребность в вещевом обеспечении к моменту освобождения. При освобождении начальник отряда принимает меры к выдаче принадлежащих осужденному вещей и ценностей, средств, хранящихся на лицевом счете, личных документов и ценных бумаг, документов об освобождении, а если в период отбывания наказания освобождаемый осуществлял трудовую деятельность, то и документов, подтверждающих трудовой стаж. Каждый освобожденный на период следования к месту назначения обеспечивается продуктами питания¹ или деньгами на

их приобретение, а также получает единовременное денежное пособие.

В уголовно-исполнительном законодательстве закрепляется, что администрация учреждения, где осужденный отбывал наказание, по случаю освобождения обеспечивает его проездными билетами либо деньгами на оплату проезда к месту жительства (ч. 1 ст. 181 УИК РФ). Для сравнения: нормами Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь устанавливается, что лица, освобождаемые от отбывания наказания, могут рассчитывать на бесплатный проезд к месту жительства или работы, а также на снабжение продуктами питания или деньгами на дорогу по установленным нормам.

Определенную роль в социальном восстановлении осужденного играет деятельность психолога учреждения, который оказывает специализированную помощь в преодолении возможных в этот сложный для человека в период кризисных и стрессовых ситуаций². Работник психологической службы выполняет консультативную (оказывает помощь в решении личных психологических проблем осужденных) и психокоррекционную (влияет на социально-психологические установки и ценностные ориентации посредством обучения осужденных приемам и способам саморегуляции и самоконтроля) функции.

Отметим, что проведение индивидуальной работы с осужденными обеспечивает дифференцированный подход к решению вопросов ресоциализации, способствует определению степени подготовленности осужденного к выходу на свободу, а также указывает направления деятельности сотруднику, занимающемуся непосредственно подготовительными мероприятиями.

Обращение к ведомственным нормативным актам³ подтвердило, что проведению индивидуальной работы с осужденным, готовящимся к освобождению, уделяется особое внимание. В частности, п. 4 Приказа Минюста России 2006 г. № 2 «Об утверждении инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» предусматривает беседы с осужденным в целях выяснения вопросов, касающихся его социальной адаптации.

Глава 22 УИК РФ содержит нормы, регламентирующие оказание помощи освобождаемым осужденным. Подвергнув детальному рассмотрению содержание главы, мы заключили, что институт помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, предполагает содействие в трудовом и бытовом устройстве, оказание материальной помощи, утверждает право освобождаемых на трудовое и бытовое устройство, а также устанавливает контроль за лицами, освобожденными от отбывания нака-

зания. Однако законодатель не включил отдельной нормы, раскрывающей содержание понятия «социальная помощь осужденным». Например, Уголовно-исполнительный кодекс Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 211) содержит определение социальной помощи лицам, освобождаемым от отбывания наказания. Она выражается в содействии в трудовом и бытовом устройстве, оказании материальной поддержки, устранении последствий отбывания наказания, пенсионном обеспечении, помещении в медицинские учреждения, интернаты, дома престарелых, установлении попечительства⁴.

Положительным моментом и некоторым гарантом социальной адаптации является то, что законодатель предусмотрел сроки, необходимые для взаимодействия с государственными органами.

Групповая работа с осужденными, готовящимися к освобождению, подразумевает проведение занятий в школе подготовки осужденных к освобождению.

Организация деятельности школы во многом зависит от вида условий содержания осужденного в период отбывания им наказания. Как правило, школы действуют на основании привлечения к данной работе сотрудников всех служб и отделов, а также соблюдения тематики и плана занятий.

Инспектор по трудовому и бытовому устройству осужденных ведет постоянный учет лиц, освобождающихся по окончании срока отбывания наказания, и зачисляет их в группу обучающихся в соответствии с условиями содержания, характером совершенных преступлений, степенью исправления, устойчивостью социальных связей, состоянием здоровья и т.д.⁵

Представителями каждого отдела, службы учреждения с осужденными проводится индивидуальная и групповая работа по разъяснению требований законодательства, комментируются нормативные положения социального, трудового, семейного, гражданского и иного законодательства.

Широко сотрудниками используются возможности периодической печати: подбираются журналы, газеты, которые могут оказать влияние на формирование у осужденных правильных жизненных установок, дать дополнительную информацию по тем или иным вопросам. Активно используется наглядная агитация, которая обладает большой эмоциональной силой воздействия (плакаты, панно, планшеты, стенды, стенные газеты, призывы и др.)⁶. С помощью таких средств до осужденных доводится различная информация, в том числе правового характера. Важными являются сведения о вакансиях, поступающие из органов занятости населения. На стендах (досках информации) приводятся образцы основных заявлений.

Для осужденных организуются встречи, проводятся тематические вечера, лекции, се-

минары и т.д., в которых принимают участие сотрудники органов внутренних дел, паспортно-визовых служб, специалисты служб социальной защиты населения, члены Попечительского совета⁷, представители государственной службы занятости населения, общественных организаций и т.д.

Таким образом, проведение занятий в школе подготовки осужденных к освобождению посредством реализации различных психолого-педагогических средств, методов, приемов работы в группе направлено на формирование готовности к перемене условий жизни, потребности в соблюдении требований закона, уважении прав и свобод других граждан, а также ориентации на социальный и правопослушный образ жизни.

Помимо образования в исправительных учреждениях школ подготовки осужденных к освобождению в отдельных колониях создаются иные организации, оказывающие необходимую помощь на заключительном этапе пребывания в изоляции. Примером может выступить организация в одной из исправительных колоний УФСИН России по Вологодской области Центра социальной реабилитации осужденных, освобождающихся по окончании срока наказания, функционирующего в целях, аналогичных школе подготовки к освобождению. Центр, являясь самостоятельным локальным участком учреждения, располагает спальными комнатами, отдельной столовой, пищеблоком, библиотекой, тренажерным залом, комнатой для настольного тенниса, бильярдной, комнатой отдыха, сауной, кафе. В центре соблюдаются все правила внутреннего распорядка, осужденным разрешается посещать клуб, парикмахерскую, магазин. Право проживания в центре предоставляется осужденным за три месяца до освобождения на основании личного заявления. Продолжительность нахождения – не более трех месяцев без исключения из отряда. В случае допущения нарушений режима осужденный выписывается из центра.

Одной из задач деятельности отделов и служб учреждений, исполняющих наказания, является содействие осужденным в восстановлении и укреплении их социально полезных связей. Группа социальной защиты осужденных учреждения при взаимодействии с начальником отряда осуществляют мероприятия, направленные на поиск родных осужденных, возобновление и укрепление отношений с ними⁸. Сотрудниками учреждения ведется переписка, проводятся встречи с родственниками, в том числе в целях жилищного, бытового и трудового устройства осужденного после освобождения.

Помимо этого персонал сотрудничает с иными участниками исправительного воздействия. Формы внешнего взаимодействия работников учреждений с представителями государственных органов весьма разнообразны и зависят от

целей, задач, значения деятельности государственных органов в процессе исполнения наказания. Правовой основой сотрудничества являются законодательные, ведомственные, межведомственные нормативные правовые акты⁹.

Взаимодействие с органами государственной власти наиболее значимо, поскольку проявляется прежде всего в такой форме, как государственная поддержка учреждений, а также в решении вопросов, от которых зависит социальная адаптация бывших осужденных. Одной из важнейших форм содействия выступает материальная и финансовая помощь учреждениям.

Органы государственной власти также осуществляют контроль за деятельностью расположенных на соответствующих территориях учреждений и органов, исполняющих наказания. В ходе реализации данной функции имеет место не только проверка деятельности учреждений, но и согласование важнейших стратегических документов, определяющих долгосрочную перспективу развития, совместное обеспечение правопорядка в местах дислокации учреждений и т.д.¹⁰

Несомненно, рассмотренное сотрудничество положительно влияет на эффективность функционирования системы учреждений, существенно облегчает ее материальное и финансовое положение.

Интересен опыт оказания помощи освобожденным в Орловской области. Постановлением главы администрации Орловской области от 30 мая 2001 г. № 305 создана комиссия, в состав которой входят представители областной администрации, руководители предприятий, общественных и религиозных организаций, принимающая решения по оказанию помощи осужденным в трудовом и бытовом устройстве, регистрации по месту пребывания. Комиссией разработаны две областные целевые программы «О мерах по социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы»¹¹.

Формы взаимодействия учреждений с органами внутренних дел более разнообразны в связи с наличием общего объекта воздействия – осужденных, в отношении которых проводятся оперативные, розыскные и воспитательные мероприятия, осуществляется профилактическая работа. Традиционным является направление учреждениями в органы внутренних дел информации о лицах, освобождаемых из мест лишения свободы.

Значительное место в работе исправительных учреждений занимает подготовка своевременной информации для территориальных органов милиции о предстоящем освобождении осужденных, поведении последних в период отбывания наказания, их намерениях и планах на будущее. Извещение содержит полные данные о личности освобождаемого, судимости, основаниях освобождения, особых приметах, выдержки из характеристики психолога, данные

о поведении в период отбывания наказания, сведения оперативных отделов о намерении заниматься преступной деятельностью и о лицах, способных оказать влияние на последующий образ жизни освобожденного, заключения медицинских работников о состоянии здоровья осужденного. Информация такого рода может послужить основанием для проведения органами внутренних дел (службами участковых уполномоченных милиции) комплекса мероприятий в целях обеспечения надзора за своевременным прибытием освобожденного к месту жительства, его бытовым и трудовым устройством, а также для постановки на особый контроль.

Считаем, что органы милиции должны извещать администрацию мест лишения свободы об освобожденном, его трудовом и бытовом устройстве и т.д. Это оказало бы неоценимую помощь сотрудникам учреждений в выявлении недостатков своей работы, в том числе в сфере оказания помощи в социальной адаптации.

Основным содержанием сотрудничества учреждений с органами государственной службы занятости населения является решение вопроса содействия освобождаемым в трудовом устройстве.

Наличие серьезной конкуренции среди поступающих на работу ставит бывших осужденных в весьма затруднительное положение. Одним из путей выхода из сложившейся за несколько лет ситуации могло бы стать законодательное закрепление системы мер по бронированию на государственных предприятиях определенного количества рабочих мест для тех, кто недавно освобожден.

Положительные результаты в законодательном регулировании вопросов социальной реабилитации лиц, отбывших наказание, были достигнуты в 1997 г. в Республике Башкортостан, где был принят Закон «О социальной адаптации лиц, освобожденных и освобожденных из учреждений, исполняющих уголовные наказания».

Для решения вопросов трудоустройства освобожденных УФСИН по Воронежской области заключило соглашение о совместной работе с Департаментом службы занятости населения. По инициативе управления Воронежской областной думой в сентябре 1998 г. был принят закон «О квотировании рабочих мест для особо нуждающихся категорий населения». В соответствии с данным документом освобожденные относятся к категории граждан, нуждающихся в социальной защите, и на них распространяется квотирование рабочих мест. Кроме того, совместно с Департаментом службы занятости населения области в учреждениях практикуется проведение встреч осужденных с работодателями города¹². Законы о квотировании рабочих мест действуют с 2005 г. в республиках Башкортостан, Татарстан, Алтайском крае, Кемеровской, Липецкой, Новосибирской, Ростовской, Тверской, Тульской областях, Ханты-Мансийском

автономном округе. В них закреплено право лиц, освобожденных из мест лишения свободы и обратившихся в органы службы занятости населения, на трудоустройство. В Республике Марий Эл, Чувашской Республике, Алтайском крае регулярно проводятся ярмарки вакансий с выездом специалистов региональных центров занятости населения и представителей работодателей в исправительные учреждения.

В целях оказания осужденным помощи после освобождения из колоний Красноярского края на основании постановления главы администрации г. Канска была создана межведомственная комиссия по взаимодействию исправительных учреждений и предприятий, общественных и религиозных организаций города. Подобная межведомственная комиссия активно проводит работу по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних в Нижегородской области.

В настоящее время среди направлений реформирования уголовно-исполнительной системы первостепенными являются развитие цивилизованных форм обращения с заключенными, гуманизация условий отбывания различных видов уголовных наказаний. В связи с этим возрастает потребность привлечения к исправительно-воспитательному процессу с лицами, отбывающими наказание, представителей общественности.

Анализ взаимодействия учреждений и религиозных конфессий позволяет сделать вывод о том, что его основной смысл заключается в проведении мероприятий религиозного характера в целях формирования у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, светским традициям, переосмысления им собственного образа жизни.

Огромную помощь учреждениям оказывают заведения и организации, работающие с лицами, отбывающими наказание, и освобожденными, – социальные гостиницы, ночлежные дома, дома временного пребывания, реабилитационные центры, предоставляющие нуждающимся кров, питание, одежду, моральную поддержку и пр.

На этапе подготовки к освобождению начальником отряда выявляются осужденные, нуждающиеся в первоочередном решении вопроса бытового обеспечения.

Если у освобожденного несовершеннолетнего осужденного нет родственников или близких, администрация направляет запрос в орган опеки и попечительства¹³, подразделение по делам несовершеннолетних органа внутренних дел¹⁴ и комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав¹⁵ по его прежнему месту жительства с просьбой решить вопрос устройства такого лица на работу (учебу) и обеспечения его жилой площадью.

В необходимых случаях несовершеннолетний осужденный после освобождения в уста-

новленном законодательством порядке может быть направлен в школу-интернат, другое учебно-воспитательное учреждение на государственное попечение либо передан органам опеки и попечительства.

Не стоит забывать об освобождающихся, испытывающих наркотическую, алкогольную зависимость. В Вологде, например, работает региональная общественная организация «Синий Крест», осуществляющая защиту лиц, зависимых от наркотиков, алкоголя и иных химических веществ.

Очевидно, что постпенитенциарная помощь невозможна без участия различных общественных организаций, объединений и фондов. В этом деле важную роль могли бы сыграть и представители религиозных конфессий, которые весьма охотно идут на оказание моральной, психологической поддержки лицам, освобожденным из мест лишения свободы.

Наряду с вопросом бытового устройства освобождаемых заявляет о себе проблема осуществления контроля со стороны государственных органов, общественных организаций в отношении осужденных при опасном и особо опасном рецидиве в целях успешной социальной адаптации. Постановка таких граждан на учет подразумевает исполнение подконтрольным лицом некоторых обязанностей.

Административный надзор или его аналог в России должен быть закреплен законодательно, как это сделано в ряде зарубежных государств. Например, в Швейцарии в отношении лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, может быть установлен охранительный надзор, в Республике Беларусь – превентивный надзор. Наличие этого института оказывает ощутимую помощь лицам при устройстве на свободу, в частности при размещении и в поиске работы. Заслуживает внимания британский Закон о преступлении (наказании) 1997 г., содержащий положение о надзоре после освобождения от наказания на условиях probation. Полагаем, опыт некоторых зарубежных государств в решении частных вопросов социального контроля за освобождаемыми от отбывания наказания может оказаться весьма полезным.

Таким образом, изучение теоретических, правовых и организационных основ современной практики подготовки осужденного к освобождению от отбывания наказания позволило выяснить, что значительная роль в этом процессе отводится начальнику отряда осужденных, социальному работнику, психологу и инспектору по бытовому и трудовому устройству. Содержание социальной работы с лицами, освобожденными от наказания, зависит от места ее проведения и непосредственных участников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Постановление Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2005 г. № 205 «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, на мирное время» // СЗ РФ. 2005. № 16. Ст. 1455.

² См. подр.: Инструкция по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы: Приложение к Приказу Минюста России от 12 декабря 2005 г. № 238.

³ См.: Положение о группе социальной защиты осужденных 2005 г.; Приказ Минюста России от 13 января 2006 г. № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы».

⁴ См.: www.prison.memo.ru

⁵ Зачисление осужденных в группу обучающихся осуществляется за три месяца до окончания срока лишения свободы или срока, возможного для применения условно-досрочного освобождения.

⁶ См. подр.: Исправительная (пенитенциарная) педагогика: Учеб. / Под ред. А.И. Зубкова, М.П. Стуровой. Рязань, 1993. С. 210–219.

⁷ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 13 октября 1997 г. № 1295 «Об утверждении Примерного положения о попечительском совете при воспитательной колонии уголовно-исполнительной системы» // Российская газета. 1997. 29 окт.

⁸ См.: Положение о группе социальной защиты осужденных 2005 г. П. 14.

⁹ См., напр.: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. от 21 июля 2007 г.) // Российская газета. 2005. 25 дек.; 2007. 11 янв.; 27 июля; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Ст. 19–24; Закон РФ от 21 июля 1993 г. (ред. от 19 июня 2007 г.) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Российская газета. 2007. 9 февр.; 23 июня; Положение о группе социальной защиты осужденных 2005 г. и т.д.

¹⁰ Данный контроль осуществляется на основании ст. 19 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, ст. 38 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

¹¹ См.: Суровцев В.А. Социальная работа с осужденными в исправительных учреждениях УФСИН России по Орловской области // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 3. С. 23–24.

¹² См.: Тютюнцев В. Не бросать на произвол судьбы // Преступление и наказание. 2001. № 11. С. 24–26.

¹³ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. «Об опеке и попечительстве» // Российская газета. 2008. 30 апр.; Шерстнева Н.С. Опека и попечительство как форма воспитания несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. 2007. № 2. С. 13–17; Полищук-Молодоженя Т.Р. Некоторые проблемы правового регулирования опеки и попечительства // Нотариус. 2007. № 1. С. 10–15.

¹⁴ См.: Приказ МВД России от 26 мая 2000 г. № 569 (ред. от 6 апреля 2007 г.) «Об утверждении Инструкции по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1967 г. (ред. от 25 февраля 1993 г.) «Об утверждении Положения о Комиссиях по делам несовершеннолетних» // Ведомости Верховного совета РСФСР. 1967. № 23. Ст. 536; Российская газета. 1993. 19 марта.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К вопросу о возбуждении уголовного дела

Б.Я. ГАВРИЛОВ – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств

В статье анализируются положения УПК РФ, регламентирующие процедуру возбуждения уголовного дела, а также отказа в возбуждении уголовного дела, и исследуется их негативное влияние на обеспечение конституционного права граждан на доступ к правосудию.

Ключевые слова: процессуальная норма; возбуждение уголовного дела; отказ в возбуждении уголовного дела; показатели преступности

Наличие в российском уголовно-процессуальном законодательстве процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела вызывает на протяжении ряда последних лет обоснованную критику значительной части ученых и абсолютного большинства практических работников. Обусловлено это тем, что существующая на протяжении полувека процедура начала производства предварительного расследования возбуждением уголовного дела, с одной стороны, ограничивает конституционное право граждан на доступ к правосудию¹, а с другой – является одной из основных причин снижения эффективности деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью².

Наиболее наглядно негативные последствия существования института возбуждения уголовного дела проявились в условиях действия УПК РФ, когда по инициативе бывшего Генерального прокурора Российской Федерации была введена процедура обязательного получения согласия прокурора на процессуальное решение следователя, дознавателя, органа дознания о возбуждении уголовного дела, без чего невозможно было задержать подозреваемого, осуществить допрос потерпевшего, получившего телесные повреждения, могущие повлечь его смерть, и т.д.³

Одной из негативных составляющих существующей процедуры возбуждения уголовного дела является необходимость повторного вызова органом расследования потерпевшего, свидетелей для их допроса, проведения экспертных исследований, поскольку первоначаль-

но по абсолютному большинству уголовных дел указанные действия производятся в форме получения объяснений, справок об исследовании, актов изъятия документов, не имеющих процессуального значения. Повторные вызовы и допросы обуславливают отрицательное отношение граждан к процедуре в целом. Тем более что им предстоит, по сути, те же процедуры уже в третий раз в ходе судебного разбирательства. Например, заключение судебной экспертизы наркотических средств экспертом дается в ряде случаев по материалам первичного исследования, поскольку такой наркотик, как героин, изымаемый, как правило, в очень небольшом количестве (его размер в случае сбыта вообще не имеет минимальной границы и может составлять тысячные доли грамма), в процессе предварительного исследования может быть «израсходован» в полном объеме или его свойства могут подвергнуться значительным изменениям. Таким образом, для производства судебной экспертизы наркотическое средство представляется в значительно измененном виде. Или взять, например, проведение экспертизы по изъятым боеприпасам (патронам). В ходе их исследования (без чего, по сути, не представляется возможным возбуждение уголовного дела) специалист производит с этим боеприпасом соответствующие манипуляции (вплоть до их отстрела). И, соответственно, на экспертизу изъятые патроны в их первоначальном виде следователем представлены быть не могут.

Кроме того, наличие процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела в российском

уголовном процессе является существенным барьером для признания следователем в качестве доказательств сведений, полученных по результатам оперативно-розыскной деятельности, без эффективного использования которых значительно затруднено, а зачастую и невозможно раскрытие наиболее тяжких и особо опасных преступлений. Это порождает недоверие граждан к правоохранительным органам и государству.

При выработке нами предложений о совершенствовании процедуры возбуждения уголовного дела учитывался также исторический аспект института возбуждения уголовного дела как в российском законодательстве, так и в уголовно-процессуальных законодательствах государств с устоявшейся системой правосудия.

Один из аргументов в поддержку наших достаточного радикальных предложений об исключении из процедур досудебного производства процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела заключается в том, что данной процессуальной нормы не знали ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1922, 1923 гг.

Так, ст. 303 Устава уголовного судопроизводства устанавливала, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказывать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка»⁴.

Процессуальная норма о возбуждении уголовного дела в российский уголовный процесс была введена в целях ограничения политических репрессий Циркуляром Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26, п. 2 которого устанавливал, что «возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором». Однако в качестве самостоятельного положения она появилась лишь в УПК РСФСР 1960 г.

Более того, появление в российском уголовно-процессуальном законодательстве данной процессуальной нормы подтолкнуло законодателя к введению в УПК другой специальной нормы, предусматривающей возможность принятия следователем, дознавателем, органом дознания процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела. В подобном случае ст. 309 и 312 Устава уголовного судопроизводства предписывали следующее: «...если судебный следователь... не найдет достаточных оснований к производству следствия, сведения должны быть собраны... посредством негласного полицейского разведывания». Тем самым уголовно-процессуальный закон не допускал возможности отказа в возбуждении уголовного дела. Не предоставляет полиции права отказать в расследовании при наличии заявления, сообщения о преступлении и уголовно-процессуальное законодательство США, Франции, Германии и других государств

с устоявшейся системой уголовного правосудия.

По УПК РФ орган дознания, дознаватель, а в ряде случаев и следователь с целью принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела фактически вынуждены заниматься фальсификацией обстоятельств, изложенных заявителем, в лучшем случае такое решение принимается по надуманным обстоятельствам. Тем самым действующее российское уголовно-процессуальное законодательство создает значительные затруднения в осуществлении конституционного права граждан на доступ к правосудию.

В 2008 г. принято 4,5 млн решений об отказе в возбуждении уголовного дела, из которых признаны незаконными или необоснованными и отменены прокурорами 1643 тыс. решений органов дознания, руководителей следственных органов – 122 тыс. процессуальных решений следователей. Возбуждено всего 126,6 тыс. уголовных дел. Фактически количество возбужденных уголовных дел по заявлениям, сообщениям о преступлениях, по которым первоначально было принято процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, должно составлять не менее 2 млн.

Одновременно порочная практика вынесения незаконных, необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела влечет за собой не только сотни тысяч нарушений законности, но и ежегодно тысячи фактов привлечения сотрудников органов внутренних дел к уголовной ответственности не столько из-за допущенной ими халатности или злоупотреблений при регистрации преступлений, сколько по причине несовершенства процессуального закона, предоставляющего сотрудникам правоохранительных органов право принимать незаконные процессуальные решения.

С целью недопущения фактов принятия следователем, дознавателем, органом дознания незаконных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела законодатель в ч. 1 ст. 148 УПК РФ предусмотрел, что отказ в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, допускается лишь в отношении конкретного лица.

Однако правоприменительная практика, по сути, игнорирует данное требование законодателя. Недолжным образом обеспечивается ведомственный контроль и прокурорский надзор за законностью и обоснованностью принятия процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления при неустановлении лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. И изменить ситуацию с систематическим нарушением правоприменителем уголовно-процессуального закона не удастся за 7 лет действия УПК РФ. Это является нашим дополнительным аргументом в пользу исключения из УПК РФ процессуальных норм о возбуждении уголовно-

го дела и об отказе в возбуждении уголовного дела.

Другая негативная черта существующего сегодня законодательного регулирования процедуры возбуждения уголовного дела или принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела заключается в том, что искажаются данные уголовно-правовой статистики о состоянии преступности в России, уровень которой на 100 тыс. населения в 3–3,5 раза ниже, чем в абсолютном большинстве государств. Показатели преступности сегодня целиком зависят от действия так называемого «административного фактора», что наглядно подтверждается приведенными ниже статистическими данными о состоянии преступности в России за последние 30 лет. Основная причина этого заключается в том, что в уголовно-правовую статистику преступное деяние попадает исключительно после возбуждения уголовного дела, чего мировая юридическая наука и практика не знают.

Кроме того, значительное искусственное занижение показателя регистрируемых преступлений при фактическом несении МВД России финансовых затрат и расходовании иных материальных ресурсов на эту деятельность не позволяет обеспечить потребности Министерства в реальном финансировании и, соответственно, снижает эффективность правоохранительной деятельности в целом.

Процессуальная норма о возбуждении уголовного дела неизвестна странам как с романо-германской, так и с англо-саксонской системами правосудия. Например, полнота регистрации и учета преступлений в странах Западной Европы, США, Японии и других обеспечивается за счет того, что заявления о противоправных деяниях, не представляющих большой общественной опасности, после регистрации полицией ставятся на учет как преступления, а затем передаются сотрудникам для принятия мер по установлению виновного.

Например, в Швеции как преступления учитываются все 100% заявлений, сообщений о противоправных деяниях. В США к числу «индексных» преступлений, учитываемых на федеральном уровне, отнесены всего восемь основных видов: убийства; преступления, совершенные на сексуальной почве (в том числе изнасилования); нападения с целью нанесения тяжких телесных повреждений; разбои и грабежи с применением насилия; кражи автомобилей; мошенничества; преступления, связанные с наркотиками; все виды краж. Из них более чем по 4 млн, или 40%, краж ущерб составляет менее 50 долларов, что исходя из суммы пособия по безработице в российском законодательстве соответствует мелкому хищению. Все они регистрируются как «индексные» преступления, однако полиция расследование по ним в полном объеме не проводит (аналогично и в Германии, где размер мелкой кражи, регистрируемой как преступление, составляет 50 евро).

По УПК РФ эта процедура соответствует отказу в возбуждении уголовного дела, и, следовательно, «мелкие» кражи как преступления, в отличие от США и абсолютного большинства других государств мира, в России не учитываются, а фактически укрываются от регистрации путем незаконного, необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела (1 млн ежегодно). Полицейское расследование, как правило, начинается после установления подозреваемого или в случае совершения серьезного преступного деяния, что аналогично возбуждению уголовного дела по российскому уголовно-процессуальному законодательству.

Отсюда следует вывод, что началом производства по уголовному делу должно служить заявление, сообщение о преступлении, как это предусматривалось ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Слово за учеными и законодателем.

Сведения о количестве зарегистрированных преступлений в 1976–2008 гг.

Период	Всего зарегистрировано преступлений	± в % к АППГ	Смена руководства МВД	Некоторые из причин роста или снижения показателей преступности
1976	834 998		10.1966 – 12.1982 Щелоков Н.А.	Административные меры государства по наведению порядка в учетно-регистрационной дисциплине
1977	824 243	- 1,3		
1978	889 599	+ 7,9		
1979	970 514	+ 9,1		
1980	1 028 284	+ 6,0		
1981	1 087 908	+ 5,8		
1982	1 128 558	+ 3,7		
1983	1 398 239	+ 23,9	12.1982 – 01.1986 Федорчук В.В.	Рост преступности в первый год и ее снижение в последующие годы
1984	1 402 694	+ 0,3		
1985	1 416 935	+ 1,0		

1986	1 338 424	- 5,5	01.1986 – 10.1988 Власов А.В.	Снижение преступности обусловлено активизацией борьбы с алкоголизмом
1987	1 185 914	- 11,4		
1988	1 220 361	+ 2,9		
1989	1 619 181	+ 32,7	10.1988 – 12.1990 Бакатин В.В.	Начало разрушения государственного механизма борьбы с преступностью
1990	1 839 451	+ 13,6		
1991	2 167 964	+ 17,9	12.1990 08.1991 Пуго Б.К. 09.1991– 01.1992 Дунаев А.Ф.	
1992	2 760 652	+ 27,3	01.1992 – 07.1995 Ерин В.Ф.	Рост преступности в первый год и ее снижение в последующие годы
1993	2 799 614	+ 1,4		
1994	2 632 708	- 6,0		
1995	2 755 669	+ 4,7	07.1995 – 04.1998 Куликов А.С.	Тот же процесс
1996	2 625 081	- 4,7		
1997	2 397 311	- 8,7		
1998	2 581 940	+ 7,7	04.1998– 05.1999 Степашин С.В.	Тот же процесс
1999	3 001 748	+ 16,3	05.1999–03.2001 Рушайло В.Б.	Тот же процесс
2000	2 952 367	- 1,6		
2001	2 968 255	+ 0,5	с 03.2001 по 2003 Грызлов Б.В.	Декриминализация 350 тыс. краж (в период с 1 июля по 4 ноября) Криминализация более 200 тыс. краж
2002	2 526 305	- 14,9		
2003	2 756 398	+ 9,1		
2004	2 893 810	+ 5,0	с 03.2004 по н.в. Нургалиев Р.Г.	Криминализация порядка 130 тыс. краж. Ужесточение учетно-регистрационной дисциплины (с мая 2005 г.) Продолжение этих мер (до июля 2006 г.) Снижение преступности после ее роста Тот же процесс
2005	3 554 738	+ 22,8		
2006	3 853 373	+ 8,5		
2007	3 582 541	- 7,1		
2008	3 209 862	- 10,4		

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Петрухин И.Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2005. № 1. С. 64–70; Вицин С.Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56; Он же. Машину правосудия должен запустить человек // Время новостей. 2004. 4 авг.; Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 58; Гирько С.И. Актуальные проблемы производства дознания // Юридический консультант. 2006. № 6. С. 14–17; Гаврилов Б.Я. Новеллы уголовного процесса на фоне криминальной статистики // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 5–10; Он же. Правовое регулирование защиты конституционных прав личности в уголовном судопроизводстве: Моногр. М., 2004. С. 341–345; Деришев Ю.В. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34–36; Яшин В.Н., Аксенов В.В. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела по новому Уголовно-процессуальному кодексу // Следователь. 2004. № 1. С. 22–24.

² См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический прогноз. М., 2005; Гаврилов Б.Я. Способна ли российская статистика о преступности быть реальной // Государство и право. 2007. № 7; Он же. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики: Моногр. М., 2007; Акутаев Р.М. Криминологический анализ латентной преступности: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999; Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992; Скоромников К.С. Существующая система учета преступлений и раскрытия их нуждается в кардинальной реформе // Государство и право. 2000. № 1; Скоморохов Р.В., Шиханов В.Н. Уголовная статистика: обеспечение достоверности. М., 2006.

³ См.: Гаврилов Б.Я. Современная уголовно-правовая политика России: цифры и факты: Моногр. М., 2008. С. 140–146.

⁴ Российское законодательство ХХ веков: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1988. Т. 8. С. 151.

О соотношении законодательного и ведомственного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности

А.Ю. АРЕФЬЕВ – доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

А.А. ФАЛЬЧЕНКО – профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В статье представлен анализ действующего законодательства, регламентирующего порядок осуществления оперативно-розыскной деятельности. Поднимается проблема соотношения федерального и ведомственного законодательства об оперативно-розыскной деятельности, а также формирования оперативно-розыскного права. Автором отмечается ряд недостатков ведомственного и межведомственного нормотворчества, высказывается предложение об издании межведомственного нормативного акта для всех субъектов оперативно-розыскной деятельности, в котором были бы отражены общие и обязательные для всех положения основ организации и тактики указанной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное право; закон «Об оперативно-розыскной деятельности»; ведомственное регулирование оперативно-розыскной деятельности

Важным направлением теории оперативно-розыскной деятельности в современных условиях является планомерное формирование оперативно-розыскного права, подразумевающее создание и последовательное совершенствование целостной системы нормативно-правового регулирования важнейших правовых, организационных и оперативно-тактических аспектов оперативно-розыскной деятельности для повышения ее эффективности, а также обеспечение на этой основе норм и принципов законности. Формирование оперативно-розыскного законодательства – это задача, требующая серьезной научно-исследовательской и нормотворческой работы, в основе которой должны находиться широкий межведомственный и междисциплинарный подход и плодотворное сотрудничество специалистов различных ведомств – субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Решение этой задачи предполагает дальнейшее углубленное исследование закономерностей, определяющих содержание и пути совершенствования законодательного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности.

Необходимо упорядочение и ведомственного нормативного регулирования организации и тактики оперативно-розыскной деятельности, приведение нормативных актов в стройную, внутренне согласованную и строго адресную систему.

Действующий на протяжении почти пятидесяти лет Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. доказал свою жизнеспособность. За все время существования в него был внесен ряд изменений и дополнений, впрочем, не повлекших принципиальных изменений основных положений и большей частью касающихся появления

новых субъектов оперативно-розыскной деятельности, а также отдельных аспектов, которые Россия обязалась предусмотреть в своем законодательстве в связи с присоединением к определенным международным нормативным документам.

Вместе с тем сравнительно длительный период действия вовсе не означает, что закон свободен от недостатков. Некоторые из них очевидны. Например, в ст. 20 «Контроль за оперативно-розыскной деятельностью» в числе субъектов контроля не называется суд, хотя исходя из положений ст. 5, 8, 9 именно суд дает разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, и именно в суд обращаются лица, права которых были нарушены при осуществлении в отношении их оперативно-розыскных мероприятий.

Статья 18 закона декларирует правовую и социальную защиту граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. В ч. 1 провозглашается, что такие лица находятся под защитой государства, однако из последующих частей следует, что правовая и особенно социальная защита гарантирована лишь лицам, сотрудничающим по контракту. Но ведь существуют категории лиц, привлекаемых для участия в оперативно-розыскных мероприятиях, с которыми контракт не заключается, хотя они выполняют функции, аналогичные реализуемым сотрудничающими на контрактной основе.

Помимо этого следует отметить, что контрактная форма сотрудничества лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на постоянной основе, противоречит гражданскому и трудовому законода-

тельству. В данной ситуации должен заключаться трудовой договор, на основании которого выплачивается денежное содержание, осуществляются социальные отчисления и впоследствии назначается пенсия. Затронутая проблема, по нашему мнению, требует отдельного исследования.

В законе «Об оперативно-розыскной деятельности» можно найти и другие несоответствия. Например, не понятно, почему результаты оперативно-розыскных мероприятий, проведение которых санкционировалось судом, не могут напрямую использоваться как доказательства в уголовном процессе (ст. 89 УПК РФ).

Обозначенные и многие иные проблемные вопросы определяют необходимость совершенствования законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности. Заметим, что законодательная практика знает два пути: 1) подготовка нового проекта закона; 2) внесение изменений и дополнений в действующий закон. До настоящего времени чаще прибегали ко второму варианту. Нам представляется, что обе возможности имеют свои достоинства и недостатки.

Так, несколько лет назад рядом ведомств, в первую очередь МВД и ФСБ России, была принята попытка разработки новых проектов закона «Об оперативно-розыскной деятельности». К работе были привлечены как авторские коллективы, так и отдельные исследователи оперативно-розыскной деятельности. В итоге было подготовлено более пяти проектов указанного закона. Однако экспертный анализ выявил в каждом из них существенные недостатки, что послужило причиной отказа от дальнейшего их продвижения. Наиболее значимыми проблемами явились:

1. Максимальное приспособление закона к ведомственным интересам каждым разработчиком.

2. Необходимость, в случае если бы один из вариантов был принят, внесения многочисленных изменений и дополнений в действующее законодательство, в том числе и кодифицированные законы, которые по статусу выше закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

3. Отсутствие новых принципиально значимых положений, в которых нуждается правоприменительная деятельность.

Все это свидетельствует о том, что законодательская практика, по всей видимости, будет следовать по второму пути (внесение изменений и дополнений в действующий закон «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Следует отметить, что оперативно-розыскная деятельность помимо закона «Об оперативно-розыскной деятельности» регламентируется и другими федеральными законами¹. Представляется логичным деление этих законов на следующие группы:

– устанавливающие базисные положения осуществления оперативно-розыскной деятельности;

– регламентирующие деятельность отдельных субъектов оперативно-розыскной деятельности;

– регулирующие отношения, возникающие при решении частных задач оперативно-розыскной деятельности².

Дополнительно к законам оперативно-розыскная деятельность регламентируется и подзаконными актами, к которым относятся:

– указы Президента Российской Федерации (например, «Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств» от 12 июля 1995 г.; «Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне» от 30 ноября 1995 г.; «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» от 6 марта 1997 г. и т.д.);

– постановления Правительства Российской Федерации (например, «Об утверждении Правил отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности» от 4 сентября 1995 г.; «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола» от 14 октября 1996 г. и др.);

– акты Конституционного Суда и Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащие разъяснение и толкование норм оперативно-розыскного законодательства (например, Определение Конституционного суда Российской Федерации от 23 июня 2005 г. № 267-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Дячука И.А. на нарушение его конституционных прав положениями ч. 4 ст. 354 УПК РФ»³; Определение Конституционного Суда Российской Федерации по жалобе граждан С.В. Бородин, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁴; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»⁵; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»⁶).

Представляется, что такая множественность источников регламентации создает определенные трудности для оперативного состава и иных участников рассматриваемой деятельности. Возможно, при доработке закона «Об оперативно-розыскной деятельности» целесообразно включить в него принципиальные положения названных нормативных актов.

Важно подчеркнуть, что организационно-тактические элементы оперативно-розыскной деятельности не могут регламентироваться законами и перечисленными подзаконными актами, поскольку содержат положения, включающие сведения, отнесенные законодателем к государственной тайне.

Часть 2 ст. 4 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» гласит, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, издают в пределах своих полномочий в соответствии с законодательством Российской Феде-

рации нормативные акты, регламентирующие организацию и тактику оперативно-розыскных мероприятий. Думается, что законодатель ограничил компетенцию субъектов оперативно-розыскной деятельности, разрешив им издавать лишь такие документы. В оперативно-розыскной деятельности помимо оперативно-розыскных мероприятий присутствуют и иные организационно-тактические элементы, которые в законе лишь обозначены, но не раскрыты. В частности, к последним относятся дела оперативного учета; институт конфиденциального сотрудничества; техника финансирования оперативно-розыскной деятельности; учетная работа и др. Правовая регламентация соответствующих вопросов относится к компетенции субъектов оперативно-розыскной деятельности, поскольку здесь преобладают сведения, отнесенные к государственной тайне. В связи с этим относительно нормотворческих полномочий субъектов оперативно-розыскной деятельности уместнее говорить, что в их компетенции находится издание нормативных актов, регламентирующих организацию и тактику указанной деятельности в целом.

Анализ нормативных актов ведомств-субъектов оперативно-розыскной деятельности свидетельствует о том, что в своей основе они структурно повторяют закон «Об оперативно-розыскной деятельности», что вполне понятно, хотя и не является обязательным. Сравнительный анализ нормативных актов различных ведомств дает основания утверждать, что большинству из них присущ ряд однотипных недостатков:

1. Излишнее дублирование закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Особенно это касается общих положений, а также оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий (ст. 7, 8 закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), которые излагаются дословно, хотя достаточно сделать ссылку на соответствующие статьи закона.

2. Терминологические различия. Например, по-разному обозначаются дела оперативного учета, а также категории лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

3. Излишняя детализация функций отдельных категорий сотрудников. Например, весьма подробно излагаются обязанности сотрудников учетных аппаратов, хотя более уместно отражать их в должностных инструкциях.

4. Изложение некоторых положений в стилистической форме, позволяющей толковать их неоднозначно. Например, в описании оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» указывается, что оперативный работник или гражданин, действующий по его поручению, может сделать лицу, представляющему оперативный интерес, ненавязчивое предложение выполнить какие-то действия. Но кто может однозначно определить, было предложение ненавязчивым или нет?

Представляется, что указанных и иных недостатков можно в значительной мере избежать,

если разработать и издать единый для всех субъектов оперативно-розыскной деятельности нормативный акт по основам ее организации и тактики. Естественно, в нем не могут быть в полной мере учтены интересы всех ведомств, но будет заложена база для издания внутренних нормативных актов с единой, насколько это возможно, структурой, терминологией⁷, а также созданы предпосылки для взаимодействия.

В этой связи хотелось бы уделить внимание межведомственному нормотворчеству. Появившиеся ранее межведомственные нормативные акты в основном касались форм и методов взаимодействия между субъектами, их издающими. Безусловно, они сыграли положительную роль в решении задач оперативно-розыскной деятельности, так как была сформирована правовая основа для совместных действий.

Вместе с тем они не были свободны от недостатков. Например, в недавно изданной Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд указано, что соответствующий процесс осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Однако в приложении дается бланк постановления, которое указанный руководитель должен утверждать⁸. Возникает вопрос: кто же должен выносить и подписывать данное постановление?

Проведенный анализ отнюдь не преследует цели дискредитировать ведомственное и межведомственное нормотворчество, а призван привлечь внимание исследователей к необходимости его совершенствования.

Исходя из этого хотелось бы обозначить свое видение ведомственных нормативных актов, регламентирующих организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности. Как уже отмечалось, базой для них мог бы служить межведомственный нормативный акт всех субъектов оперативно-розыскной деятельности, содержащий общие и обязательные для всех основы организации и тактики указанной деятельности. Ведомственные базовые нормативные акты, как правило, издаются в виде наставлений или положений. Они должны учитывать положения не только закона «Об оперативно-розыскной деятельности», но и других федеральных законов. Эти нормативные акты отражают основы организации и тактики оперативно-розыскной деятельности, поэтому нет необходимости излагать в них детально функции или действия оперативных работников и иных лиц, а также технику выполнения каких-либо действий. В них следует максимально уменьшить количество декларативных отсылок типа «регламентируется законодательством Российской Федерации и иными нормативными актами». Если отсылочной нормы избежать не удастся, следует указывать конкретно нормативный акт, статью и т.п. Детально же деятельность оперативных служб должна регламентироваться ведомственными

приказами, указаниями и инструкциями.

Представляется, что такой подход к нормотворчеству позволит «разгрузить» ведомственные нормативные акты, устанавливающие основы организации и тактики оперативно-розыскной деятельности, уменьшит их объем, сделает более приемлемыми для пользователей.

Вносимые предложения по совершенствованию законодательного и ведомственного регламентирования оперативно-розыскной деятельности не претендуют на безальтернативность, а преследуют цель открыть дискуссию в данном направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (с посл. изм. и доп.); Уголовный кодекс Российской Федерации от 5 июня 1996 г. (с изм. и доп.); Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с посл. доп.); Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (с посл. изм. и доп.); Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 24 июля 2007 г.); Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (с посл. изм. и доп.); Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (с посл.

изм. и доп.); Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (с посл. доп.); Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации»; Таможенный кодекс Российской Федерации от 18 июня 1993 г. (с посл. изм. и доп.); Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»; Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»; Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»; Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «О государственной тайне»; Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» и др.

² См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Под ред. канд. юрид. наук И.Н. Зубова. М., 2001.

³ См.: Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 6. С. 93.

⁴ См.: Российская газета. 2006. 31 янв. (№ 18).

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 1.

⁶ См.: Там же. 2007. № 2. С. 2–4.

⁷ В частности, в данном нормативном акте могут быть приведены дефиниции понятий «оперативно-розыскные мероприятия»; «дела оперативного учета»; «лица, сотрудничающие на конфиденциальной основе» и т.п.

⁸ См.: Приказ МВД РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФТС РФ, СВР РФ, ФСИН, ФСНК, МО РФ от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» // Российская газета. 2007. 16 мая (№ 101).

Институциональная модель государственной правоохранительной службы и ее основные элементы

Р.В. НАГОРНЫХ – и. о. заместителя начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена актуальным вопросам формирования институциональной модели государственной правоохранительной службы. Автор обосновывает позицию о необходимости рассмотрения государственной правоохранительной службы как комплексного социально-правового института, урегулированного преимущественно нормами административного права и предназначенного для практического и непосредственного обеспечения выполнения задач и реализации функций государства в области противодействия преступности, поддержания правопорядка и соблюдения законности в системе общественных отношений.

В статье обосновываются выводы о необходимости создания системы государственной правоохранительной службы нового типа, обеспечивающей, с одной стороны, решение задач всестороннего кадрового обеспечения правоохранительной деятельности, а с другой – повышения эффективности функционирования правоохранительной системы государства в сфере противодействия преступности и поддержания правопорядка.

Ключевые слова: государственная правоохранительная служба; институциональная модель; кадровая политика; правоохранительная деятельность

Институционализация государственной правоохранительной службы является важнейшим направлением государственно-правового строительства. В общем плане государственная

правоохранительная служба как институциональное явление представляет собой комплексный социально-правовой институт, урегулированный нормами административного и иных

отраслей права, предназначенный для практического и непосредственного обеспечения выполнения задач и реализации функций государства в области противодействия преступности, поддержания правопорядка и соблюдения законности в системе общественных отношений. При этом институциональная модель государственной правоохранительной службы как системное образование подразумевает наличие определенных элементов.

В качестве наиболее важного институционального элемента государственной правоохранительной службы следует рассматривать кадровую политику в правоохранительной сфере. В общем виде кадровая политика в правоохранительной сфере представляет собой систему касающихся сущности и направлений кадровой деятельности взглядов, принципов, идей, а также организационных, правовых, социально-психологических и экономических мер и механизмов их реализации в правоохранительной деятельности, обеспечивающих достижение целей и задач функционирования правоохранительных органов на современном этапе и в перспективе.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. подчеркивается, что обеспечению государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу способствует повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и спецслужб. В числе наиболее важных направлений совершенствования названы: противодействие коррупции, создание долгосрочной концепции комплексного развития и совершенствования правоохранительных органов и спецслужб, укрепление социальных гарантий сотрудников, развитие системы профессиональной подготовки кадров в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности, повышение социальной ответственности органов обеспечения государственной и общественной безопасности¹.

В этой связи вполне очевидно, что кадровая политика в правоохранительной сфере как институциональное правовое явление выступает одним из составных элементов социального управления в области обеспечения правопорядка и противодействия преступности, а ее организационно-правовые, социально-психологические и экономические механизмы являются вполне определенными способами управленческого воздействия в сфере обеспечения национальной безопасности.

Следующим элементом институциональной модели государственной правоохранительной службы является формирование государственно-служебных правоотношений. Как известно, служебное правоотношение представляет собой разновидность административно-правового отношения, однако, обладая общими признаками последнего, имеет вполне определенные специфические особенности. В литературе приводятся различные авторские определения по-

нятия государственно-служебного правоотношения. Например, Ю.С. Адушкин, З.А. Багишаев, В.М. Манохин рассматривают государственную службу со стороны ее внутреннего содержания в двух аспектах: как социальный фактор и как организационно-правовой институт. При этом они различают в структуре государственной службы две основные группы отношений: во-первых, связанные с организацией государственной службы, ее подготовки, во-вторых, связанные непосредственно с осуществлением служебной деятельности². Аналогичную позицию занимает и Ю.Н. Стариков, который указывает, что государственно-служебные правоотношения возникают прежде всего в связи с организацией и осуществлением государственной службы.

Процесс формирования любого публичного правоотношения опосредован наличием определенных юридических фактов, с которыми законодатель связывает наступление, изменение или прекращение правоотношения. Само же по себе правоотношение тесным образом связано с нормой права и чаще всего рассматривается в литературе как результат правового урегулирования фактического общественного отношения³. В рассматриваемом нами случае формирование государственно-служебного правоотношения обусловлено наличием двух основных разновидностей юридических фактов, а именно: юридических фактов, влекущих наступление юридически значимых последствий в сфере организации государственной правоохранительной службы (например, принятие законодательных и иных нормативных правовых актов, введение должностей и их комплектование, утверждение инструкций служащих, перемещение и высвобождение сотрудников и т.п.); юридических фактов, влекущих наступление юридически значимых последствий в сфере осуществления служебной деятельности государственными служащими правоохранительной службы (например, принятие управленческих решений, разрешение по существу обращений и заявлений граждан, пресечение правонарушений и преступлений, осуществление различных процессуальных действий и т.п.).

Названные группы юридических фактов обуславливают практическое функционирование правоохранительной службы, которое также является элементом институционализации. Практическое функционирование государственной службы представляет собой организационный инструмент непосредственного осуществления деятельности служащими правоохранительных органов в области поддержания правопорядка и противодействия преступности, защиты прав и свобод граждан. В содержательном аспекте оно раскрывает функционально-целевую сторону правоохранительной службы и включает в себя всю совокупность государственно-служебных действий служащих по реализации возложенных на них прав и обязанностей в соответствии с должностным статусом.

Правовое закрепление данного организационного инструмента основывается на установленных законодательством принципах функционирования государственной службы, которые в настоящее время определяются ст. 3 Закона «О системе государственной службы Российской Федерации». К основным принципам построения и функционирования системы государственной службы закон относит: федерализм, законность, приоритет прав и свобод человека и гражданина, равный доступ граждан к государственной службе, единство правовых и организационных основ государственной службы, взаимосвязь государственной и муниципальной служб, открытость государственной службы и ее доступность для общественного контроля, профессионализм и компетентность государственных служащих, защиту государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность.

Приведенный в Законе «О системе государственной службы» перечень не является исчерпывающим и дополняется другими принципами, относящимися ко всей правоохранительной деятельности государства в целом. Так, исходя из анализа положений ст. 35, 36 Стратегии национальной безопасности к принципам, связанным с осуществлением правоохранительной деятельности и правоохранительной службы, следует отнести: охрану суверенитета Российской Федерации, ее независимости и территориальной целостности; сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе; постоянное совершенствование правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации.

Подобные дополнения содержатся и в других нормативных актах. Например, в ст. 3 Закона от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (ред. от 26 декабря 2008 г.)⁴ к общим принципам отнесены гуманизм и гласность. При этом специфика отдельных видов правоохранительной деятельности, определяемая законодательством, оказывает свое влияние, дополняя или в определенной степени уточняя особенности правоохранительной службы в отдельных ведомствах, службах и подразделениях. Например, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 26 декабря 2008 г.)⁵ наряду с конституционными принципами законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, руководствуются принципами конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств.

Действие указанных принципов, имеющих опосредованное отношение к регулированию правоохранительной службы, безусловно, не может ни в какой степени ограничивать действие принципов основных, определенных Конституцией Российской Федерацией и Законом «О системе государственной службы».

Принципы государственной правоохранительной службы, рассматриваемые прежде всего как общие начала правового регулирования государственно-служебных правоотношений в правоохранительной сфере, имеют важное значение с точки зрения нормативного закрепления правового статуса служащего государственной правоохранительной службы.

Вопрос о статусе служащего правоохранительной службы является в настоящее время наиболее дискуссионным. Это обусловлено незавершенностью законодательного регулирования в рассматриваемой сфере, наличием большого количества ведомственных нормативных правовых актов, определяющих специальные правовые статусы сотрудников отдельных правоохранительных ведомств и специальных служб.

В теоретическом плане под правовым статусом государственного служащего понимаются урегулированные юридическими нормами права и обязанности, юридическая ответственность лиц, занимающих должности в государственном аппарате⁶. Содержание правового статуса государственных служащих образуют служебные права и обязанности, а также способность к их самостоятельному приобретению и реализации, ответственность за неисполнение или недобросовестное исполнение⁷. Основной объем названных элементов статуса государственных служащих урегулирован нормами административного права, что нередко на практике приводит к отождествлению правового и административно-правового статуса государственных служащих. Вместе с тем в настоящее время нормы гражданского, семейного, трудового и других отраслей права стали занимать более заметное место в механизме правового регулирования государственной службы и ее отраслевых разновидностей.

Правовой статус служащего государственной правоохранительной службы имеет важное значение с точки зрения определения ее институционального содержания. От правосубъектности как основной характеристики правового статуса служащего государственной правоохранительной службы зависит способность служащих быть носителями закрепленных нормами административного и других отраслей права прав и обязанностей по исполнению полномочий, возлагаемых на правоохранительные органы. Рассматривая правовой статус служащих государственной правоохранительной службы, необходимо выделить две основные регулирующие нормативные подсистемы – материальную и процессуальную (процедурную)⁸. Материаль-

ная подсистема объединяет материальные нормы административного права, а также ряда других отраслей и определяет содержание прав и обязанностей служащих государственной правоохранительной службы. В свою очередь процессуальная (процедурная) подсистема регламентирует общественные отношения по поводу исполнения, реализации первой группы норм.

В практическом правовом регулировании государственно-служебных отношений значение этих подсистем крайне велико. Поскольку ни одна из них не может существовать без другой, само существование обеих в механизме правового регулирования представляет собой взаимообусловленное явление. Применительно к рассматриваемому вопросу особенно ярко взаимообусловленность материальной и процессуальной подсистем нормативного регулирования проявляется при изменении фактического государственно-служебного правоотношения на всех стадиях его существования – от возникновения до прекращения. В этой связи именно процессуальная (процедурная) группа норм обеспечивает регулирование фактического изменения правового статуса, закрепляемого материальными нормами. По нашему мнению, в механизме правового регулирования административно-правовых отношений в сфере государственной правоохранительной службы следует выделить три основные группы процедур, а именно: административно-правотворческие, административно- правонаделительные, административно-юрисдикционные.

Фактическое правоотношение по поводу изменения правового статуса государственного служащего связано с реализацией многочисленных административных процедур, которые являются правовыми инструментами, обеспечивающими надлежащую реализацию государственно-служебных правоотношений, и выступают важнейшими гарантиями реализации прав граждан при прохождении государственной службы.

Государственно-служебные правоотношения, связанные с прохождением государственной правоохранительной службы, достаточно разнообразны. Основанием их возникновения является юридический факт поступления гражданина Российской Федерации на государственную службу в правоохранительные органы. При этом сама процедура приема гражданина на службу включает в себя различные стадии, как правило, имеющие юридическое закрепление в виде самостоятельных административных процедур.

Анализ нормативных правовых актов, регулирующих порядок прохождения службы сотрудниками правоохранительных органов⁹, позволяет назвать следующие основные подвиды рассматриваемых правоотношений: во-первых, возникающие в процессе приема (восстановле-

ния) граждан на службу в правоохранительные органы (установление испытательного срока, заключение контракта, назначение на должность либо конкурсное замещение должности, принятие присяги, присвоение специального звания и др.); во-вторых, возникающие в процессе непосредственного прохождения службы (перемещения по службе, служебная аттестация, приостановление службы); в-третьих, возникающие в процессе прекращения службы (прохождение военно-врачебной комиссии, проведение служебной проверки, снятие со специального учета).

Говоря об отношениях, возникающих в связи с прохождением и прекращением государственной правоохранительной службы, в целом необходимо отметить, что в рамках их реализации обеспечивается непосредственная организация служебной деятельности служащих государственной правоохранительной службы.

Необходимым условием формирования и развития института государственной правоохранительной службы является осуществление эффективного государственного управления в рассматриваемой сфере. В этой связи фундаментальной задачей институциональных преобразований выступает создание системы государственной правоохранительной службы нового типа, способствующей, с одной стороны, решению задач всестороннего кадрового обеспечения правоохранительной деятельности, а с другой – достижению эффективности функционирования правоохранительной системы государства в сфере противодействия преступности и поддержания правопорядка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

² См.: Манохин В.М., Адушкин Ю.С., Багишаев З.А. Российское административное право: Учеб. М., 1996. С. 107.

³ См., напр.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 181.

⁴ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

⁵ См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁶ См., напр.: Сергун П.П. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: теоретико-правовые исследования: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 150–151.

⁷ См.: Востриков П.П. Организационно-правовые проблемы подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 12–15.

⁸ См. подр.: Теория государства и права: Учеб. / Под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М., 2008. С. 457; Радько Т.Н. Теория государства и права: Учеб. М., 2005. С. 436.

⁹ См., напр.: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 25 декабря 2008 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 70.

Об обеспечении допустимости доказательств, собираемых при расследовании преступлений в исправительных учреждениях

Л.А. КОЛПАКОВА – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье приводится анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок собирания доказательств, рассматриваются способы и источники получения доказательственной информации при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях, с точки зрения обеспечения критериев допустимости. Выявлены некоторые проблемные вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности и режимных мероприятий в уголовно-процессуальном доказывании, намечены пути совершенствования нормативной базы.

Ключевые слова: доказательства; допустимость доказательств; процессуальная форма; субъекты доказывания; результаты оперативно-розыскных и режимных мероприятий

Вопросам эффективности пенитенциарной системы в последнее время уделяется огромное внимание, однако говорить об этом можно лишь в условиях четкого соблюдения принципа законности и умело организованной профилактики правонарушений среди спецконтингента. К сожалению, довольно часто при производстве неотложных следственных действий и оформлении их результатов, разграничении компетенции сотрудников исправительных учреждений в сфере получения доказательственной информации имеют место нарушения процессуально-законодательства.

Как известно, уголовно-процессуальная деятельность в исправительных учреждениях не может существовать в отрыве от режимных и оперативно-розыскных мероприятий¹. В процессе этой деятельности неизбежно появляются некие объекты (предметы, документы, информация), которые могут иметь доказательственное значение. Наибольшую сложность в контексте пенитенциарных проблем представляет обеспечение допустимости доказательств, поэтому остановимся на этом вопросе подробнее.

В уголовно-процессуальном законе нет четкого определения данного правового феномена, однако перечислены признаки доказательств, которые исключают их допустимость. Общим условием недопустимости доказательств, закрепленным в ч. 1 ст. 75 УПК РФ, является получение их с нарушением требований уголовно-процессуального закона. В связи с этим представляется странной и излишней конструкция ч. 2 той же статьи, в которой казуистично приведены два не самых распространенных примера недопустимых доказательств, а далее употреблена формулировка «иные доказательства, полученные с нарушением настоящего Кодекса». Последняя, как видно, дублирует по смыслу отсылочную норму ч. 1 рассматриваемой статьи.

Анализ законодательства, научных источников и юридической практики позволяет сделать вывод о том, что допустимость доказательств – собирательное понятие, предполагающее выполнение трех основных условий: 1) о полномочиях субъекта, собирающего, фиксирующего и оценивающего доказательство; 2) о законности источника доказательства; 3) о соблюдении законодательно установленного процессуального порядка получения доказательств².

Каждый из трех указанных компонентов присущ обычной процессуальной деятельности, хотя и здесь существует масса нарушений. Пенитенциарная же практика ставит новые вопросы, требующие незамедлительного решения.

Во-первых, остановимся на субъектах, уполномоченных собирать доказательства в условиях исправительных учреждений. Так, в результате уяснения процессуального статуса начальников исправительных учреждений следует заключить, что они могут выполнять функции органов дознания, в том числе и по собиранию и проверке доказательств (п. 1 ч. 1 ст. 40, ст. 157 УПК РФ)³. Такого же мнения по этому вопросу придерживается Г. Луковников, ссылаясь в обоснование своей точки зрения на ст. 2 Закона РФ «О милиции», ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», п. 2 и 11 ст. 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и др.⁴ Однако в ст. 151 УПК РФ, где регламентированы вопросы подследственности, мы не обнаруживаем начальников исправительных учреждений в перечне дознавателей. Здесь возникает вопрос: является ли это очередной промашкой законодателя либо продуманным ходом, имеющим целью ограничение полномочий данных должностных лиц лишь возбуждением уголовного дела и производством неотложных следственных действий, а следовательно, и получением до-

казательств на данных этапах процессуальной деятельности?

Практика идет по пути поручения производства дознания в полном объеме и отдельных следственных действий оперативным работникам⁵. Однако в этом случае нарушается принцип законности, ибо процессуальный закон запрещает одному лицу совмещать функции по производству дознания и осуществлению оперативно-розыскных мероприятий (ч. 2 ст. 41 УПК РФ), а штатная численность оперативных сотрудников исправительного учреждения не позволяет обеспечить выполнение этого требования. Кроме того, как справедливо замечает В.А. Гнатенко, дознаватель, осуществляющий дознание на временной основе, не обладает ни статусом дознавателя по должности (штатный дознаватель), ни статусом органа дознания⁶. Вытекающие из этого нарушения, как представляется, являются существенными, влекущими недопустимость полученных в ходе такой деятельности доказательств. Для того чтобы избежать данного процессуального дефекта, сотрудники исправительных учреждений пускаются в другую крайность – ограничиваются возбуждением уголовного дела и осмотром места происшествия, перекладывая дальнейшую работу на территориальные органы дознания и следствия. Такой подход влечет невосполнимую утрату следов преступления и информации об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания.

Говоря о компетенции отдельных сотрудников ИУ применительно к вопросу об обеспечении допустимости доказательств, отметим, что определенные проблемы могут возникать еще на этапе проверки сообщений о преступлениях и происшествиях, связанных с посягательством на телесную неприкосновенность осужденных.

Так, например, при освидетельствовании лица с признаками телесных повреждений или функциональными расстройствами здоровья в соответствии с п. 28, 38, 56 Приказа Минздравсоцразвития России и Минюста России от 17 октября 2005 г. № 640/190 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» лишь при наличии оснований полагать, что вред здоровью подозреваемого, обвиняемого или осужденного причинен в результате противоправных действий, медицинский работник, проводивший медицинский осмотр, письменно информирует об этом руководителя учреждения и надзирающего прокурора⁸. В данном случае на медицинского работника фактически возлагается обязанность давать правовую оценку фактам, поэтому для большей ясности было бы целесообразно указать, что в случае объективного выявления у освидетельствуемого признаков телесных повреждений и (или) расстройства здоровья медицинский

работник обязан доложить об этом рапортом руководителю учреждения, а тот должен организовать проверку данного сообщения и в случае установления признаков противоправных действий сообщить надзирающему прокурору. Здесь следует заметить, что полученная от медицинского работника информация, облеченная в форму рапорта, может выступать поводом для возбуждения уголовного дела. Оформляемый же по результатам медицинского освидетельствования акт должен быть приобщен к материалам дела в качестве «иного документа», а стало быть, иметь доказательственное значение. Если же освидетельствование проводилось как следственное действие (на основании постановления уполномоченного лица), порядок его производства и результаты оформляются протоколом в соответствии со ст. 179, 180 УПК РФ. В отличие от ранее упоминавшегося медико-диагностического освидетельствования в таком случае появится другой вид доказательства – протокол следственного действия.

Дифференциацию двух видов освидетельствования, имеющих место в исправительных учреждениях в связи с обнаружением признаков преступления, следует признать важной, поскольку каждый вид предполагает свой порядок оформления, свой вид доказательств. Последние же могут считаться допустимыми лишь при обеспечении соответствия их вида порядку оформления.

Говоря о способах и источниках получения доказательственной информации при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях, нельзя обойти стороной вопрос об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности и режимных мероприятий. Следует заметить, что они могут содержать относимую доказательственную информацию, а поэтому при определенных условиях возможно их использование в качестве доказательств по делу. Подтверждение данного тезиса мы находим в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, ст. 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений⁹ (далее – Правила внутреннего распорядка), Наставлении по организации и порядку производства обысков и досмотров в уголовно-исполнительной системе¹⁰ (далее – Наставление).

В то же время, как справедливо замечают Е.П. Гришина и О.Н. Зонина, поскольку оперативно-розыскная деятельность свободна от формальных процессуальных требований, получаемые при ее производстве сведения могут стать доказательствами лишь путем процессуальной «легализации», то есть облечения в процессуальную форму¹¹. Подтверждение этому мы находим в ст. 89 УПК РФ, в которой закреплена презумпция недопустимости использования ре-

зультатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, а возможность опровержимости данной презумпции вытекает из смысла Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд (далее – Инструкция)¹². Так, согласно п. 17 Инструкции к оперативно-служебным документам могут быть приложены: фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы, кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации, чертежи, планы, схемы, акты, справки, другие документы, а также иные материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами. Однако не совсем удачная конструкция данного пункта Инструкции породила ошибки в правоприменительной практике, в частности, довольно часто все, что перечислено в рассматриваемом пункте, признается вещественными доказательствами. В этой связи надо отметить, что не все материальные объекты, получаемые в ходе ОРМ, являются таковыми. Скажем, аудио- и видеозаписи, на которых, к примеру, зафиксировано событие преступления или переговоры о сокрытии следов преступления, необходимо классифицировать как «иной документ». В связи с этим считаем целесообразным уточнить п. 17 Инструкции, дополнив его указанием на данный вид доказательства.

Режимные мероприятия (обыск, досмотр, цензура корреспонденции осужденных и др.) в исправительных учреждениях проводятся регулярно как в плановом, так и во внеплановом порядке инспекторами отдела безопасности, оперуполномоченными, оперативными дежурными колоний, начальниками отрядов. Данные мероприятия находятся за рамками уголовного процесса, но, как и процессуальная и оперативно-розыскная деятельность, среди прочего преследуют цели предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, совершенных на территории исправительного учреждения.

Согласно приложению № 1 к Правилам внутреннего распорядка в ходе режимных мероприятий могут быть изъяты запрещенные предметы (оружие, наркотические средства и т.п.), что способно повлечь возбуждение уголовного дела. Данные предметы подпадают под дефиницию вещественных доказательств, содержащуюся в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, однако признать их таковыми в процессуальной форме невозможно до тех пор, пока не возбуждено уголовное дело. Видимо, исходя из этого в ч. 9 ст. 82 УИК РФ и п. 46 Правил внутреннего распорядка предусмотрен специальный режим хранения и реализации данных объектов, отличный от режима

хранения вещественных доказательств, установленного в ст. 82 УПК РФ. Безусловно, можно говорить о том, что материальные объекты, изъятые в ходе режимных мероприятий, еще не являются вещественными доказательствами, поскольку получены способом, не закрепленным в УПК РФ, однако порядок обращения с ними, предусматривающий возможность их уничтожения по постановлению начальника исправительной колонии (в том случае если они не представляют материальной ценности), совершенно не учитывает будущую перспективу использования указанных предметов в процессуальной деятельности. Исходя из сказанного представляется целесообразным внести в ч. 9 ст. 82 УИК РФ и п. 46 Правил внутреннего распорядка изменения, запрещающие уничтожение таких объектов вплоть до решения вопроса об отсутствии оснований к возбуждению уголовного дела.

Что касается случаев обнаружения в ходе режимных мероприятий запрещенных предметов у лиц, в отношении которых уголовное дело уже возбуждено, то нецелесообразно было бы в этом случае дублировать, скажем, режимный обыск процессуальным. Как представляется, обеспечить требования процессуальной формы и в дальнейшем допустимость данного доказательства возможно путем производства такого следственного действия, как осмотр обнаруженных предметов и вынесение постановления о признании их вещественными доказательствами и приобщении к уголовному делу. Именно такой порядок предлагает нам законодатель в ч. 2 ст. 81 УПК РФ.

В то же время следует обратить внимание на недопустимость подмены процессуальных действий режимными мероприятиями. К примеру, располагая достаточной информацией о нахождении запрещенных предметов у конкретных лиц, в отношении которых уже ведется уголовное преследование, следует производить в установленном УПК РФ порядке именно следственные действия – обыск или выемку, предвосхищая режимные мероприятия.

Обращает на себя внимание отсутствие четкой нормативной регламентации порядка изъятия и передачи для производства расследования обнаруженных в ходе режимных мероприятий запрещенных предметов. В ведомственных нормативных актах данный вопрос освещается различно. Так, в одних случаях правотворец требует составления только акта при изъятии у осужденных запрещенных предметов (ст. 82 УИК РФ), в других – указывается на необходимость составления не только акта изъятия, но и рапорта о принятии мер к лицу, у которого изъяты запрещенные к хранению предметы (п. 84–85 Наставления), в третьих – требуется составление рапорта или акта (п. 42 Правил внутреннего распорядка).

Согласимся с С.А. Бирмамитовой в том, что данная деятельность должна подвергаться обязательному документированию¹³. Думается, что для фиксации результатов и обеспечения законности режимных мероприятий достаточно было бы составления акта об изъятии и рапорта о принятых мерах к лицу, у которого изъяты запрещенные предметы. Кроме того, при составлении акта целесообразно отражать в нем все то, что обычно включается в протокол следственного действия (ст. 166 УПК РФ). Заметим также, что единообразие по форме с процессуальными документами не должно влечь подмену юридической сущности данного документа, оно лишь призвано облегчить работу с ним в будущем (в ходе процессуальной деятельности и при осуществлении прокурорского надзора).

Как мы указывали ранее, в подобных случаях существует перспектива использования обнаруженных предметов и составленных документов в уголовно-процессуальном доказывании, поэтому надлежит обеспечить соблюдение тех трех критериев допустимости, о которых говорилось выше. Обнаруженные объекты, как правило, передаются сотруднику оперативного отдела для проведения расследования. Однако данный сотрудник не может начать расследование без делегирования ему определенных процессуальных полномочий, что осуществляется не иначе как на основании приказа начальника исправительного учреждения. Поэтому представляется необходимым также составление рапорта об обнаружении признаков преступления, который должен быть зарегистрирован в соответствии с Инструкцией о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях¹⁴. Начальник ИУ организует проверочные действия, решает вопрос о возбуждении уголовного дела и производстве неотложных следственных действий. Представляется, что если начальник ИУ обладает указанными полномочиями, то он вправе приобщить результаты режимных мероприятий к делу, определив их относимость и законность. Далее решается вопрос о передаче материалов дела в территориальные органы по подследственности.

Если же возбуждение уголовного дела осуществлено органами предварительного расследования вне исправительного учреждения, приобщение к делу результатов режимных мероприятий обычно осуществляется путем истребования данных материалов на основании запроса, либо по собственной инициативе они направляются начальником ИУ вместе с сопроводительным письмом для приобщения к делу, либо изымаются в ходе производства выемки у сотрудника, который производил режимные мероприятия. Все указанные способы не проти-

воречат критериям обеспечения допустимости, поскольку перед признанием в качестве доказательств представленные объекты проверяются способами, предусмотренными УПК РФ: устанавливаются источники их получения, производится сопоставление их с другими доказательствами, проводятся допросы и экспертные исследования. Тем не менее видится необходимым установление единого порядка предоставления результатов режимных мероприятий органам предварительного расследования. К примеру, может быть предложена процедура, сходная с порядком предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности (на основании постановления), тем более, как мы выяснили ранее, обнаруженные запрещенные предметы вместе с актом их изъятия поступают в оперативный отдел. Правовую регламентацию данного вопроса целесообразно осуществить в рамках ведомственных подзаконных актов.

Сказанное выше позволяет сделать ряд выводов:

- учитывая требование к субъектам, наделенным правом сбора и оценки доказательств, считаем необходимым ввести должности дознавателей в штат исправительных учреждений, на законодательном уровне определить их компетенцию и подследственность;

- не следует возлагать на субъектов, которые в уголовном процессе обычно имеют статус специалистов либо привлекаются за рамками процесса в качестве консультантов, задачи по юридической оценке фактов и событий, в связи с чем рекомендуется привести ведомственные подзаконные нормативные акты в соответствие с кодифицированным законодательством;

- несмотря на синонимичность отдельных терминов, используемых для обозначения различных процессуальных и непроцессуальных действий (освидетельствование – процессуальное и медицинское; обыск – режимное мероприятие и следственное действие), надлежит четко их разграничивать и обеспечивать точное соответствие оснований проведения конкретного мероприятия и способа оформления и закрепления его результатов. Недопустима подмена процессуальных действий одноименными непроцессуальными;

- результаты оперативно-розыскных и режимных мероприятий могут использоваться в доказательственной деятельности по уголовным делам лишь после облечения их в процессуальную форму. Нормативно-правовые акты, регламентирующие эту процедуру, требуют корректировки в части определения видов доказательств, получаемых в ходе таких мероприятий, и оптимизации режима их хранения для последующего беспрепятственного использования в процессуальной деятельности, установления единой процедуры предоставления результатов

режимных мероприятий в органы предварительного расследования, прокурору и в суд.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Аверкин С.Д. Процессуальная характеристика неотложных следственных действий, проводимых начальником исправительного учреждения // Особенности уголовно-процессуальной деятельности в органах и учреждениях ФСИН России: Сб. материалов междунар. науч.-практ. семинара (Вологда, 1 июня 2007 г.) / Под ред. А.А. Крымова. Вологда, 2008. С. 173.

² См.: Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 36; Коряковцев В.В., Питулько К.В. Руководство адвоката по уголовным делам. СПб., 2006. С. 26–27; Гришина Е.П., Абросимов И.В. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемные вопросы концептуального истолкования и правового регулирования // Уголовное судопроизводство. 2007. № 4. С. 24–27; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (ред. от 6 февраля 2007 г.) // Российская газета. 1995. 28 дек.; Пашин С. Допустимость доказательств // Российская юстиция. 1993. № 7. С. 27–28.

³ Законодатель в ст. 40 УПК РФ, как представляется, необоснованно применил наряду с отсылочным абстрактным законодательно-техническим прием при формировании перечня органов дознания, что вызывает затруднения с толкованием закона при сопоставлении с иными нормами.

⁴ См.: Луковников Г. Органы дознания в уголовно-исполнительной системе // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2005. № 3. С. 30–33.

⁵ Полномочия по производству дознания делегируются одному из оперативных работников на основании приказа (распоряжения) начальника ИУ либо должностной инструкции, в которой указывается, что лицо является дознавателем по уголовным делам. Такая возможность вытекает из смысла п. 29 Приказа Минюста России от 11 июля 2006 г. № 250 «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях».

⁶ См.: Гнатенко В.А. Становление и развитие дознания по делам о преступлениях несовершеннолетних, совершенных в воспитательных колониях // Российский следователь. 2007. № 5. С. 14–15.

⁷ Во избежание ненадлежащего толкования данного термина, определения процедуры проведения этого действия и его юридических последствий поясним, что здесь имеется в виду медико-диагностическая процедура, а не процессуальное действие, которое могло бы иметь место только по постановлению уполномоченного лица.

⁸ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 46. 14 нояб.

⁹ См.: Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. № 205 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» (ред. от 12 февраля 2009 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47. 21 нояб.

¹⁰ Утверждено Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 25 августа 2006 г. № 268.

¹¹ См.: Гришина Е.П., Зоннова О.Н. Использование в доказывании органами дознания ФТС России оперативно-розыскной и иной непроцессуальной информации // Таможенное дело. 2007. № 2. С. 37–38.

¹² См.: Приказ МВД, ФСБ, Федеральной службы охраны, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки, ФСИН, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, Министерства обороны Российской Федерации от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/48132/184/97/147 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» // Российская газета. 2007. 16 мая.

¹³ См. подр.: Бирмамитова С.А. Использование результатов режимных мероприятий в процессе доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных в исправительных колониях // Российский следователь. 2007. № 17. С. 26–27.

¹⁴ Приказ Минюста Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 250 «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» // Российская газета. 2006. 5 авг.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Психологическое обеспечение профилактики правонарушений несовершеннолетних: состояние и перспективы

В.М. ПОЗДНЯКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор

В статье рассматриваются предложения по совершенствованию психологического обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних. Акцентируется внимание на разработке модели ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей, которая включает оценку деликтного потенциала личности и формирует правовую ответственность и установки конструктивной самореализации в социуме.

Ключевые слова: делинквентное поведение; институт ювенальной юстиции; психологический возраст правовой ответственности; модель психологического обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних; психокоррекционное воздействие

Ведомственная статистика свидетельствует, что удельный вес подростковых преступлений в общем массиве отечественной преступности продолжает оставаться достаточно высоким: среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности в 2008 г., каждый двенадцатый является несовершеннолетним. При этом беспокоенность вызывает характер совершаемых несовершеннолетними деяний: каждое восьмое (12,8%) – это тяжкое преступление, каждое четвертое (25,8%) – вымогательство, каждое пятое – грабеж (19,7%) или преступление в сфере компьютерной информации (19,2%). Одновременно имеется и тенденция к росту среди осуждаемых несовершеннолетних процента лиц, совершивших преступления, признанные опасным и особо опасным рецидивом, а также лиц женского пола, преступивших закон в состоянии наркотического или токсического опьянения¹.

Анализируя причины недостаточной эффективности мер профилактики правонарушений несовершеннолетних, прежде всего следует отметить, что хотя еще в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» поставлена задача реализации комплексного подхода, причем на основе координирующего влияния специально создаваемых на государственном, региональном и муниципальном уровнях межведомственных комиссий, достигнуть ее до настоящего времени не удалось. В силу действия Постановления Правительства Российской Федерации

от 5 июня 1999 г. (п. 8) на федеральном уровне организационно-техническое обеспечение системы профилактики возложена на Министерство здравоохранения и социального развития. Однако для данного ведомства деятельность по превенции девиантного поведения несовершеннолетних является лишь одним из направлений, причем поручением, реализуемым без специального финансирования. Несмотря на регулярное проведение заседаний межведомственной комиссии, из-за функционально-отраслевой специализации существует не только параллелизм, но и разрыв в работе с различными группами несовершеннолетних-девиантов: теми, кто не достиг возраста уголовной ответственности, преимущественно занимаются подразделения Министерства образования, здравоохранения и социальной защиты, а с несовершеннолетними, достигшими такого возраста, – в большей мере правоохранительные органы². В итоге получается, что для профилактики делинквентного поведения подростков МВД России экспериментально вводит должности инспекторов-психологов (например, в службе ПДН ГУВД Кемеровской области), регламентируя «сверху» профилактику «семей, находящихся в социально опасном положении».

Межведомственные комиссии, созданные в регионах из представителей органов по делам молодежи, образования, здравоохранения, социальной защиты населения, опеки и попечительства, службы занятости, правоохранительных органов и общественных организаций, не

езде действуют скоординированно и успешно. Это связано с тем, что данные комиссии, хотя и возглавляются одним из заместителей главы администрации региона, а в их состав входят ответственные работники, преимущественно решают ситуативно значимые проблемы, так как формирование их осуществляется, как правило, на должностной, а не на профессиональной (с привлечением ученых, сотрудников общественных организаций и т.д.) основе. В итоге наблюдаются частая сменяемость членов межведомственной комиссии и отсутствие комплексного подхода и преемственности при профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Анализ научных публикаций позволяет констатировать, что за десятилетие, прошедшее после принятия Федерального закона № 120-ФЗ, повысилась активность ученых как в исследовании закономерностей девиантного поведения, так и в разработке научных рекомендаций по совершенствованию профилактики правонарушений несовершеннолетних. При этом наблюдался значительный рост и количества защищенных диссертаций, в частности в области правоведения, а также по таким наукам, как социология, психология, педагогика. Однако, хотя только юристами по проблемам совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности в отношении несовершеннолетних написано более 200 кандидатских и 4 докторские диссертации, а психологами по проблематике девиантного поведения подростков и молодежи – более 20 кандидатских и 1 докторская диссертация, между учеными пока не возник полноценный междисциплинарный диалог, так как исследования проводились преимущественно в границах конкретных предметно-научных областей. В итоге не сформулированы единые теоретико-методологические ориентиры, а также не выработаны рекомендации по реализации комплексного подхода к профилактике правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних.

Выражая озабоченность в связи с неблагоприятным положением дел в теории юридической психологии, которая востребована в качестве методолого-концептуального ориентира при совершенствовании законодательства и правоприменительной практики, в рамках программы IV съезда Российского психологического общества (Ростов-на-Дону, 17–21 сентября 2007 г.) была организована работа по специальной секции. Ее участники не только обсудили традиционные проблемы (в частности, проведение в отношении несовершеннолетних судебно-психологических экспертиз, применение психологически обоснованных методов психодиагностики, психокоррекции и исправления несовершеннолетних осужденных), но и рассмотрели возможности психологического обеспечения экспериментально апробируемого в России института ювенальной юстиции, реализации процедуры восстановительного правосудия. Конструктивной следует признать и

дискуссию о перспективах совершенствования психологического обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних, причем построенного или на методологическом плюрализме междисциплинарной области знания «девиантология» (Ю.А. Клейберг, В.Д. Менделевич, Е.В. Змановская), или на методолого-теоретической базе нового направления юридической психологии – ювенальной юридической психологии (Е.В. Дозорцева).

Разделяя мнение коллег о необходимости дальнейшего развития юридико-психологической теории, считаем важным опереться на имеющийся зарубежный опыт³, а также использовать продуктивные идеи из концепций отечественных ученых, причем как дореволюционного периода⁴, так и содержащиеся в докторских диссертационных исследованиях по проблемам психологии уголовной ответственности (О.Д. Ситковская), криминогенной сущности личности (А.Н. Пастушеня) и субъекта преступления (Л.В. Алексеева), психовикимологического подхода (А.И. Папкин) и соучастующего исправления личности осужденного (В.М. Поздняков). Актуальной является прежде всего научная проработка проблемы «психологический возраст правовой ответственности», так как сегодня в России несовершеннолетние, не достигшие 14 лет, но совершившие общественно опасные деяния, остаются вне сферы достаточного контроля со стороны институтов общества. А ведь во многих странах мира в силу тяжести преступных деяний к подросткам уже с 12 лет применяется комплекс специальных методов профилактики. В публикациях же многих современных юристов внимание акцентируется преимущественно на том факте, что в СССР после Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. возраст уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних составил 12 лет (речь идет о виновных в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, совершении убийства или попытки к убийству).

Имея в виду наличие социального заказа от сотрудников психологических служб правоохранительных органов, системы образования, здравоохранения по разработке современного методического инструментария для изучения и психопрофилактического воздействия на личность и асоциальные группы несовершеннолетних, отметим актуальность составления научно обоснованной социально-психологической типологии личности девиантных подростков и несовершеннолетних преступников. Ее создание востребовано и юристами, так как в нормативно-правовых документах, по мнению криминолога О.В. Старкова, до сих пор четко не выделены категории лиц, которые являются предметом профилактической деятельности, что в итоге затрудняет выбор и применение мер предупреждения или пресечения. Ведь в нормативно-правовых документах к объектам профилактического воздействия отнесены следующие категории несовершеннолетних: безнадзорные

и беспризорные, занимающиеся бродяжничеством; содержащиеся в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних, социальных приютах, центрах помощи детям; дети, оставшиеся без попечения родителей и находящиеся в специальных учебно-воспитательных и других учреждениях социальной помощи или реабилитации; подростки, употребляющие наркотические средства и психотропные вещества; несовершеннолетние, совершившие правонарушения до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность, или совершившие правонарушения, повлекшие применение мер административного взыскания; подростки, освобожденные от уголовной ответственности вследствие акта об амнистии или в связи с изменением обстановки, а также в случаях, когда признано, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия⁵. Действительно, в приведенном обширном перечне нет несовершеннолетних, которые могут быть «аномальными субъектами преступления», а также выходцев из семей с психосоциальными нарушениями (А.А. Реан) или по более широкой социологической классификации – несовершеннолетних из дезадаптивных семей (В.В. Солodников).

Критически оценивая применяемый психологами для изучения личности несовершеннолетних правонарушителей методический инструментарий, следует констатировать, что пока он еще недостаточно ориентирован на выявление среди лиц, предрасположенных к совершению определенных административных правонарушений или уголовно наказуемых деяний. Вместе с тем сегодня авторская разработка или апробация тестов, широко применяемых за рубежом, уже стала предметом рассмотрения ряда отечественных ученых и возглавляемых ими научных групп (С.Н. Ениколопов, В.С. Мухина, А.И. Ложкин, В.Ф. Енгальчев, С.С. Шипшин и др.). Главная задача психологов-исследователей состоит в том, чтобы преодолеть ранее имевшие место узкие места, о которых на основе анализа достигнутого в области отечественной девиантологии весьма критично говорится в выводах докторской диссертации Е.В. Змановской: «Большинство работ концентрируются на каком-либо отдельном аспекте отклоняющегося поведения, игнорируя такое важное свойство отклоняющегося поведения, как системность. Это негативно сказывается на решении прикладных задач, затрудняя комплексную оценку личности с девиантным поведением, снижая ее прогностическую ценность и эффективность применяемых коррекционно-профилактических мер».

Действительно, чтобы несовершеннолетний совершил асоциальный деликт, необходимо, с одной стороны, наличие у него определенной готовности (диспозиции) к асоциальному поведению, а с другой – нахождение или создание им ситуации, обеспечивающей своеобразный резонанс с его диспозицией. При этом диапа-

зон «резонансных» ситуаций зависит, разумеется, как от объективного состояния внешней среды с происходящими в ней макро- и микропроцессами, так и от определенных свойств самого субъекта жизнедеятельности (уровня его правосознания и особенностей мотивации, характера, развитости способностей, доминирующих психических состояний). В этой связи для разработки модели психологического прогнозирования делинквентного поведения в качестве методологической базы представляется правильным избрать субъектно-ситуационный подход. Его научное обоснование и реализация в зарубежной правовой науке активно велась в последние три десятилетия⁶, а в постсоветской России эти идеи получили развитие в публикациях ряда криминологов (А.П. Закалюк, А.П. Иващенко, Ю.В. Солопанов, С.И. Курганов, Л.В. Кондратюк и др.)⁷.

По мнению Л.В. Кондратюка, избрание методологии субъектно-ситуационного подхода важно в связи тем, что структуры некоторых ситуаций корреспондируют с содержанием статей УК РФ, прежде всего по предмету посягательства. Поэтому с гносеологической и профилактической позиций нужно осуществить классификацию ситуаций с учетом возможности проявления в них мотиваций агрессии, экспансии, обмана или их сочетания⁸. Однако основные элементы криминогенных ситуаций с их пучками (паттернами) криминальных возможностей, формирующихся в какой-либо из сфер общественной жизнедеятельности, как отмечает Е.Г. Самовичевым, в силу системной взаимосвязи могут служить элементами ситуаций и для других сфер. Так, неблагоприятные ситуации, складывающиеся в экономической сфере, часто выполняют роль «давления внешних обстоятельств» и тем самым мотивируют, служа механизмом самооправдания, такие, например, преступления, как убийство, грабеж, вымогательство, сопряженное с насилием (рэкет), и др. Это обусловлено тем, что неблагоприятная ситуация может играть роль катализатора деликтного потенциала личности, детерминируя поведение и создавая мотивационную готовность к совершению правонарушения (в том числе и на основе механизма самооправдания)⁹.

В этой связи при разработке новой модели психологического обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних актуальным является изучение всех предпосылок развития делинквентного поведения, в том числе из-за: а) конфликтов в семье; б) затруднений при развитии и взаимодействии в школе; в) особенностей взаимоотношений с членами референтных групп сверстников и обстановочными условиями исполнения в них конкретных ролей; г) психических состояний, обусловленных внешними воздействиями, а также процессом гендерно-возрастной, профессиональной и иных видов самоидентификации личности. Нами разделяется позиция Е.Г. Дозорцевой о том, что необходимо прежде всего выявление пси-

психологических особенностей поведения детей и подростков в юридически значимых ситуациях, а также разработка психологической интерпретации юридического понятия «интересы детей», используемого в международных правовых документах. Ведь соотнесение данного понятия с психологическими положениями о полноценном и разностороннем развитии личности ребенка даст адекватные методологические ориентиры для развития теоретических основ правотворчества и правоприменения, придав им ценностный вектор – направленность на защиту интересов и прав подрастающего поколения.

В целом разработка модели психологического прогнозирования, базирующейся на идеях субъектно-ситуационного подхода, позволит раскрыть диалектическую взаимосвязь между субъектом и ситуацией, при которой объективные характеристики ситуаций задаются социальными макропроцессами и особенностями реализуемой жизнедеятельности, а их восприятие действующим субъектом наполнено для него конкретным смыслом, и потому их влияние на мотивацию и способ совершения проступка осуществляется с учетом имеющегося деликтного потенциала личности. В этой связи важно изучение, с одной стороны, типовых ситуаций жизнедеятельности несовершеннолетних, которые могут являться условиями, предрасполагающими к делинквентному поведению, а с другой – индивидуально-психологических особенностей личности, которые выступают в качестве оснований дефектов правосознания и стилевых особенностей реализации делинквентного поведения.

При выборе средств психотехнического воздействия на различные категории несовершеннолетних делинквентов представляется важным соблюдать психологические условия эффективной реализации конкретных форм психопрактики – психологического просвещения, психотренинга, психоконсультирования, психокоррекции, психотерапии. Проведенные под нашим руководством диссертационные исследования (С.Г. Беспалая, Н.В. Стряпина) показали продуктивность использования при психологическом обеспечении профилактики делинквентного поведения типологического подхода и модели постдиагностического тренинга-коррекции. Нами также разделяется позиция Л.А. Беличевой о том, что эффективная профилактика делинквентного поведения несовершеннолетних должна базироваться на специально разработанном диагностико-коррекционном комплексе, адекватном личностным особенностям конкретных категорий делинквентов. При этом основные требования к выбору средств психодиагностики связаны с их валидностью, надежностью, стандартизованностью по отношению к определенным возрастным группам делинквентов, а также способностью в комплексе полноценно выявлять деликтный потенциал личности. Основное требование к эффективной реализации

психотехнических воздействий – это реализация при работе с несовершеннолетними «двухшагового алгоритма» (по А.Г. Асмолову): 1) прервать их деструктивное поведение, в том числе на основе отрыва от привычных условий жизнедеятельности (возможно с кратковременным помещением в специально организованную среду) и использования при этом метода «педагогического взрыва» А.С. Макаренко или более гибкой психолого-педагогической технологии воздействия (например, аутотренинговой модели А.С. Новоселовой); 2) обеспечить просоциальное развитие личности, в том числе за счет социально-реабилитационных мероприятий, направленных на преодоление отчужденности, тревожности, социальной пассивности, и адекватную ее идентификацию в социуме.

Изложенные нами предложения по совершенствованию психологического обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних носят постановочно-дискуссионный характер, ориентируя на разработку новой модели ресоциализации, которая включает оценку деликтного потенциала личности, переводит ее от реализации в жизни преимущественно принципа удовольствия, формирует правовую ответственность и установки конструктивной самореализации в социуме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Преступность и правонарушения (2004–2008): Стат. сб. М., 2009. С. 9–10; 49–51; Состояние преступности в России за 1 полугодие 2009 года. М., 2009. С. 45.

² См.: Акбаров Н.Б. Состояние и тенденции преступности несовершеннолетних: региональные проблемы борьбы и профилактики. Казань, 1999; Основы ювенологии: опыт комплексного междисциплинарного исследования. СПб., 2002; Профилактика правонарушений в студенческой среде: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Воронеж, 2003.

³ В последнее десятилетие изданы как переводы трудов зарубежных ученых в области психологии криминального поведения (Бартол, Блэкфорд и др.), так и отечественные метаобзоры зарубежных теорий и практики профилактики девиантного поведения несовершеннолетних (И.П. Башкатов, И.И. Саламатина, Е.Б. Лабковская и др.).

⁴ См. подр.: Поздняков В.М. Личность преступника и исправление осужденных (Историко-психологический очерк). Домодедово, 1998.

⁵ См.: Гречишкин О.Н., Старков О.В. Предупреждение девиантного и преступного поведения несовершеннолетних. Краснодар, 2004. С. 130.

⁶ Истоки субъектно-ситуационного подхода в криминологическом прогнозировании связывают прежде всего с проведенными в 1970–1980-е гг. исследованиями по определению рецидивного риска осужденных (см.: Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб., 2004).

⁷ См.: Закалюк А.П. Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения. М., 1986; Солопанов Ю.В., Иващенко А.П. Прогнозирование рецидива преступлений со стороны лиц, освобожденных из ИТУ. М., 1981; Курганов С.И. Основания криминологической теории: Моногр. М., 1999; Кондратюк Л.В. Антропология преступности (микроримнология). М., 2001.

⁸ См.: Кондратюк Л.В. Антропология преступности (микроримнология). С. 272.

⁹ См.: Самовичев Е.Г. «Заказное убийство» в сфере коммерческой деятельности // Защити себя сам. Домашняя юридическая энциклопедия. М., 1997. С. 31.

Взаимодействие пенитенциарных учреждений и Русской православной церкви как одно из направлений уголовно-исполнительной политики

Э.В. ЗАУТРОВА – доцент кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования

Исправление заключенных возможно через их воспитание и просвещение, направленные на утверждение в сознании данной категории лиц истинных духовных и нравственных ценностей. На это ориентирована деятельность пенитенциарных учреждений при активном взаимодействии с Русской православной церковью.

В статье рассмотрены вопросы организации, формы и методы данного взаимодействия, освещается положительный опыт работы с религиозными организациями в указанном направлении.

Ключевые слова: взаимодействие УИС; исправление осужденных; духовные ценности; духовно-нравственное воспитание

Усилия органов уголовно-исполнительной системы России по выполнению задач исправления осужденных и профилактике преступлений могут быть успешными только при условии их взаимодействия с религиозными организациями и общественными объединениями. В рамках гуманизации и демократизации исправительного процесса особое внимание уделяется вопросам духовного и нравственного воспитания правонарушителей, формированию и коррекции их ценностных ориентаций. Большую помощь в работе с осужденными и становлении их на путь исправления оказывает Русская православная церковь.

Конституция России гарантирует каждому гражданину страны свободу совести и вероисповедания (ст. 28). Действующее законодательство значительно расширило права осужденных в данном направлении: 21 декабря 1999 г. подписано соглашение между Русской православной церковью и Минюстом России; Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации осужденным гарантирована свобода вероисповедания, отправления религиозных обрядов и церемоний (ст. 14); Концепцией развития социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях на период до 2010 г. обращено особое внимание на дальнейшее укрепление взаимодействия учреждений и органов УИС с религиозными объединениями (п. 4).

Руководством Главного управления исполнения наказаний в обзорах о взаимодействии с религиозными и общественными организациями неизменно подчеркивается, что сегодня нет сомневающихся в том, что религиозное образование лиц, лишенных свободы, осуществля-

ется в рамках социальной адаптации к жизни на свободе, помогает духовно возродить оступившихся, внести успокоение в души осужденных. Взаимодействие религиозных объединений с учреждениями и органами, исполняющими наказания, является важной предпосылкой совершенствования воспитательной работы с осужденными, способствует возвращению их в общество правопослушными гражданами¹. Духовно-нравственное воздействие религии на человека всегда было и остается весьма значимым, а в отношении осужденных может стать главным стимулом для их раскаяния и последующего исправления.

В нелегких условиях изоляции осужденные сами начинают проявлять интерес к православию, верят, что церковь поможет им найти ответы на многие трудные жизненные вопросы. Как показала практика, к числу осужденных относятся как положительно характеризующиеся, так и лица, являющиеся трудновоспитуемыми, находящиеся на профилактическом учете, склонные к различным нарушениям установленного порядка отбывания наказания. В результате плодотворной связи с церковью сегодня практически в каждом пенитенциарном учреждении имеются группы прихожан, деятельность которых в целом благотворно влияет на оперативную обстановку, способствует приобщению других осужденных к ценностям православия.

Исследования подтверждают, что верующие (вне зависимости от вероисповедания) составляют не более 10% от общего числа осужденных. Материалы специальной переписи осужденных, проведенной в учреждениях уголовно-исполнительной системы России, показали, что 36,8% респондентов считают себя верующими. Из их

числа 82,9% осужденных назвали себя православными христианами (30,5% от общего числа осужденных), 9% – мусульманами (3,3% от общего числа осужденных)². Среди осужденных, прибывших в исправительные учреждения, только 21% не считают себя верующими; 71% отнесли себя к определенной вере, из них: 90,3% – православные; 3,5% – мусульмане; 1,8% – католики; 1,3% – буддисты; 0,9% – иудаисты; 0,4% – протестанты; 1,8% – отнесли себя к различным сектам, в том числе деструктивным (сатанизм). Остальные 8% не определились в своей позиции по отношению к религии. Однако из общего числа осужденных, считающих себя верующими, только 14% постоянно соблюдают религиозные традиции и обряды; 46% – периодически; 40% – фактически их не соблюдают³.

С учетом вышесказанного можно сделать вывод, что несмотря на то, что большая часть осужденных испытывает религиозную потребность и проявляет желание овладеть религиозными ценностями и знаниями, религия как фактор, сдерживающий преступное поведение, еще не получила ожидаемого подтверждения. Большинство опрошенных, считающих себя верующими, по сути, ими не являлись. Обращение к религии могло стать своеобразным механизмом их психологической защиты в местах лишения свободы или просто данью моде. В связи с этим необходимо усилить совместную деятельность пенитенциарных учреждений и епархии, что позволит добиться от осужденных не только законопослушания, но и сформировать у них истинные духовные ценности. Кроме того, это будет способствовать скорейшему нравственному выздоровлению преступников, возникновению у них стремления своим поведением приблизить срок освобождения и вернуться к нормальной жизни в обществе.

С целью изучения уровня сформированности духовно-нравственных ценностей, степени религиозности опрашиваемых, то есть насколько осужденных можно считать воцерковленной социальной группой, был проведен опрос в одном из пенитенциарных учреждений Вологодской области (95 чел.). Осужденным предлагалось выбрать один из вариантов ответа: 1) я – глубоко верующий человек, хорошо знаю Закон Божий, читаю Библию, часто бываю в церкви, соблюдаю посты и отмечаю праздники; 2) бываю в церкви время от времени, не могу назвать себя истинно верующим, но и атеистом себя не считаю; 3) не ощущаю религиозной потребности, в церкви не бываю. Первый из предложенных ответов выбрали 36% осужденных, атеистами признали себя 11% опрошенных. Подавляющее большинство осужденных (53%) – это не определившиеся в религиозном отношении люди, которые ощущают наличие сверхъестественной силы, но сомневаются в существовании Христа Спасителя.

Отношение к Богу стало темой одного группового интервью с несовершеннолетними осужденными Вологодской воспитательной колонии (35 участников), на котором обсуждался вопрос «Что Вам представляется, когда Вы думаете о Боге?». Высказанные суждения четко разделились на группы: 1) свойственные верующим («спасение души», «защита, доброта, любовь», «всемогущество, надежда», «расплата за содеянное» и др.) – 16%; 2) свойственные колеблющимся («небо, свет, облака», «крест, иконы, церковное пение», «что-то хорошее, но не конкретное» и т.д.) – 56%; 3) свойственные убежденным атеистам («Бога нет, я о нем не думаю», «для меня главное вера в себя» и др.) – 28% опрошенных.

С целью изучения уровня знаний несовершеннолетних осужденных в данной области были проведены анкетирование и анализ творческих работ воспитанников. 61% респондентов заявили, что ощущают близость Бога, но только 25% подростков молятся наедине несколько раз в неделю. Также было установлено, что осужденные воспитательной колонии на основе сложившихся у них к этому времени представлений о православной культуре и в результате накопленных знаний имеют лишь частичное понятие о православии. Так, некоторые из них считают, что православие – это церковный праздник, единицы смогли указать различия между храмом и церковью, у подростков практически отсутствуют знания о православных традициях. Вместе с тем в рисунках воспитанников вполне удачно представлен образ русского православного храма, хотя и не совсем правильно отражены его особенности.

В связи с этим необходимо более активно знакомить несовершеннолетних осужденных с ценностями Русской православной церкви. Так, в рамках авторской программы «В мире гармонии»⁴ были разработаны и проведены уроки по приобщению подростков к духовному искусству («Временное и вечное в искусстве», «Библия в искусстве», «Летние церковные праздники» и др.), где рассказы о церковных службах (заутрен, литургия, праздничные службы) сочетались с прослушиванием произведений музыкального искусства, просмотром слайдов русских икон, беседами о заповедях, уточнением отдельных понятий и т.д.⁵ Занятия предусматривали накопление участниками процесса опыта творческого осмысления православного искусства; поступательное движение в эмоциональном, осознанном освоении явлений русской православной культуры; формирование навыков самостоятельного суждения о произведениях искусства религиозного содержания.

Сегодня в различных субъектах России накоплен положительный опыт взаимодействия уголовно-исполнительной системы с религиоз-

ными организациями. Используются разнообразные формы работы по воспитанию осужденных: встречи со священнослужителями, занятия по изучению традиций христианской религии, посещения библейских и воскресных школ, храмов и молельных комнат. Церковь оказывает большую гуманитарную помощь пенитенциарным учреждениям строительными материалами, деньгами, церковной утварью; осуществляет работу по укомплектованию библиотек духовной и исторической литературой. Священнослужители проводят различные религиозные обряды и таинства (причастие, крещение, исповедь, венчание и др.), просветительскую работу по истории православия, способствуя духовно-нравственному воспитанию осужденных различных категорий.

Существует опыт отдельных епархий по сбору средств для мест лишения свободы. Так, в различных регионах страны были проведены службы, целью которых было привлечение внимания общественности к проблемам улучшения условий содержания осужденных в исправительных учреждениях; осуществлялся сбор пожертвований в виде денежных средств, вещей, продуктов питания, предметов первой необходимости.

Уже традиционными стали дни милосердия, проводимые в исправительных учреждениях совместно с представителями церкви: организуются концерты художественной самодеятельности осужденных, просмотры художественных и документальных фильмов религиозного содержания, прослушивание аудиозаписей духовной музыки, спортивные соревнования, турниры, конкурсы и т.д. Имеется также интересный опыт переписки осужденных с трудными подростками переходного возраста, которая имеет большое воспитательное воздействие.

На одном из таких праздников состоялось выступление детей из монастырской воскресной школы. Это напомнило осужденным о детстве, собственных детях. Чистые детские голоса оказали на осужденных сильное эмоциональное воздействие – заставили их задуматься об истинных ценностях, своей ответственности за жизненный выбор. Так в работе с правонарушителями появляется больше шансов изменить их отношение к жизни, себе, родным людям, пробудить в их душах сочувствие, сострадание, помочь прийти к покаянию.

Во многих исправительных учреждениях распространен опыт работы с осужденными в мастерских, где изготавливаются различные изделия религиозной направленности: оклады для икон, сами иконы и другая церковная утварь. Проводя в мастерских большую часть своего свободного времени, осужденные постепенно приобщаются к православию, приходят к исповеди. Также в храмах, находящихся

на территории исправительных учреждений, осуществляет свою деятельность хор осужденных. Например, на базе Вологодской женской колонии организован церковный хор под руководством регента храма Покрова на Торгу. Женщины очень эмоционально воспринимают песни иеромонаха Романа как уникальное явление современного православного псалмоторчества. Покаянные стихи его песен полны глубокой любви к Богу. Духовная музыка несет в себе огромный нравственный, воспитательный потенциал, развивая чувство любви, сострадания к человеку, окружающему миру; способствует эстетическому, интеллектуальному, творческому и духовному развитию и становлению личности. Духовные песнопения способствуют психологической настройке человека на восприятие обучающей информации, оказывают благотворное влияние на психические и физиологические процессы организма, являясь средством реабилитации и одним из видов музыкальной психотерапии.

В некоторых учреждениях организован ежемесячный выпуск стенной церковной газеты, оформлены стенды, созданы уголки «Слушателю воскресной церковной школы». Осужденные самостоятельно ищут духовную литературу, освещают события, которые происходят в жизни православной церкви. Приобщение правонарушителей к духовным ценностям постепенно приводит к успешному решению педагогических задач по формированию нравственных качеств личности. С помощью православных традиций и обычаев обеспечивается замена в сознании и поведении воспитуемых антиобщественных взглядов на высоконравственные принципы и образцы человеческого поведения. В итоге происходит осознание осужденным своей вины, раскаяние в содеянном, что является залогом достижения одной из главных целей наказания – отказа от совершения в будущем новых преступлений⁶.

Особо трудная проблема, как подтвердила практика, – это помощь осужденным после освобождения. Люди, которые провели в местах лишения свободы много времени и у которых нет ни жилья, ни родственников, ни специальности, к сожалению, часто остаются без всякой поддержки. В связи с этим все чаще на совещаниях различного уровня обсуждаются вопросы о создании православных центров в помощь принявшим веру. Кроме того, после освобождения некоторые бывшие осужденные продолжают подвижническую деятельность: одни помогают восстанавливать храмы, другие работают в благотворительных православных обществах, есть те, кто ушел послушником в монастырь или служит в церкви. Так, в одном из учреждений Брянской области освободившийся, не имеющий специальности, просидевший всю лучшую часть

своей жизни в тюрьме, сознательно пришел к Богу и, выйдя на волю, при участии сотрудников исправительного учреждения устроился в монастырь алтарником, восстановил семью. Вор-рецидивист после освобождения стал монахом. Первая запись в его трудовой книжке была: «Помонарь Покровского храма Марфо-Мариинской обители»⁷.

Таким образом, большую помощь учреждениям УИС в исправлении осужденных, формировании духовно-нравственных ценностей, добросовестного отношения к труду оказывает сотрудничество с Русской православной церковью. В связи с этим необходимо создавать условия для представителей церкви и религиозных организаций в работе с осужденными в местах лишения свободы и их участия не только в проповеднической работе, но и учебно-воспитательном процессе, благотворительной и попечительской деятельности, организации спортивных соревнований, отдыха, культурных мероприятий.

Возможности духовно-нравственного воспитания осужденных через приобщение их к церкви сегодня широко обсуждаются в различных учреждениях ФСИН России. Так, в марте 2007 г. на кафедре юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России состоялся межрегиональный научно-практический семинар, посвященный проблемам взаимодействия уголовно-исполнительной системы с общественностью и церковью в нравственно-эстетическом воспитании осужденных. В нем приняли участие сотрудники исправительных учреждений Вологодской, Мурманской и Костромской областей, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Республики Карелии и Краснодарского края. На семинаре был рассмотрен исторический аспект изучаемой проблемы, нормативно-правовое регулирование взаимодействия церкви, общественных организаций и учреждений УИС, состоялся живой

обмен мнениями и опытом участников, что особенно было полезно курсантам, принимавшим активное участие в работе данного мероприятия.

Таким образом, взаимодействие пенитенциарных учреждений с Русской православной церковью способствует созданию благоприятных условий для утверждения в сознании осужденных идеалов добра и красоты, более эффективному разрешению конфликтных ситуаций, возникающих как между самими осужденными, так и с администрацией. Данная деятельность оказывает помощь в оздоровлении морально-психологического климата в коллективе воспитуемых, а также благотворно влияет на укрепление дисциплины, способствует снижению уровня злостных нарушений порядка отбывания наказания. Но самое главное – оказывает большое воздействие на эффективность нравственного исправления осужденных, формирование их ценностных ориентаций, подготовку к законопослушной жизни после освобождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Аналитическая справка НИИ ФСИН России. <http://www.pobeda.ru/zone/index.html>

² См.: Там же.

³ См.: Мокрецов А.И., Новиков В.В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание: Учеб.-метод. пособие. М., 2006. С. 22.

⁴ См.: Зауторова Э.В. Программа нравственно-эстетического развития несовершеннолетних осужденных «В мире гармонии». Вологда, 2005.

⁵ См.: Сурова Л.В. Мироведение: Комплекс методических разработок. Клин, 2004. С. 100–112.

⁶ См.: Православные традиции и обычаи и их роль в профилактике правонарушений несовершеннолетних // Профилактика девиантного поведения учащихся в образовательных учреждениях: Сб. метод. рекомендаций / Под ред. И.П. Башкатова. Коломна, 2006. С. 74–75.

⁷ Брянский правовой вестник. 2001. № 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Организационно-функциональный аспект в деятельности руководителя медицинского учреждения уголовно-исполнительной системы

Ф.И. УШКОВ – заместитель начальника отдела социально-правовой работы управления по работе с личным составом ФСИН России, соискатель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена одному из важных направлений деятельности УИС – совершенствованию организационно-правового регулирования деятельности руководителя медицинского учреждения уголовно-исполнительной системы. Автором описываются основные функции в структуре управленческой деятельности руководителей медицинских учреждений УИС по обеспечению оказания квалифицированной медицинской помощи лицам, отбывающим уголовные наказания в виде лишения свободы.

Автором обосновываются выводы о том, что управленческая деятельность руководителя медицинского учреждения УИС является разновидностью управленческой деятельности, которая нуждается в дальнейшем совершенствовании. Вносятся предложения, касающиеся дальнейшего развития системы ведомственных медицинских учреждений УИС с учетом отечественного и зарубежного опыта оказания медицинской помощи лицам, лишенным свободы, и заключенным под стражу, совершенствования правового регулирования вопросов медицинского обслуживания лиц, лишенных свободы, и заключенных под стражу и др.

Ключевые слова: медицинские учреждения УИС; медицинское обслуживание; руководитель медицинского учреждения УИС

Учреждения уголовно-исполнительной системы, осуществляющие медицинское обслуживание лиц, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы, являются самостоятельными государственными организациями и финансируются из бюджетных источников. Деятельность их чрезвычайно важна, поскольку именно благодаря ей осужденные к лишению свободы и заключенные под стражу имеют возможность получить квалифицированную медицинскую помощь, не покидая исправительного учреждения или следственного изолятора.

В настоящее время медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 131 больница различного профиля, медицинские части и здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией. В системе исполнения наказаний медицинскую помощь оказывают свыше 7,5 тыс. врачей и более 13 тыс. чел. среднего медицинского персонала¹.

Благодаря улучшению медицинского обеспечения и качества медицинской помощи количество больных активным туберкулезом в учреждениях уголовно-исполнительной системы в сравнении с 2001 г. снизилось в 2 раза, заболеваемость уменьшилась в 2,5 раза, а смертность упала в 3,8 раза. Общая заболеваемость и смертность среди лиц, содержащихся в следственных изоляторах, и осужденных за указанный период снизилась на 46%².

Возрастающая роль медицинских учреждений УИС в решении задач повышения эффективности оказания медицинской помощи, обеспечения применения единых стандартов в сфере здравоохранения в отношении осужденных обуславливает соответствующие требования к руководителям медицинских учреждений, их профессиональному уровню и компетентности.

Руководитель медицинского учреждения осуществляет основные функции управления, а именно планирование, организацию, руководство и контроль³.

В научной литературе деятельность руководителя организации или учреждения любого

рода представляется как динамически изменяющиеся в пространстве и времени связанные между собой функции, целью которых является решение проблем и задач учреждения⁴. От качества работы руководителя зависят текущие и итоговые показатели функционирования учреждения. Анализ обязанностей, исполняемых руководителем учреждения УИС, позволяет выявить структуру указанной деятельности, а также пути ее совершенствования.

Основой организационной деятельности является планирование, в процессе которого определяются направление и параметры развития учреждения, цели и задачи, разрабатываются стратегии, программы и планы⁵. Перед руководителем медицинского учреждения УИС стоят сложные задачи, обусловленные многообразием направлений деятельности учреждения. Реализация этих задач требует разработки системы планов работ, содержащих различные организационные мероприятия.

В связи с разнообразием управленческих действий руководителя медицинского учреждения УИС существует необходимость подразделять планы в соответствии с уровнем организационного планирования и критериями длительности планового периода на группы: стратегические, тактические, оперативные.

Стратегические планы направлены на разработку курса развития учреждения на длительный период времени и составляют основу всего планирования, отражают перспективы совершенствования медицинской системы учреждения, такие как повышение качества медицинского обеспечения, организация оказания высокотехнологичного и специализированного видов медицинской помощи. План составляется для учреждения в целом, ответственность возлагается на руководство учреждения.

На среднесрочный период времени составляются тактические планы, содержащие действия и методы реализации стратегии как отдельного учреждения, так и в целом медицинской службы. Они включают действия по внедрению новых методов и технологий, применению последних достижений науки в области медицины, модернизацию и обновление состава оборудования, организацию своевременного и качественного обучения, повышения квалификации персонала учреждения. План составляется для учреждения в целом и отдельных структурных подразделений, ответственность за его выполнение несет руководство учреждения, начальники структурных подразделений, отделов, служб.

Выполнение повседневных задач осуществляется в соответствии с оперативными планами, ответственность за их выполнение возложена на начальников подразделений, отделов, служб, работников учреждения. Реализация системы планов – сложная постоянная работа, от качественного выполнения которой зависят результативность деятельности учреждения, развитие системы медицинского обеспечения

осужденных к лишению свободы и заключенных под стражу.

Вторая составляющая процесса управления – это организация, которая как самостоятельная функция включает в себя формирование организационной структуры управления учреждения, функциональные связи, функциональные обязанности персонала, ресурсное обеспечение и непосредственное осуществление управленческой деятельности.

Медицинское учреждение УИС может быть представлено в виде линейно-функциональной системы управления, которая является наиболее эффективной при выполнении повторяющихся, редко меняющихся задач и функций⁶. В ней выстроены вертикальные линии подчиненности по каждому направлению деятельности. Руководители распределяют объем выполняемой работы между функциональными подразделениями, координируют их деятельность и несут ответственность за достижение целей и решение конкретных задач в области медицинского обслуживания.

Руководство является третьей составляющей управленческого процесса и включает в себя деятельность по мотивации работников, выбор видов коммуникаций и решение организационных конфликтов⁷. Для руководителя медицинского учреждения УИС это важная функция, так как она направлена непосредственно на работу с персоналом.

От руководителя медицинского учреждения требуются знания в области методов мотивации трудового коллектива и каждого работника в отдельности на выполнение задач, стоящих перед учреждением, и правильного их применения; подбора и расстановки кадров; распределения прав, обязанностей, ответственности; способов повышения эффективности и качества труда.

В настоящее время во многих медицинских учреждениях УИС из-за нежелания руководителя обратить внимание на организацию общего и тематического совершенствования профессиональной подготовки (переподготовки) врачей допускается нарушение требований, предъявляемых к медицинскому персоналу, установленных соответствующими нормативными правовыми актами⁸.

Непринятие своевременных мер, направленных на осуществление профессиональной подготовки медицинского персонала, может привести к снижению качества оказываемых медицинских услуг, недостаточному внедрению во врачебную практику новых методов лечения и диагностики, а в последующем – приостановлению действия или лишению лицензии на медицинскую деятельность.

Таким образом, руководитель медицинского учреждения УИС, выполняя функцию по разработке методов, направленных на повышение эффективности наиболее распространенных видов коммуникаций в учреждении, устранение барьеров на их пути и правильной их реализа-

ции, способствует успешному функционированию учреждения в целом. Так, например, внедрение в работу медицинского учреждения УИС телемедицины, являющейся новым направлением на стыке нескольких областей: медицины, телекоммуникаций, информационных технологий, позволяет руководителю учреждения осуществлять целый комплекс мероприятий, направленных на обмен опытом между медицинским персоналом учреждения и их коллегами из ведущих институтов страны и медицинских учреждений других регионов, что предполагает проведение семинаров, конференций, предоставление специалистами ведущих медицинских центров высококвалифицированной помощи пациентам в отдаленных районах.

Немаловажным аспектом деятельности руководителя медицинского учреждения УИС является управление организационными конфликтами, что требует от него знаний в этой области, умения квалифицировать конфликты, владеть методами их разрешения.

Контроль является четвертой составляющей управленческой деятельности, его задача – мониторинг, количественная и качественная оценка и учет результатов работы учреждения. Данная функция руководителя медицинского учреждения УИС связана с получением объективной картины о деятельности учреждения. Контроль позволяет руководителю при сравнении результатов работы учреждения с установленными стандартами и нормами выявить отклонения от запланированного, произвести оценку итоговых показателей, принять необходимые меры для исправления положения.

Необходимо отметить, что в управленческой деятельности контроль выступает как самостоятельная функция процесса управления и как один из элементов организации исполнения решения. В качестве функции процесса управления он выступает видом управленческой деятельности субъекта управления, осуществляемой при решении всех управленческих задач (известно, что информационно-аналитическая работа, планирование, подбор, расстановка и воспитание кадров нуждаются в контроле в не меньшей степени, чем исполнение планов, приказов и т.п.). Применительно к ходу реализации какого-то конкретного решения контроль следует рассматривать в качестве элемента организации (контроль за ходом выполнения задания) или стадии процесса управления (контроль итогов, результатов выполнения задания)⁹.

В органах и учреждениях ФСИН России основными задачами контроля являются обеспечение неуклонного следования законам и иным нормативным правовым актам, обеспечение своевременного и качественного выполнения принимаемых в органах и учреждениях УИС решений; повышение общего уровня организационной и оперативно-служебной деятельности; своевременное предупреждение, выявление и устранение недостатков в работе; выявление

и внедрение положительного опыта; усиление дисциплины и повышение ответственности сотрудников; содействие правильной оценке и использованию (перемещению) кадров.

На основании изложенного следует констатировать, что управленческая деятельность руководителя медицинского учреждения УИС является разновидностью управленческой деятельности, что обуславливает необходимость ее тщательного теоретического анализа, изучения и обобщения. Надо признать, что в настоящее время деятельность руководителя медицинского учреждения УИС мало изучена, ее нормативное регулирование носит разрозненный, подчас противоречивый характер.

В связи с этим представляется, что основными направлениями совершенствования деятельности руководителя медицинского учреждения УИС необходимо считать следующие:

- дальнейшее развитие системы ведомственных медицинских учреждений УИС с учетом отечественного и зарубежного опыта оказания медицинской помощи лицам, лишенным свободы, и заключенным под стражу;
- совершенствование правового регулирования вопросов медицинского обслуживания лиц, лишенных свободы, и заключенных под стражу;
- уточнение критериев оценки функционирования медицинских учреждений УИС и деятельности их руководителей;
- повышение уровня профессиональной подготовки руководителей и персонала лечебно-профилактических, лечебных учреждений и медицинских частей УИС.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Доклад на заседании Президиума Государственного совета Российской Федерации «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Вологда, 2009. С. 4, 26.

² См.: Там же. С. 27.

³ См.: Основы управления в ОВД: Учеб. / Под ред. А.П. Коренева. М., 1999. С. 11–16.

⁴ См.: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 2004. С. 26.

⁵ См.: Попов Л.Л. О совершенствовании государственного управления и административного права // Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы. М., 2004. С. 18.

⁶ См.: Аксенов А.А. Проблемы государственного управления в уголовно-исполнительной системе России: Состояние и перспективы (организационно-правовой аспект): Монография. Рязань, 1996. С. 87–94.

⁷ См., напр.: Голодов П.В. Правовое регулирование и организация деятельности руководителя учреждения уголовно-исполнительной системы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 13–18.

⁸ См.: Приказ Минздравсоцразвития России от 9 декабря 2008 г. № 705-н «Об утверждении Порядка совершенствования профессиональных знаний медицинских и фармацевтических работников» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 11.

⁹ См.: Основы управления в уголовно-исполнительной системе: Учеб. пособие / Под ред. П.В. Дихтиевского, Р.В. Нагорных. Вологда, 2008. С. 85–91.

О взаимосвязи влияния топографии анатомических элементов на показатели плотности и прочности древесины

А.М. АНТОНОВ – старший преподаватель кафедры лесного хозяйства, кандидат сельскохозяйственных наук;

Д.Ю. КОНОВАЛОВ – старший преподаватель кафедры лесного хозяйства, кандидат сельскохозяйственных наук;

Д.Е. ЧАЛЫХ – ассистент кафедры лесного хозяйства (Архангельский государственный технический университет);

С.А. КОРЧАГОВ – директор Вологодского лесного научно-инновационного консалтингового центра Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии им. В. Верещагина, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

В статье раскрывается вопрос о влиянии типа леса и подзоны тайги на качественные характеристики древесины сосны на примере плотности и прочности древесины и ее макростроения. Сделан вывод о том, что плотность и прочность древесины в целом зависят не только от доли поздней зоны, но и от ее микроскопического строения. Комплексным определяющим показателем плотности может явиться частное отношение диаметра трахеиды к ее стенке и процента поздних трахеид годичного слоя.

Ключевые слова: трахеиды; плотность древесины; анатомическое строение древесины; предел прочности древесины при сжатии вдоль волокон; оптикоцифровое устройство

Прочность древесины при сжатии вдоль волокон является одним из показателей, хорошо коррелируемых с плотностью. Эта зависимость отмечена многочисленными исследованиями¹.

В некоторых работах² отмечено колебание показателя предела прочности при сжатии вдоль волокон древесины одной породы на фоне постоянства ее плотности, что связано с рядом лесоводственных факторов.

Изменения в строении древесины в связи с условиями роста носят количественный характер. Условия произрастания оказывают влияние на размеры и форму анатомических элементов, толщину их стенок, соотношение объемных показателей, характер распределения в древесине механических, водопроводящих и запасающих тканей³. О.И. Полубояринов, исследуя географическую изменчивость плотности древесины, пришел к выводу, что фактор широты и долготы может влиять на плотность лишь в той степени, в какой он отражает разницу в почвенных условиях, количестве осадков, продолжительности сезона вегетации⁴.

В то же время взаимосвязь между прочностью древесины и ее плотностью не всегда пря-

мопропорциональна. Возможно, это объясняется структурной организацией годичного слоя и анатомических элементов (диаметра и толщины клеточных оболочек трахеид)⁵. Оба параметра изменяются в течение вегетационного периода (может меняться само число рядов трахеид, как ранних, так и поздних).

Сравнительный анализ опубликованных О.И. Полубояриновым, Р.Б. Федоровым⁶ данных позволяет сделать вывод о том, что древесина сосны в лесных культурах Архангельской области по базисной плотности уступает древесине, выращенной на территории Вологодской области, то есть в более благоприятных климатических условиях. Различия по данному показателю составляют 5%. К аналогичному выводу пришли Л.Н. Исаева, В.Л. Черепнин⁷ при исследовании культур в различных районах Сибири и Р.Б. Федоров⁸ при изучении естественных сосняков на территории Карелии.

Наши исследования, проведенные в период 2005–2006 гг. в культурах сосны III-IV классов возраста на территории Архангельской и Вологодской областей, показали следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

Строение и физико-механические свойства древесины сосны в культурах

Показатель	Сосняк											
	лишайниковый				брусничный				черничный			
	подзона тайги		различие	t ⁹	подзона тайги		различие	t	подзона тайги		различие	t
	северная	южная			северная	южная			северная	южная		
Ширина годичного кольца, мм	0,58 ¹⁰	0,80	0,22 ¹¹ 27,5	3,5	0,74	1,03	0,29 28,2	3,8	1,04	1,25	0,21 20,2	2,4

Количество годовичных слоев в 1 см, шт.	18,26	13,23	$\frac{5,03}{27,5}$	6,9	13,87	10,11	$\frac{3,76}{27,1}$	4,4	10,00	8,10	$\frac{1,9}{23,5}$	2,5
Содержание поздней древесины, %	28,69	29,75	$\frac{1,06}{3,6}$	0,5	29,01	29,35	$\frac{0,34}{1,2}$	0,3	30,46	31,89	$\frac{1,43}{4,5}$	0,9
Плотность при влажности 12%, кг/м ³	540	520	$\frac{20}{3,7}$	0,7	520	540	$\frac{20}{3,7}$	2,0	490	520	$\frac{30}{5,8}$	1,3
Предел прочности при сжатии вдоль волокон, МПа	49,9	49,9	0	–	51,3	51,3	0	–	46,3	49,6	$\frac{3,3}{6,7}$	2,3

Для осуществления новой технологии изучения элементов макроструктуры древесины на образцах в виде кернов разработана экспериментальная система изучения строения древесины, состоящая из оптико-дигитального устройства для изучения строения древесины и компьютерной программы «Измеритель», позволяющая повысить точность измерений элементов макроструктуры древесины, снизить трудоемкость процесса, архивировать результаты, создавать базы данных изображений кернов для последующих древесиноведческих исследований и дендрохронологии независимо от времени и без сохранения натуральных образцов¹².

Географическое положение объектов оказывает влияние на качественные показатели древесины. Это влияние наиболее четко прослеживается на примере содержания поздней древесины, ширины годовичного слоя и количества годовичных слоев в 1 см. Процентное содержание поздней древесины и ширина годовичного слоя в изучаемых типах леса максимально в южной подзоне тайги. А число годовичных слоев в 1 см наоборот имеет максимальное значение в северной подзоне, и с продвижением на юг данный показатель уменьшается.

Наши данные доказывают, что процентное содержание поздней зоны по всем типам леса возрастает, хотя и различия между вариантами не достоверны ($t = 0,3-0,9$). Подобную картину в своих исследованиях наблюдали П.Н. Львов, Л.Ф. Ипатов¹³ в ельниках черничных, произрастающих на разных широтах. Отметим, что на повышение процентного содержания поздней древесины с улучшением условий роста указывают А.А. Качалов¹⁴, И.С. Мелехов¹⁵, Б.Д. Жилкин¹⁶, Т.А. Мелехова¹⁷ и др.

Поздняя древесина имеет большую плотность, чем ранняя. Этот факт в конечном итоге позволяет утверждать, что увеличение плотности древесины происходит при повышении содержания в ней поздней зоны. По данным О.И. Полуобяринова, коэффициент корреляции между этими показателями для различных регионов России изменяется в пределах 0,70–0,75. В нашем случае при продвижении в южном направлении также происходит повышение плотности древесины (табл. 1). Лишь в сосняке лишайниковом наблюдается понижение

плотности. Возможно, в малопродуктивных типах леса на первый план выходит не содержание поздней древесины, а характер ее анатомического строения. Подтверждением этому могут быть результаты В.Е. Москалевой¹⁸, в которых образцы древесины с большей толщиной стенок поздних трахеид имели больший предел прочности при сжатии вдоль волокон, чем у образцов с меньшей толщиной стенок (процент поздней древесины в обоих случаях был примерно одинаковым). Этому же мнению придерживается и Г.А. Чибисов¹⁹, по его словам «прочность древесины в целом зависит не только от доли поздней зоны, но и от ее микроскопического строения – толщины клеточных оболочек, объема пустот, соотношения между объемом либриформа, сосудов и паренхимы».

Поскольку в широтном направлении происходит незначительное колебание плотности, то прочностные показатели или не меняются вовсе (сосняк лишайниковый и брусничный) или изменяются в небольших пределах (сосняк черничный). Достоверных различий между показателями плотности и прочности установить не удалось ($t = 0,7-2,3$). Такие результаты мы также склонны относить к особенностям анатомического строения древесины. Косвенным подтверждением этому может служить еще и тот факт, что одним и тем же значениям плотности в разных типах леса и подзонах соответствуют различные значения прочности. Известный интерес в этом отношении представляет гипотеза Э. Майра²⁰ об оптимальных условиях роста древесных пород. Он считал, что для каждой древесной породы существуют оптимальные климатические и почвенные условия, при которых достигается наивысшая крепость древесины. Это происходит вследствие изменений в анатомическом строении древесины – изменений в соотношениях между тонкостенными и толстостенными элементами древесины, между размерами полостей и толщиной стенок механических волокон.

Э. Майр полагал, что сопротивление сжатию должно уменьшаться в обе стороны от оптимума. В целом же увеличение плотности древесины вызывает повышение ее устойчивости к механическим нагрузкам, что наиболее наглядно прослеживается в черничном типе условий местопроизрастания, где колебания плотности и,

соответственно, прочности по подзонам максимальной (табл. 1).

Следует отметить, что наши выводы распространяются только для сосняков таежной зоны Европейского Севера.

Проводящую и механическую функцию древесины хвойных пород выполняют трахеиды. У всех хвойных пород они имеют форму вытянутых волокон с одревесневшими стенками и кососрезанными окончаниями. В поперечном сечении (рис. 1, 2) форма трахеид может быть близкой к прямоугольной форме, квадратной, а у лиственницы – пяти- или шестиугольной²¹.

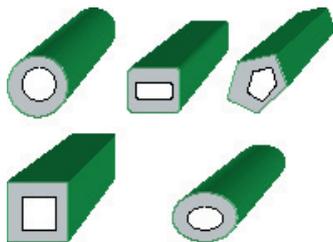

Рис. 1. Форма трахеид в поперечном сечении:

- а – круглая форма;
- б – форма, близкая к прямоугольной;
- в – пятиугольная форма;
- г – квадратная форма;
- д – овальная форма

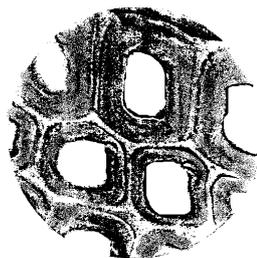

Рис. 2. Поперечный срез древесины сосны (Москалева, 1957)

Трахеиды подразделяют на ранние (крупнополостные с относительно тонкими стенками), формирующие ранний слой древесины годичного кольца, и поздние (с малыми полостями и толстыми стенками), формирующие поздний слой древесины годичного кольца. Поскольку поздняя древесина примерно в 2,5 раза плотнее ранней, основное влияние на плотность и прочность оказывают трахеиды позднего слоя годичного кольца.

По мнению О.И. Полубояринова, при помощи одной величины, представляющей определенную характеристику анатомических элементов хвойной древесины, нельзя доказательно объяснить количественного процента вариаций плотности. Окончательно не выявлено, какое влияние оказывает на плотность форма поперечного сечения трахеид, исследований в этом направлении проведено недостаточно и данные противоречивы.

Изменение продолжительности и интенсивности воздействия климатических факторов отражается на параметрах анатомических элементов, анатомического строения древесины и, следовательно, ее плотности. Многие исследователи считают, что плотность древесины хвойных пород определяется, в первую очередь, содержанием поздней зоны. По мнению финских авторов, содержание поздней зоны древесины объясняет от 40 до 70% всех колебаний плотности²². Большинство исследователей данного вопроса придерживается того мнения, что плотность древесины хвойных пород выше на плохих

местообитаниях, чем на хороших. А в северном полушарии плотность древесины, при прочих равных условиях, с продвижением с севера на юг увеличивается.

Плотность древесины имеет тесную связь с толщиной стенки поздних трахеид. По данным исследований А.Р. Родина²³, на плотность древесины основное влияние оказывает показатель отношения диаметра трахеид к толщине ее стенки. С уменьшением этого показателя плотность древесины увеличивается. При этом существенное влияние на плотность древесины оказывает процент поздних трахеид годичного слоя.

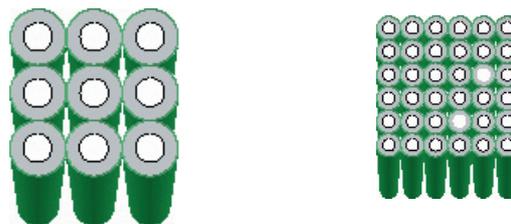
Таким образом, можно сделать вывод, что комплексным определяющим показателем плотности может явиться частное отношение диаметра трахеиды к ее стенке и процента поздних трахеид годичного слоя. Чем меньше величина, тем выше плотность древесины. Принимая величину за O , получаем:

$$O = \varnothing/d/P, \tag{1}$$

где $\varnothing$ – диаметр трахеиды; d – толщина стенки трахеиды; P – процент поздних трахеид годичного слоя древесины.

Расположение трахеид не имеет строгой модели. Трахеиды каждого вертикального слоя проникают между трахеидами предыдущего и последующего вертикальных слоев, также трахеиды имеют разную длину в пределах одного слоя.

Рассмотрим механические модели расположения поздних трахеид в годичном слое модели А, Б (рис. 3), у которых величина O имеет одно и то же значение ($\varnothing/d(A) = \varnothing/d(B) = 2$; равный процент поздних трахеид годичного слоя. Соответственно, получим равную величину плотности при разных размерах поперечного сечения трахеид (для упрощения расчетов остановили выбор на круглой форме поперечного сечения трахеид).

Модель А с показателями: $\varnothing = 4$; $d = 1$; $P = 20$ Модель Б с показателями: $\varnothing = 2$; $d = 0,5$; $P = 20$

$$\varnothing/d/P(A) = \varnothing/d/P(B) = 0,2$$

Рис. 3. Механические модели расположения поздних трахеид в годичном слое

Следуя зависимости: $\sigma_w = P_{max}/(ab)$, $\tag{2}$ где σ_w – предел прочности при сжатии вдоль волокон; P_{max} – максимальная нагрузка; a – ширина образца; b – длина образца, величина предела прочности древесины при сжатии вдоль волокон зависит от площади. У моделей А и Б эти показатели равны.

$$S = \delta r^2, \quad (3)$$

где S – площадь круга; r – радиус.

$$S_1 = \delta(r_2^2 - r_3^2), \quad (4)$$

где S_1 – площадь стенки трахеиды; r_2 – радиус сечения трахеиды; r_3 – радиус сечения полости трахеиды.

$$S_{1(A)} = 3\delta; S_{1(B)} = 0,75\delta$$

$$S_o = S_1 \hat{\epsilon}, \quad (5)$$

где S_o – общая площадь стенок трахеид; $\hat{\epsilon}$ – количество трахеид.

$$S_{o(A)} = 3\delta\hat{\epsilon}; S_{o(B)} = 0,75\delta\hat{\epsilon}36;$$

$$S_{o(A)} = S_{o(B)} = 27\delta$$

Можно полагать, что наряду с плотностью древесины величина предела прочности при сжатии вдоль волокон имеет взаимосвязь с рядом других факторов (количество трахеид, сила трения при сколжении трахеид относительно друг друга, определенное количество межклеточного вещества, внутриклеточное давление, структура оболочек клеточной стенки (радиальная, концентрическая), величина одревеснения вторичной оболочки S_2 клеточной стенки).

Такой подход требует экспериментальных подтверждений и проведения специальных исследований в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Коперин Ф.И. Зависимость строения и физико-механических свойств древесины хвойных пород от лесорастительных условий // Тр. АЛТИ. Архангельск, 1955. Т. XVI; Петруша А.К. Технические свойства древесины основных пород БССР. Минск, 1959. Вихров В. Е. Технические свойства древесины в связи с типами леса. Минск, 1963; Полуобояринов О.И. Обоснование выбора древесных пород при выращивании древесины как сырья для целлюлозно-бумажной промышленности // Лесоводство, лесные культуры и почвоведение: Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1990. С. 63–67. Щекалев Р.В. Радиальный прирост и качество древесины сосны обыкновенной в условиях атмосферного загрязнения. Екатеринбург, 2006.

² См.: Жилкин Б.Д. К вопросу о влиянии условий место-произрастания на анатомическое строение, физические и механические свойства древесины сосны // Тр. брянск. лесн. ин-та, 1936. Т. 1; Качалов А.А. Качество древесины сосны Пинежско-Кулойского водораздела // Лесное хозяйство и лесозащита. 1936. № 8. С. 45; Мелехов В.И. Устройство для изучения строения и качества обработки древесины // Информационный листок № 04-003-06. Архангельск, 2006; Леонтьев Н.Л. Таблицы физико-механических свойств древесины древесных пород СССР // Техн. бюлл. ЦНИИМОД. 1940. № 17(30); Калниньш А.И. Связь свойств древесины с условиями произрастания // Тр. Ин-та леса АН СССР, 1949. Т. 4; Щекалев Р.В. Радиальный прирост и качество древесины сосны обыкновенной в условиях атмосферного загрязнения.

³ См.: Вихров В.Е. Технические свойства древесины в связи с типами леса.

⁴ См.: Полуобояринов О.И. Обоснование выбора древесных пород при выращивании древесины как сырья для целлюлозно-бумажной промышленности.

⁵ См.: Kellomäki S. On geoclimatic variation in basic density of Scots pine wood // Silva Fenn. 1979. V. 13. № 1.

⁶ См.: Федоров Р.Б. Зональная изменчивость плотности древесины сосняков черничного типа леса в Карельской АССР / Р.Б. Федоров // Лесоводство, лесные культуры и почвоведение: Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1981. Вып. 10.

⁷ См.: Исаева Л.Н. Качество древесины географических культур сосны обыкновенной в Средней Сибири // Лесоведение. 1988. № 2.

⁸ См.: Федоров Р.Б. Зональная изменчивость плотности древесины сосняков черничного типа леса в Карельской АССР.

⁹ Приведены средние значения по пробным площадям.

¹⁰ Показатель достоверности различий ($t > 3$ – различие достоверно; $t < 3$ – различие не достоверно).

¹¹ В числителе – фактическая разность, в знаменателе – выраженная в процентах.

¹² См.: Мелехов В.И. Устройство для изучения строения и качества обработки древесины.

¹³ См.: Львов П.Н. Лесная типология на географической основе. Архангельск, 1976.

¹⁴ См.: Качалов А.А. Качество древесины сосны Пинежско-Кулойского водораздела.

¹⁵ См.: Мелехов В.И. Устройство для изучения строения и качества обработки древесины.

¹⁶ См.: Жилкин Б.Д. К вопросу о влиянии условий место-произрастания на анатомическое строение, физические и механические свойства древесины сосны.

¹⁷ См.: Мелехова Т.А. Формирование годичного слоя сосны в связи с лесорастительными условиями // Труды Арханг. лесотехн. ин-та. Архангельск, 1954. Т. 14.

¹⁸ См.: Москалева В.Е. Строение древесины и его изменение при физических и механических воздействиях. М., 1957.

¹⁹ См.: Чибисов Г.А. К проблеме формирования хозяйственно-ценных насаждений // Вопросы таежного лесоводства на Европейском Севере: Сб. науч. тр. Архангельск, 2005.

²⁰ См.: Майр Э. Методы и принципы зоологической систематики. М., 1956.

²¹ См.: Уголев Б.Н. Древесиноведение с основами лесного товароведения: Учеб. для лесотехнических вузов. М., 2002.

²² См.: Hakkila P. Geographical variation of some properties of pine and spruce pulpwood in Finland // Commun. Inst. For. Fenn. 1968. 66.8; Hakkila P. Kanto- ja juuripuum kuoriprosentti, puuaineen tiheys ja asetoniutteiden määrä // Folia Forest. 1975. № 224; Hakkila P. Wood density survey and dry weight tables for pine, spruce and birch stems in Finland // Metsäntutkimuslaitoksen julkaisu. 1979. 96.3; Kellomäki S. On geoclimatic variation in basic density of Scots pine wood // Silva Fenn. 1979. V. 13. № 1; Kellomäki S. Puuston tiheyden vaikutus puiden oksikuutentaimikko – ja riukuvaiheen männikoissa // Folia Forest. 1981. 478.

²³ См.: Родин А.Р. Особенности анатомического строения годичного слоя древесины сосны в культурах // Лесная геоботаника и биология древесных растений: Тульск. политехн. ин-т. Вып. 4. 1978.

Система автоматизированного проектирования непрерывных процессов термообработки материалов с полимерным покрытием

С.Ю. ОСИПОВ – доцент кафедры менеджмента Тверского государственного технического университета, кандидат технических наук, докторант Череповецкого государственного университета;

Ю.Р. ОСИПОВ – профессор кафедры теории и проектирования машин и механизмов Вологодского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

О.В. ЛЕВЫКИНА – аспирант кафедры теории и проектирования машин и механизмов Вологодского государственного технического университета;

С.В. ВОЛКОВА – соискатель кафедры теории и проектирования машин и механизмов Вологодского государственного технического университета

В статье на основе рассмотренных решений предложены математические модели и инженерные методики расчета непрерывных процессов термообработки рулонных материалов с полимерным покрытием. Разработано информационное и математическое обеспечение САПР, программно реализованы предложенные инженерные методики расчета.

Ключевые слова: математическая модель; внутренний теплоперенос; вулканизация; покрытие на тканевой основе; полимер; зона активного теплового воздействия; предварительный нагрев

В последние десятилетия бурными темпами идет развитие автоматизации деятельности человека в сферах научного исследования, проектирования и конструирования с целью повышения производительности и эффективности труда. Автоматизация проектирования невозможна без создания соответствующих информационно-вычислительных систем с обширной базой данных из готовых модулей и моделей физических и химических явлений, процессов, аппаратов и механизмов. Система автоматизированного проектирования (САПР) не может полностью автоматизировать проектирование сложных в математическом описании тепловых процессов, протекающих при тепловой вулканизации рулонных материалов с полимерным покрытием, и используемого для этого вулканизационного оборудования. САПР в промышленной теплоэнергетике функционирует как помощник инженеров-конструкторов, проектантов, которому можно поручить разработку вариантов решений поставленной задачи и их оценку, поиск новых конструктивных сочетаний, проработку детализированных чертежей и т.п.¹

Очевидно, что для интенсификации и оптимизации производства необходимо применять такие методы термообработки рулонных материалов с полимерным покрытием, которые позволят получить готовое изделие с требуемыми физическими и техническими свойствами за предельно короткое время и с меньшими затратами. Так как точные расчеты, производимые с учетом всех факторов (внутренние источники теплоты, подвижность границ и др.), доста-

точно трудоемки, то целесообразно разделять расчетную стадию проектирования механизмов вулканизации на несколько этапов. Сначала на упрощенных моделях исследуется необходимое число вариантов режимов и делается предварительный выбор наиболее подходящих из них, а затем применяются уточненные расчеты с целью выбора оптимального варианта².

Одним из возможных и сравнительно новых методов высокотемпературной вулканизации рулонных материалов с полимерным покрытием как на металлической, так и на тканевой основе является использование аппаратов с организованным псевдооживленным слоем инертного зернистого материала. Для промышленной реализации данного способа и достижения необходимых качественных показателей обрабатываемого материала необходимо создание однородного, стабильного, организованного псевдооживленного слоя с параметрами, постоянными в течение всего времени обработки. Последнее предполагает применение специальных тормозящих элементов, обеспечивающих в совокупности с полидисперсным составом частиц инертного зернистого материала, равномерной подачей оживающего агента по сечению реакционной камеры и ее геометрией, использованием тэнов для создания переменного температурного слоя по высоте камеры образование относительно однородного псевдооживленного слоя. При непрерывной термообработке рулонных материалов с полимерным покрытием на тканевой основе возможно использование вулканизационных многокамерных аппаратов с

активным гидродинамическим режимом (АГР). В работах, в которых рассматривались вышеперечисленные способы термообработки, затрагиваются отдельные аспекты задач проектирования технологических процессов и аппаратов, но отсутствует объединяющая методика их инженерных расчетов³.

Нами прежде рассматривались основные теоретические модели, описывающие механизм теплообмена между поверхностью и псевдооживленным слоем инертного зернистого теплоносителя⁴. Было предложено решение нестационарной задачи линейной теплопроводности для движущегося в переменном по высоте температурном поле рулонного материала, представленного в виде двухслойной системы – полимер-тканевой основы, при условии неидеального контакта между слоями методом конечных интегральных преобразований⁵. Введен ряд допущений.

Задача формулируется следующей системой уравнений и краевых условий:

– для слоя полимера:

$$\frac{\partial T_1}{\partial \tau} = a_1 \frac{\partial^2 T_1}{\partial x^2}, \quad (-\delta_1 < x < 0);$$

$$\lambda_1 \frac{\partial T_1}{\partial x} + \alpha (y) [T_c - T_1] = 0|_{x=-\delta_1};$$

– для слоя ткани:

$$\frac{\partial T_2}{\partial \tau} = a_2 \frac{\partial^2 T_2}{\partial x^2}, \quad (0 < x < \delta_2);$$

$$-\lambda_2 \frac{\partial T_2}{\partial x} + \alpha (y) [T_c - T_2] = 0|_{x=\delta_2};$$

а также начальные условия:

$$T_1 = T_2|_{\tau=0} = T_0 \quad \text{и} \quad \lambda_1 \frac{\partial T_1}{\partial x} = \lambda_2 \frac{\partial T_2}{\partial x} \Big|_{x=0} = A(\tau),$$

где T – температура; a – коэффициент теплопроводности; λ – коэффициент теплопроводности; α – коэффициент теплоотдачи; δ – толщина; x – координата; τ – время.

Выполнив решение задачи, получим температурные поля в обоих слоях:

$$T_1 = \sum_{\nu=1}^{\infty} e^{-\frac{a_1 \nu^2 \tau}{\delta_1^2}} \left[\frac{a_1}{\lambda_1 C_{\nu}} \int_0^{\delta_1} e^{-\frac{a_1 \nu^2 z^2}{\delta_1^2}} A(z) dz - \frac{(T_c - T_0) \delta_1}{C_{\nu} \mu_{\nu}} \sin \mu_{\nu} \right] \cos \frac{\mu_{\nu} x}{\delta_1}, \quad (2)$$

$$T_2 = \sum_{\nu=1}^{\infty} e^{-\frac{a_2 \nu^2 \tau}{\delta_2^2}} \left[\frac{a_2}{\lambda_2 D_{\nu}} \int_0^{\delta_2} e^{-\frac{a_2 \nu^2 z^2}{\delta_2^2}} A(z) dz - \frac{(T_c - T_0) \delta_2}{D_{\nu} \nu_{\nu}} \sin \nu_{\nu} \right] \cos \frac{\nu_{\nu} x}{\delta_2}$$

После выполнения математических преобразований окончательно получаем искомое выражение для теплового потока между слоями в виде интегрального уравнения Вольтерра второго рода с заданным контактным сопротивлением R :

$$A(\tau) = \frac{1}{R} \int_0^{\tau} k(\tau - z) A(z) dz + f(\tau). \quad (3)$$

Аналитическое решение уравнения (3) в инженерных задачах теплопроводности трудноосуществимо. Взяв за основу переменные по

высоте аппарата значения коэффициента теплообмена α между теплоносителем и материалом, мы выполнили численное решение поставленной задачи. Результаты решения были сравнительно оценены с экспериментальными данными. Среднеквадратичное отклонение расчетных значений от экспериментальных данных составило $\approx 7\%$.

Процесс теплообмена при непрерывной вулканизации различных материалов с использованием активного гидродинамического режима рассматривается как термокинетический, протекающий последовательно в несколько лимитирующих стадий: прогрев материала от температуры T_0 до температуры начала вулканизации; неизотермическая вулканизация, протекающая параллельно с продолжающимся нагревом материала до температуры среды T_c ; изотермическая вулканизация. Деление процесса на стадии выполнялось условно, в модели были введены общепринятые предпосылки и упрощения⁶.

Обрабатываемый многослойный материал заменяется «эквивалентной пластиной» путем оценки коэффициентов тепловой активности слоев резиновой смеси и тканевой основы:

$$\varepsilon_{ar} = \frac{\lambda_{ar}}{\sqrt{a_{ar}}}, \quad \varepsilon_{mk} = \frac{\lambda_m}{\sqrt{a_m}}, \quad \varepsilon_{ar} \approx \varepsilon_m \approx idem, \quad (4)$$

где ε – порозность слоя.

При удовлетворении условия (4) имеем $a_s = a_{ar}$, $\lambda_s = \lambda_{ar}$, $\delta_s = \delta_{ar} + \delta_m \sqrt{a_{ar}/a_m}$ (индексы: см – резиновая смесь, тк – тканевая основа, э – «эквивалентная пластина»).

Процесс нагрева на первой стадии представлен в виде:

$$\frac{\partial T(x, \tau)}{\partial x} = a_s \frac{\partial^2 T(x, \tau)}{\partial x^2}, \quad (\tau > 0; -\frac{\delta_s}{2} < x < \frac{\delta_s}{2}).$$

Краевые условия задачи имеют вид:

$$T(x=0) = T_0 = const$$

$$\frac{\partial T(0, \tau)}{\partial x} = 0.$$

$$-\lambda_s \frac{\partial T(\delta_s/2, \tau)}{\partial x} + [T_c - T(\delta_s/2, \tau)] = 0$$

Температурное поле материала на первой стадии процесса:

$$T(x, \tau) = T_0 + (T_c - T_0) \left[1 - \sum_{n=1}^{\infty} A_n \cos \mu_n \frac{x}{\delta_s/2} \exp(-\mu_n^2 \tau) \right], \quad (5)$$

а время ее протекания после численной оценки величин A_n и μ_n рассчитывается следующим образом:

$$\tau_1 = \frac{(\delta_s/2)^2}{a_s \mu_1^2} h \left[\frac{A_1 \cos \left(\mu_1 \frac{x}{\delta_s/2} \right)}{1 - \xi} \right], \quad (6)$$

где $\xi = \frac{T^*(x, \tau) - T_0}{T_c - T_0}$ – безразмерная температура,

$B = \frac{a_s \tau}{(\delta_s/2)^2}$ – критерий Фурье.

Температура, соответствующая окончанию первой стадии, принимается равной 393 К.

На второй стадии процесса исходная система уравнений имеет вид:

$$\frac{\partial T(x, \tau)}{\partial x} = a_3 \frac{\partial^2 T(x, \tau)}{\partial x^2} + \frac{q_v}{c_{01} \rho_{01}}$$

где q_v – источниковый член,

а краевые условия:

$$T(x, 0) = \frac{1}{(\delta_3/2)} \int_0^{\delta_3/2} \left[T_0 + (T_c - T_0) \left[1 - A_1 \cos\left(-\mu_1 \frac{x}{\delta_3/2}\right) \exp(-\mu_1^2 B) \right] \right] dx \cdot$$

$$\times A_n \cos\left(\frac{\mu_n \cdot x}{\delta_3/2}\right) \exp(\mu_n^2 \cdot B^*) \quad \frac{\partial T(0, \tau)}{\partial x} = 0 \quad (7)$$

$$T(x, \tau) = 1 - \frac{\vartheta}{B} \left[1 - \frac{\cos\left(\frac{x \cdot \sqrt{B}}{\delta_3/2}\right)}{\cos\sqrt{B} - \frac{1}{\sqrt{B}} \sin\sqrt{B}} \right] \exp(-B \cdot \tau) - \sum_{n=1}^{\infty} \left(1 - \frac{\vartheta}{B - \mu_n^2} \right) \times$$

где $B = \frac{q_v (\delta_3/2)^2}{\lambda [T_c - T(x, 0)]}$ – критерий Померанцева,

$H = \frac{-(q_v/q_2) \cdot (\delta_3/2)}{a_3 \cdot (\tau - \tau_1)}$ – критерий Предводителева,

$$B^* = \frac{a_3 (\tau - \tau_1)}{(\delta_3/2)^2}$$

Время окончания второй стадии τ_2 определяется уравнением:

$$1 - \frac{T(x, \tau) - T(x, 0)}{T_c - T(x, 0)} = B^* \exp\left[-B \frac{a_3 \tau_2}{(\delta_3/2)^2}\right] + C^* \cdot \exp\left[-\mu_1^2 \frac{a_3 \tau_2}{(\delta_3/2)^2}\right],$$

$$C^* = \left(1 - \frac{B}{B - \mu_1^2} \right) A_1 \cos\left(-\mu_1 \frac{x}{\delta_3/2}\right),$$

$$B^* = \frac{\vartheta}{B} \left[1 - \frac{\cos\left(\sqrt{B} \frac{x}{(\delta_3/2)}\right)}{\cos\sqrt{B} - \frac{1}{\sqrt{B}} \sin\sqrt{B}} \right].$$

Третья стадия продолжается от момента достижения материалом температуры T_c до окончания вулканизации. Длительность стадии τ_3 . Процесс вулканизации протекает практически в изотермических условиях $T = T_c = \text{const}$.

Уравнение вулканизации будет иметь вид:

$$\theta' = \frac{\vartheta - \vartheta'_0}{\vartheta_{\infty} - \vartheta'_0} = \exp[-k_u (\tau - \tau_{1,2})],$$

где k_u – константа скорости вулканизации; θ' – относительный модуль вулканизации; ϑ – значение модуля в текущий момент времени; ϑ_{∞} – максимальное значение модуля; ϑ'_0 – минимальное значение модуля.

Время третьей стадии термообработки можно получить из уравнения:

$$\tau_3 = \tau - \tau_{1,2} = -\frac{1}{k_u} \ln(1 - \theta') \quad (9)$$

Изменение температуры обрабатываемого материала рассчитано численным методом по описанной методике (рис. 1). С помощью формул (5–9) определены конструктивные особенности аппарата с активным гидродинамическим режимом, приведена методика расчета количе-

ства каналов в нагревательной и вулканизационной камерах, габаритов камер аппарата.

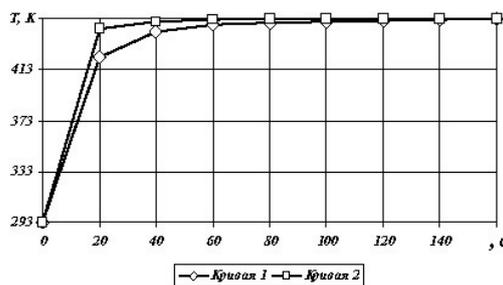

Рис. 1. Изменение температуры обрабатываемого материала при коэффициентах теплообмена $\alpha = 100 \text{ Вт}/(\text{м}^2 \cdot \text{К})$ (кривая 1) и $\alpha = 4 \text{ Вт}/(\text{м}^2 \cdot \text{К})$ (кривая 2)

Задачи на проектирование технологического оборудования определяются прежде всего техническим заданием, которое выдается разработчику и устанавливается заказчиком в соответствии с его собственными требованиями. Применительно к многослойным рулонным материалам с полимерным покрытием техническое задание включает в себя эксплуатационные характеристики материала и комплекс требований, предъявляемых к готовой продукции. Готовая продукция после термообработки должна удовлетворять ряду физико-механических и специальных свойств, регламентируемых соответствующим стандартом. Техническое задание на проектирование содержит также требования, предъявляемые к технологическому оборудованию.

Первым является требование по производительности, вторым – требование к габаритам установки, поскольку ограничивающим фактором является размер производства. Имеет значение и технология нагрева теплоносителя – горячего воздуха: либо с помощью паровых и электрических калориферов, либо с помощью теплогенераторов – газовых горелочных устройств и т.п. Выбор энергоносителя также оговаривается техническим заданием. И, наконец, существенным является вопрос о степени регенерации теплоносителя, зависящего от газообразных продуктов реакции процессов.

Рассмотренные ранее теоретические и экспериментально полученные зависимости положены в основу разработанной методологии проектирования и позволяют произвести инженерный расчет оборудования для термообработки рулонных материалов с полимерным покрытием как в установках с организованным псевдооживленным слоем инертного зернистого теплоносителя, так и в установках с активным гидродинамическим режимом.

Выделены следующие основные этапы автоматизированного проектирования тепловых режимов и теплообменных аппаратов для вулканизации рулонных материалов с полимерным покрытием:

1. Решение задач по определению тепловых потоков, действующих в системе, и их конечных температур.

2. Решение задач по определению температурных полей обрабатываемого материала, коэффициента теплоотдачи среды.

3. Решение взаимозависимых задач по выбору и расчету теплообменного и вспомогательного оборудования:

а) определение конструкции аппарата в зависимости от обрабатываемого материала и условий эксплуатации и наличия соответствующего стандартного оборудования;

б) проведение теплового расчета теплообменного аппарата;

в) проведение гидравлического расчета теплообменного аппарата;

г) расчет и выбор нагревательных и нагнетательных устройств в зависимости от теплового и гидравлического баланса аппарата.

4. Решение задачи оптимизации проектируемой системы.

В результате такого подхода разработана структура системы автоматизированного проектирования тепловых режимов и теплообменных аппаратов для вулканизации рулонных материалов с полимерным покрытием (рис. 2).

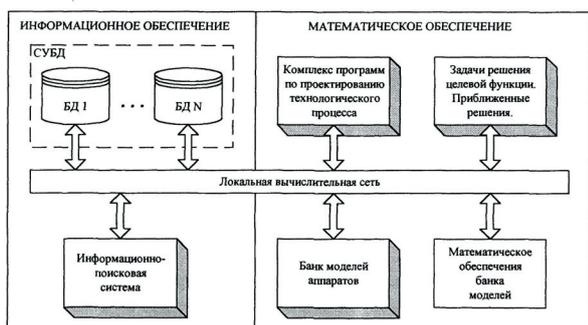

Рис. 2. Структура САПР

Для обеспечения успешного функционирования САПР были разработаны информационные базы данных, алгоритмические и программные описания рассмотренных математических моделей вулканизуемых систем. САПР имеет иерархическую структуру со следующими особенностями:

- вертикальная декомпозиция системы;
- верхние уровни управляют работой нижележащих уровней;

– обязательность обратной связи между уровнями;

– возможность самостоятельного функционирования подуровней нижнего уровня, представляющего библиотеку программ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Осипов С.Ю. и др. Методы решения оптимизационных задач при проектировании гуммировочных изделий / С.Ю. Осипов, Ю.Р. Осипов, Д.Н. Шестаков // Информационные технологии в производственных, социальных и экономических процессах: Материалы междунар. науч.-техн. конф. Череповец, 2002. С. 124–126; Осипов Ю.Р., Шашерин Д.Н. Применение современных информационных технологий управления тепловыми процессами // Там же. С. 126–128; Хованов Н.В. Анализ и синтез показателей при информационном дефиците. СПб., 1996; Затонский А.В. Оптимизация модели информационной системы поддержки техобслуживания и ремонта оборудования // Информационные технологии. 2007. № 3. С. 2–7.

² См.: Осипов Ю.Р. Автоматизация управления тепловыми процессами при креплении эластомерных покрытий к металлу. М., 2007; Он же. Автоматическая корректировка тепловых режимов вулканизации гуммировочных покрытий. М., 2005; Осипов Ю.Р., Шашерин Д.Н. Адаптивное управление теплообменными процессами при гуммировании. М., 2005; Осипов Ю.Р., Загребин С.Ю. Автоматизация технологических процессов гуммировочных производств М., 2004.

³ См.: Осипов Ю.Р., Аваев А.А. Температурное поле резинометаллического изделия в процессе вулканизации его эластомерной обкладки // Инженерно-физический журнал. 1978. Т. 3. С. 550–555; Они же. Метод расчета температурного поля влажного листового материала при его сушке в псевдооживленном слое инертного теплоносителя // Известия вузов. Химия и химическая технология. 1978. Т. 21. Вып. 9. С. 1391–1393; Осипов Ю.Р., Лукичева А.Ю. Теплоперенос при термообработке полимерных покрытий на подложке из ткани // Техника и технология. 2005. № 4. С. 80–82; Осипов Ю.Р. и др. Физико-математический анализ тепловых режимов термообработки гуммировочных покрытий / Ю.Р. Осипов, Т.А. Рожина, О.А. Панфилова // Там же. № 3. С. 51–54.

⁴ См.: Осипов Ю.Р. и др. Физико-математический анализ тепловых режимов термообработки гуммировочных покрытий; Осипов Ю.Р., Шашерин Д.Н. Моделирование температурного поля многослойной пластины в среде MATLAB // Проектирование научных и инженерных приложений в среде MATLAB: Тр. всерос. науч. конф. М., 2002. С. 68–74.

⁵ См.: Осипов Ю.Р., Аваев А.А. Температурное поле резинометаллического изделия в процессе вулканизации его эластомерной обкладки; Они же. Метод расчета температурного поля влажного листового материала при его сушке в псевдооживленном слое инертного теплоносителя; Осипов Ю.Р., Шашерин Д.Н. Моделирование температурного поля многослойной пластины в среде MATLAB.

⁶ См.: Осипов С.Ю. и др. Физическое моделирование кинетики неизотермической вулканизации / С.Ю. Осипов, Д.Н. Шашерин, Ю.Р. Осипов // Вузовская наука – региону: Материалы Первой общерос. науч.-техн. конф. Вологда, 2003. С. 56–58; Они же. Системное моделирование полного цикла производства и эксплуатации гуммированных объектов // Там же. С. 46–48.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Профилактика преступлений как важная функция уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан

М.А. АЮБАЕВ – председатель Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан, кандидат юридических наук

В статье исследуются вопросы профилактики преступлений как одной из основных функций уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан. На основе анализа эффективности профилактики преступлений в Республике Казахстан автором предлагается примерная модель профилактических функций уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: профилактика преступлений; уголовно-исполнительная система Республики Казахстан; ресоциализация осужденных

Усиление профилактического направления в деятельности правоохранительных органов объясняется происходящими в стране процессами демократических преобразований, построения цивилизованного правового государства, способного обеспечить защиту своих наивысших ценностей от преступных посягательств. Не случайно Президент страны Н.А. Назарбаев в послании народу Казахстана от 6 февраля 2007 г. подчеркнул, что приоритетной целью деятельности всей правоохранительной системы государства должны стать предупреждение и профилактика правонарушений, а не карательные действия. Президент также поручил разработать и внести на утверждение парламента страны законопроект «О профилактике правонарушений»¹.

Принимая во внимание установки главы государства, действующее уголовно-исполнительное законодательство Республики Казахстан², а также основываясь на достижениях ученых советского и постсоветского периодов³ и учитывая имеющийся определенный практический опыт подразделений УИС в данной сфере, попытаемся сформулировать и предложить примерную модель профилактических функций уголовно-исполнительной системы, исходя из общей теории профилактики преступлений.

Возьмем первый уровень профилактики преступлений – общесоциальный. Как нам представляется, данный уровень профилактической деятельности уголовно-исполнительной системы может реализовываться в следующих направлениях.

Первонаправление – это ранняя профилактика, то есть речь идет о работе уголовно-исполнительной системы с законопослушным населением в целях недопущения последним совершения преступлений. Это выступления сотрудников уголовно-исполнительной системы перед трудовыми коллективами, учащимися, студентами вузов, слушателями военных и ведомственных учебных заведений, в средствах массовой информации; подготовка и показ документальных фильмов о работе исправительных учреждений, режиме содержания осужденных, условиях изоляции и условиях проживания осужденных в местах лишения свободы; организация посещения исправительных учреждений молодежью, подростками, состоящими на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних, и другие формы работы. Отдельные элементы ранней профилактики силами УИС осуществляются успешно. В частности, законодательно закреплён институт общественного контроля, позволяющий общественным организациям проводить регулярный общественный мониторинг учреждений уголовно-исполнительной системы.

В настоящее время в Республике Казахстан создано 15 общественных наблюдательных комиссий, в состав которых вошли 93 представителя общественных объединений, медицинских учреждений, государственных органов, религиозных объединений, а также студенты высших учебных заведений. В 2008 г. по инициативе Комитета уголовно-исполнительной системы было организовано 499 посещений учреждений УИС (в 2007 г. – 307, 2006 г. – 146).

Главная задача ранней профилактики преступлений заключается в том, чтобы законопослушные граждане были твердо убеждены в том, что не надо совершать противоправные проступки, за которые они могут оказаться в местах лишения свободы.

Второе направление профилактических мероприятий на общесоциальном уровне может включать в себя комплекс мероприятий, другую необходимую подготовительную работу по социальной адаптации (ресоциализации) лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, после освобождения.

Выделяются следующие задачи ресоциализации, имеющие общей целью подготовку осужденного к освобождению:

- повышение общеобразовательного уровня осужденных. В настоящее время открыто и функционирует 51 общеобразовательное учебное заведение, 39 профессиональных школ, в которых в 2007–2008 учебном году обучались около 6,5 и 3,7 тыс. осужденных соответственно. По итогам прошедшего учебного года 845 осужденных получили аттестаты о полном среднем образовании и 1401 – свидетельство о неполном среднем образовании;

- профессиональное обучение либо повышение производственной квалификации;

- охрана здоровья;
- нейтрализация негативных социально-психологических явлений, свойственных концентрированной среде правонарушителей; избыточного привыкания к условиям изоляции от общества;

- обеспечение возможности и оказание помощи в установлении и поддержании социально полезных связей. В целях профилактики рецидивной преступности принимаются меры, направленные на социальную адаптацию лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, путем создания центров реабилитации – организаций, предназначенных для оказания содействия в трудовом и бытовом устройстве, правовой и психологической помощи освобожденным из мест лишения свободы. Так, в 2007 г. созданы два центра реабилитации – в г. Усть-Каменогорске и Шымкенте;

- осознание осужденными требований, предъявляемых к членам общества;

- осознание осужденными необходимости изменения социальной установки;

- формирование законопослушного поведения в условиях обычного общежития;

- выявление несформированных (неразвитых) способностей;

- осуществление лечебной деятельности;

- оказание психологической и социальной помощи осужденным в период их пребывания в исправительном учреждении и т.д.

Решение проблем адаптации лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, требует учета многих факторов, одним из которых является социально-психологическое обеспечение осужденных.

Психологическая подготовка к освобождению способствует созданию предпосылок для успешной социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

Третье направление профилактической деятельности подразделений УИС – это участие в адаптационном процессе бывших осужденных, организация социального контроля за ними на постоянной основе совместно с органами внутренних дел. УИС необходимо создать условия для обеспечения обратной связи исправительного учреждения и лица, освобожденного из мест лишения свободы, хотя бы в первые 2–3 года.

Подобные мероприятия призваны способствовать скорейшей адаптации бывших осужденных, содействовать в трудоустройстве, через местные органы власти оказывать необходимую помощь в обустройстве быта.

Разработан план мероприятий по реализации «Программы дальнейшего совершенствования трудовой занятости, профессионального обучения осужденных и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, на 2008–2009 годы» с целью совершенствования форм и методов работы с осужденными в исправительных учреждениях в указанном направлении.

Профилактические меры на специально-криминологическом уровне могут включать в себя профилактическую работу сотрудников УИС с осужденными, а также лицами, освобожденными из мест лишения свободы, но не ставшими на путь исправления, особенно лицами, подпадающими под административный надзор. Например, в 2008 г. из ИУ республики освободились 2185 осужденных, формально подпадавших по статейным признакам под административный надзор (в 2007 г. – 1205). В органы внутренних дел направлено 342 постановления об установлении административного надзора (в 2007 г. – 261).

Предупреждение (профилактика) преступлений в местах лишения свободы основывается на действующем уголовно-исполнительном законодательстве Республики Казахстан и может осуществляться по следующим направлениям: выявление причин и условий, способствующих совершению осужденными преступлений; выявление лиц из числа осужденных, от которых, судя по достоверно установленным фактам их противоправного поведения, можно ожидать совершения преступления, и принятие к ним своевременных мер по преодолению их антиобщественной направленности; претотвращение замышляемых, подготавливаемых преступлений.

В отношении иных лиц (родственники, друзья осужденных) за попытки передачи осужденным и следственно-арестованным запрещенных предметов, которые были выявлены и изъяты сотрудниками оперативно-режимных служб учреждений, принимались меры административного характера. За истекший период к административной ответственности по ст. 367 Кодекса Республики Казахстан об административных

правонарушениях было привлечено 1528 чел. (в 2007 г. – 1171).

Нельзя не отметить, что и содержание предупредительной (профилактической) деятельности УИС далеко не в полной мере отвечает реальным потребностям практики и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Кроме того, многие важные аспекты этой деятельности нуждаются в правовой регламентации, а некоторые из них – в коренном реформировании. Трудно не согласиться с позицией известного российского ученого Г.А. Аванесова, что в области предупреждения преступлений можно установить значительное число подзаконных нормативных актов. Они трудно обозримы, не всегда соответствуют законам, не свободны от выражения ведомственных интересов в ущерб интересам общего дела⁴.

Надеемся, что принятие Закона Республики Казахстан «О профилактике правонарушений» решит большинство имеющихся проблем в орга-

низации профилактических мер, в том числе и со стороны подразделений УИС. Реализация в полном объеме профилактических функций уголовно-исполнительной системы будет способствовать улучшению результатов общей борьбы с преступностью в Казахстане на современном этапе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Новый Казахстан в новом мире // Казахстанская правда. 2007. 7 февр.

² См.: Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан. Алматы, 2007. С. 3.

³ См.: Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975. С. 104; Сахаров А.Б. Социальная система предупреждения преступности // Советское государство и право. 1972. № 11. С. 69; Теоретические основы предупреждения преступности / Под ред. В.К. Звирбуль, В.В. Клочкова, Г.М. Миньковского. М., 1977. С. 42; Миндагулов А.Х. Профилактика преступлений: Учеб. Алматы, 2005. С. 34; Профилактика преступлений: Учеб. Алматы, 2008.

⁴ См.: Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 487.

Организация общественных структур как средство охраны тюрьмы

П. ЩЕПАНЯК – специалист отдела по делам методики обучения и профессионального совершенствования кадров Главного центра подготовки сотрудников тюремной службы в г. Калише (Польша)

В настоящей статье представлены современные направления уголовной и пенитенциарной политики, а также стандарты организации и управления тюрьмой, обозначены проблемы подбора и подготовки тюремного персонала в Польше. На примере из практики раскрывается концепция охраны пенитенциарных учреждений посредством организации общественных структур.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право; тюремная система Польши; кадровая работа; подготовка тюремного персонала

Современные тенденции уголовной политики и стратегии противодействия преступности

В настоящее время наблюдается рост уровня преступности в мире, появляются ее новые формы. Результаты криминологических исследований показывают, что в последние 20 лет число совершенных преступлений во многих странах увеличилось в два раза. Показатель прироста при этом дифференцируется, и в США он оказывается совершенно отличным от стран Западной Европы (число заключенных в расчете на 100 тыс. жителей США достигает 450 чел., в странах Западной Европы – около 50 на 100 тыс. жителей). Тщательный анализ этих показателей приводит к выводу об отсутствии связи между числом совершенных преступлений и числом заключенных. Реальное количество осужденных в пенитенциарном учреждении в большой степени зависит от традиций данного общества и решений политико-прагматического характера.

Это доказывает, что существует возможность реформирования пенитенциарной системы. Например, в скандинавских странах уже с 1940-х гг. осуществляется реформа уголовной политики и пенитенциарной системы, сущность которой заключается в ограничении показателя прироста прироста. Несмотря на то, что до конца 1960-х гг. во многих странах мира увеличивалось число зарегистрированных преступлений, а следовательно, и число заключенных, интенсивные реформирующие усилия привели к тому, что показатель прироста прироста удерживается на уровне 50 осужденных на 100 тыс. жителей. Сегодня в европейских странах основные направления изменений тесно связаны с политикой противодействия процессу маргинализации, депенализации, определенным законом лимитом наполняемости пенитенциарного учреждения (нередки случаи отказов в принятии осужденных из-за отсутствия свободных мест в тюрьме,

своеобразной очереди, особенно из виновных в совершении мелких преступлений)¹. Кроме аболиционистических действий реформа активизировала деятельность общественных служб. Положительным моментом являются развитие системы probation и расширение круга альтернативных наказаний. В уголовной политике некоторых стран наблюдается другая тенденция, которая для пенитенциарной политики означает ужесточение репрессий, – неоклассическое направление, связанное с ретрибутивной парадигмой в уголовном праве.

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод, что существуют две противоположные модели развития тюремной системы: охранная и реадaptационная (реинтеграционная)², или изоляционно-репрессивная и воспитательная. Здесь необходимо подчеркнуть, что эти две модели соответствуют двум концепциям общества: открытому обществу с демократическими традициями (inclusive) и обществу, в котором предпочтение отдается крайним мерам, таким как исключение неудобных лиц из общества (exclusive). Реедaptационная модель тюрьмы в значительной степени влияет на пенитенциарную теорию и практику, является «двигателем» развития тюремной системы.

Реинтеграционная, или воспитательная, роль тюрьмы закреплена в виде стандарта в Минимальных правилах ООН, а также Европейских тюремных правилах. В них также говорится о необходимости невооруженного персонала, профессионально подготовленного к своей работе в области воспитания, терапии, социальной работы и т.д.³ Кроме того, создана основа для нового понимания функции охраны пенитенциарного учреждения, которую можно определить как охрану посредством организации общественных структур⁴. В реализации упомянутой модели управления тюрьмой первенствуют скандинавские страны.

Подготовка кадров для реедaptационной модели тюрем

Основные правила упорядочения пенитенциарной службы, которым придан статус международного права, находим в документах Европейского Совета и ООН. Стоит подчеркнуть, что среди принципов, касающихся заключения, свобода является самой главной и основной ценностью, а ее ограничение – исключением. Донна Гомен, профессор по правам человека Норвежского института (г. Осло), рассматривая основные принципы лишения свободы Европейской конвенции, делает следующие выводы. Условия отбывания наказания в виде лишения свободы основываются на трех основных принципах. Первый принцип определяет свободу как норму, а обособленность – как исключение. Второй – это принцип всеобщей законности (принцип права), он распространяется на права заключенных и их практическую деятельность. Третий, основной принцип, который определяет

деятельность в рамках общих международных постановлений, относящихся к правам человека, – это принцип запрета дискриминации.

Положение, согласно которому свобода вступает нормой, а обособление исключением, возникло в результате правовых прецедентов в Страсбурге. Первой из них является доктрина внутренних ограничений. Она появилась как ответ на аргументы стран, которые утверждали, что уже в момент, когда гражданину выносится приговор за совершение уголовного преступления, или когда он находится в тюрьме по другим обоснованным причинам, объем его прав устанавливает государственная власть. Европейская комиссия и Трибунал по правам человека решительно не согласны с этим аргументом и полагают, что заключенный остается все время субъектом, а не предметом права, что заключение не лишает (или не должно лишать) его гражданских прав, даже если он совершил уголовное преступление. Заключенные не являются рабами государства и сохраняют все неотъемлемые права. С другой стороны, существует принцип, согласно которому государство имеет только ограниченное влияние на окончательное решение, касающееся заключения гражданина в тюрьме, а также условия исполнения наказания в виде лишения свободы. Здесь необходимо вспомнить о принципе законности. Именно он вызывает некоторое замешательство у всех, кто впервые сталкивается с правилами Европейской конвенции по защите прав человека. Принцип законности, или принцип верховенства закона, является инструментом, который в определенных условиях позволяет ограничить права человека.

В июле 1997 г. Европейский комитет по проблемам преступности предложил проект принципов этики, относящихся к персоналу, который исполняет санкции и уголовные меры.

В странах Европы многие согласования по унификации пенитенциарной политики, а также подготовке и подбору персонала произошли во время встречи руководителей тюремной администрации 6–12 ноября 1989 г. в Мессыне в рамках подготовки к VIII Конгрессу ООН по вопросам борьбы с преступностью и обращения с заключенными. В других документах, в частности Римской декларации, подчеркивается ведущая роль высококвалифицированных кадров в современном мире⁵. Современная модель подбора и подготовки тюремных кадров, а также современные принципы организации и управления тюрьмой подробно рассмотрены В. Рэнтzmanом⁶.

В принципах этики особо подчеркивается значение подбора персонала, обязательность уважения человеческого достоинства осужденных лиц, а также членов их семей.

В Минимальных правилах профессиональной этики пенитенциарного персонала отражены следующие принципы:

– принцип неприменения физического или психического принуждения;

– запрет всяких форм дискриминации в отношении лиц, к которым применяются уголовные меры;

– запрет поведения, провоцирующего лицо, лишённое свободы;

– обязанность персонала, который находится в непосредственном контакте с заключёнными, информировать их о правах и обязанностях;

– обязанность персонала устанавливать и поддерживать сугубо деловые отношения с лицами, являющимися подозреваемыми или заключёнными, а также с членами их семей.

После 1989 г. международное сотрудничество и обмен опытом в области исполнения наказаний в виде лишения свободы оживились. Значительную роль в процессе интеграции европейских пенитенциарных служб сыграли программы Европейского совета, в частности план Демостенеса.

Уникальные примеры подготовки сотрудников содержатся в «Задачах исправительной системы Канады» 1991 г. Канадской пенитенциарной службы. В них содержится определение основных ценностей, передовых принципов и стратегических целей⁷. В этом документе находим различные рекомендации и нормы, определенные упомянутыми выше документами, поскольку на формирование стандартов значительное влияние оказали международные пенитенциарные конгрессы, проходившие с 1845 г. Международные стандарты в области защиты прав человека были имплементированы в уголовно-исполнительное и пенитенциарное право некоторых стран и стали «компасом» для многих европейских пенитенциарных систем. Подобные нормы используются в виде образца в организациях, которые контролируют и ведут видеонаблюдение в пенитенциарных учреждениях (например, СРТ, OBWE AI и т.д.).

В практике исполнения наказания в виде лишения свободы в странах Западной Европы под воздействием международных стандартов, принципов пенитенциарной политики, в частности нормализации, ответственности, открытости⁸, изменились функции тюремных сотрудников: надзирательная роль сменилась многофункциональной менеджерской ролью. Надо подчеркнуть, что высокий уровень развития персонала является результатом многолетнего реформирования.

В научной литературе существует мнение, согласно которому тюремный персонал недостаточно подготовлен психологически к выполнению определенных задач, которые являются опасными, сложными⁹. Это подтверждает актуальность проблемы подбора и подготовки тюремных кадров. Немного стран и пенитенциарных систем могут гордиться такой системой образования, которая позволяет сотруднику выбрать определенную профессию и получить соответствующее образование. Наблюдается всеобщая тенденция и практика подготовки тюремного персонала в рамках повышения

профессионального уровня после поступления на службу в тюремную систему или совершенствование в пределах пенитенциарной системы тех лиц, которых приняли с определенными навыками. Подготовка и профессиональное совершенствование входят в систему подготовительного обучения, продолжающегося несколько лет и включающего в себя различные курсы и практики. Выделяют вступительное, начальное, дополнительное обучение и повышение квалификации. После практических и теоретических экзаменов обучение приобретает форму перманентного¹⁰. Именно такая модель обучения предусмотрена европейскими стандартами, а также ООН.

Важным элементом профессиональной подготовки кадров является рекрутинг. Пенитенциарные системы разных стран опираются на общий образец кандидата «просвещенного и горящего любовью к людям»¹¹.

Оценка подбора и подготовки тюремного персонала в Польше

Строгое исполнение принятых в нашей стране решений, относящихся к системе организации тюремного ведомства, сохраняется многие годы на достаточно высоком уровне, несмотря на критику и возможность введения в польскую пенитенциарную систему изменений, связанных с унификацией международных стандартов (особенно накануне вступления в европейское сообщество, а также в связи с изменениями закона о Тюремной службе и уголовного законодательства). Важным является и тот факт, что призыв к демилитаризации тюремного персонала содержится в последнем отчете о состоянии пенитенциарной системы, подготовленном Институтом по общественным делам¹². Инициативы, связанные с реформой тюремного ведомства, возникли у представителей тюремного персонала в Польше, особенно Главном центре подготовки тюремной службы Польши и Польском пенитенциарном обществе. В целях улучшения функционирования польской пенитенциарной системы ее основные проблемы были классифицированы и предложены пути их решения в ходе нескольких конференций, посвященных вопросу подбора и подготовки тюремного персонала¹³. Так, 29–31 мая 1995 г. в Главном центре подготовки сотрудников тюремной службы в г. Калише состоялась научная конференция по проблемам подбора и подготовки сотрудников тюремной службы в Польше. Научные и практические работники изучили состояние, оценили сложившуюся ситуацию и определили перспективы набора и подготовки тюремных кадров. Выработанные в ходе конференции положения и отзывы выглядят следующим образом:

1. В Польше отсутствует четкая кадровая политика тюремной службы. Закон о Тюремной службе не регулирует этот вопрос в целом.

2. Отсутствие профессионального этоса и профиля личности сотрудника тюремной служ-

бы, отвечающих требованиям нового общественного строя нашей страны.

3. Механизм отбора не является совершенным и в большой степени функционирует вне тюремной службы. Нет инструментов, при помощи которых можно было бы определять, обладают ли кандидаты на обучение личностными качествами, необходимыми для тюремных сотрудников (в процессе отбора кандидатов принимает участие комиссия Министерства внутренних дел).

4. Отсутствуют необходимые методики формирования желательных черт кандидатов на службу.

5. Кандидаты на службу в тюремной системе не обладают необходимой профессиональной подготовкой для работы с заключенными (лишь 26% воспитателей в пенитенциарных учреждениях имеют педагогическую подготовку).

6. Рейтинг профессии тюремного служащего – низкий и, учитывая предпринимаемые усилия в области «public relation's», повышается очень медленно.

7. Отсутствие знаний об эргономических аспектах работы в тюремной службе в пенитенциарном учреждении не позволяет четко определить требования к кандидатам на работу в тюремной службе и набор необходимых личностных качеств сотрудника.

8. У сотрудников пенитенциарной службы наблюдается синдром профессионального выгорания и другие отрицательные явления.

Данные проблемы были подтверждены научными разработками, где подчеркивается, что типичные для тюрьмы негативные явления возникают по причине того, что тюрьма представляет собой тоталитарное учреждение¹⁴. С ее функционированием связаны такие процессы, как приспособление¹⁵, стандартизация и униформизация, деперсонализация, а также призонизация¹⁶ и стигматизация¹⁷.

В литературе описаны примеры, характеризующие тюрьму как тоталитарное учреждение, которому присущи бюрократизм и авторитарный стиль управления¹⁸, так называемое переуправление учреждением¹⁹, общественная изоляция²⁰. В данных условиях возникают проблемы, связанные с чрезмерно низкой либо чрезмерно высокой степенью общественной изоляции и идентификацией персонала. Данные обстоятельства способствуют ситуации, которую А. Габэрлэ определяет термином «готовность к преступлению»²¹. Указанные процессы следует отнести к факторам, способствующим профессиональному выгоранию²². Со временем появляется деиндивидуация подопечных²³, а также дегуманизация деятельности персонала²⁴. Внимания заслуживает мнение о связи насилия с характером тюрьмы, поскольку само учреждение рождает в себе насилие (например, формой организации и методами работы)²⁵. Кроме того, характеризуя некоторые процессы, происходящие в пенитенциарном учреждении,

можно говорить об аномии. Одной из причин этого явления, по утверждению М. Косэвского, является отсутствие профессионального этоса сотрудника тюремной службы, которому присуще чувство профессиональной гордости²⁶.

Тюремная среда оставляет след на всех сферах человеческой активности заключенного (биологической, психической, общественной) и сказывается даже на членах его семьи. Все это подтверждают результаты многочисленных исследований²⁷. Наличие стольких отрицательных черт и последствий тюремной изоляции послужило причиной для определения наказания в виде лишения свободы термином «окончательное средство» (ultima ratio).

Представители науки и пенитенциарной практики высказались в пользу модификации в каждой из названных выше сфер. Самой актуальной является потребность в реформировании программ и методов обучения персонала, в частности на подготовке к работе на определенной должности. Речь идет об одновременном широком использовании как имеющегося практического опыта обучающихся, так и современных методов дидактики и андрогогики²⁸. Содержание обучающих программ должен определять созданный с этой целью совет по делу учебных программ, в состав которого желательно включить представителей пенитенциарных учреждений, научных сотрудников, представителей профсоюза.

Необходимым является перманентное дополнение законов. Ожидается создание законодательного совета по реформе уголовно-исполнительного права. Кроме того, следует создать междисциплинарный совет, в состав которого вошли бы психологи, социологи, врачи-специалисты по условиям труда, пенитенциаристы. Их задача заключалась бы в определении реальных условий, параметров, проблем, возникающих у сотрудников на определенных должностях, разработка списка личностных качеств сотрудников и требований по состоянию здоровья, необходимых для работы в этой области. Таким образом, собранные данные позволили бы выработать профиль личности сотрудника для определенных профессиональных групп и составить список профессиональных заболеваний. Квалификационные комиссии, которые занимаются подбором кадров для тюремной службы (они должны подчиняться Министерству юстиции), получили бы стандартные инструменты для отбора кандидатов. Кроме того, существует потребность создания научно-исследовательской группы, которая занималась бы изучением процесса развития профессиональной карьеры сотрудников и работников тюремной службы²⁹.

Предложения по модификации в сфере организации и управления тюрьмой: методические аспекты (традиционная и современная модели управления пенитенциарными учреждениями)

В практике управления тюрьмами постоянно обнаруживается проблема, которая встречается

и в системах воспитания: постоянно проявляющиеся расхождения в широко понимаемых целях воспитания и обучения, принятых авторами и организаторами просветительско-воспитательных систем, и в целях, которые осуществляют эти системы на самом деле. Беспokoит, однако, тот факт, что «расхождение бывает иногда так велико, что можно говорить о том, что данная система воспитания реализует другие, а не принятые ранее цели»³¹.

В большинстве пенитенциарных систем на первом месте стоит индивидуально-превентивная цель, на втором – изоляционная. Отделение охраны отвечает за ограничение контактов со средой, контроль в широком смысле. Пенитенциарные отделения осуществляют основные цели исполнения наказания, стремятся к формированию самостоятельности, расширению контактов с окружающими, свою деятельность строят на доверии друг к другу и положительных взаимоотношениях персонала и заключенных. Конфликт функций и целей переносится на другие структуры тюрьмы, вызывая последствия психологического и общественного характера. Часто наблюдаются негативные отношения между офицерами пенитенциарного и охранного отделений.

Чем отличается традиционный способ охраны осужденных в аспекте управления общественными структурами? Сотрудник, надзирающий за осужденными, воспринимает их как людей, которые угрожают ему; в результате он отказывается от личных контактов с ними, удерживает дистанцию с подопечными, испытывает беспокойство, не доверяет осужденным, ощущая опасность. Заключенные, находящиеся под его контролем и надзором, «уходят в себя», воспринимают его как постороннего, игнорируют и не допускают его к делам жизни группы. Трудно в такой ситуации завоевать авторитет и уважение подопечных. Власть персонала опирается на административный ресурс. Эта профессиональная роль связана с финансовыми расходами, потому что у сотрудника, который охраняет заключенных, имеются оружие, средства связи и личной охраны. При этом он исполняет только одну функцию – караульного. Трудно ожидать в подобной ситуации воспитательных результатов. Напомним только, что ресоциализация – это цель работы.

Что необходимо делать для получения результатов в воспитании? В воспитательных ситуациях задействованы воспитатель и воспитанник (или группа воспитанников), с которым он находится в интеракции. Условием эффективности воспитания являются положительные, основывающиеся на взаимном уважении отношения между участниками процесса. Цель педагогического воздействия должна быть общей для воспитателя и воспитанника, а в ходе решения задач, реализующих поставленную цель, воспитуемый должен приобретать необходимый опыт (желательные качества). Связь между воспита-

телем и воспитанником должна быть изоморфической, то есть положительной.

В приведенной выше ситуации охраны и работы с группой появляются серьезные расхождения и конфликты целей и ролей. Стоит поставить вопрос: какой опыт предоставляет заключенным традиционная тюрьма?

Прямо можно сказать, что тюрьма исполняет «гостиничную» функцию: в определенное время осужденный получает еду и вообще все необходимое для жизни. В литературе такой тип «тренингов» определяется как «усвоенная беспомощность». Однако не таким образом формулируется предусмотренная законом цель воздействия на заключенных: от них ожидают послушание и подчинение воле персонала. Кроме того, осужденные не занимаются деятельностью, которая будет реализовываться ими на свободе.

Чему, таким образом, может научиться заключенный у сокамерников, проведя десяток-полтора лет в тюрьме? Можно ли каким-то способом избежать подобных проблем и последствий? Является ли возможной реализация обеих функций тюрьмы, избегая негативных последствий? Ответ утвердительный: предлагаемая модель охраны позволяет приблизиться к оптимальным решениям. Эта модель основана на данных общественной психологии, социологии и ресоциализационной педагогики. В методическом смысле она базируется на использовании динамики группы, сил и процессов, проявляющихся в коллективе. В Польше эта модель применяется в некоторых типах пенитенциарных учреждений (особенно лечебно-воспитательных учреждениях, в терапевтических программах, в некоторых тюрьмах открытого типа). Однако следует подчеркнуть, что эта модель не является общепринятой, поскольку почти 70% пенитенциарных учреждений Польши – это тюрьмы закрытого типа, в которых функционирует традиционная модель охраны. Опыт западных стран (особенно скандинавских) показывает, что тюрьмы открытого типа намного дешевле, чем закрытые. В Дании, например, на работу принимаются люди, являющиеся хорошими менеджерами либо обладающие квалификацией, соответствующей характеру работы осужденных, например мебельщик. Этот работник вместе с группой, за которую отвечает, идет на работу и вместе с ними выполняет производственные задачи. В данном случае он выступает в роли мастера или бригадира. Осужденные воспринимают этого работника иначе, чем «караульщика». Все проблемы (не только служебные) можно решать на месте, в момент их появления. Контроль подобным сотрудником осуществляется более эффективно и, что самое важное, его принимают подопечные.

Согласно ресоциализационной цели исполнения наказания осужденные развивают те способности, которые должны пригодиться им на свободе. Именно такая организация ис-

полнения наказания отвечает требованию положительного воспитательного воздействия и повышает шансы достичь поставленных целей. После работы сотрудник остается с группой, занимается вместе с ними повседневными делами, ходит в кино или принимает участие в спортивных занятиях. Работа, учеба, свободное время – все эти основные формы активности и мер воздействия связаны с отличной от традиционной тюрьмы ролью сотрудника. Из-за своей «многофункциональности» сотрудники, которые реализуют эту модель, в шутку называют себя осьминогами. Сравнение с традиционным способом охраны и управления тюрьмой показывает одни только преимущества управления путем организации общественных структур. Эта модель дешевле других, она позволяет направить средства на улучшение бытовых условий заключенных и работы кадров, однако требует профессионализма. Тюрьма, которая функционирует по представленной выше модели, становится элементом широко понимаемой общественной системы (она уже не является учреждением закрытого типа), и, следовательно, изменяются факторы, определяющие ее организацию и управление. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Хочу обратить внимание на некоторые методические аспекты новой системы охраны. В традиционных тюрьмах пренебрегают организованными группами заключенных. Считается, лучше, если они остаются разобщенной толпой, но с точки зрения безопасности это хуже. В организованных группах связи между членами коллектива смежные, им свойственна структура и разделение ролей, цели, принципы и обычаи. Формируется чувство общности. Группа обладает способностью самоуправления, а толпа – нет. В толпе нет взаимодействия, характерного для сложившейся группы, нет структуры, норм и т.д. Правда, зато легче побудить толпу к действию, но труднее управлять ею. В толпе отсутствует дисциплина, что всегда увеличивает риск в отношении вопросов безопасности.

Деятельность группы обусловлена взаимодействием между ее членами. Перед тем как группа что-то решит или сделает, необходимым элементом является взаимная коммуникация, выработка решений. Когда мы анализируем характер группы, имеем возможность определить ее намерения. В этом смысле группа представляется более безопасной, потому что на обмен мнениями между членами группы нужно определенное время. Группа находится в «постоянном движении», развивается, поддается влиянию различных процессов. Это имеет большое значение с точки зрения охраны. Этапы развития группы имеют свои особенности. Когда воспитатель впервые появляется в группе, ситуация напоминает типичную охранную модель. Он против группы, в которой уже есть неформальные лидеры. Члены группы, с одной стороны, стремятся к воспитателю, с другой – к нефор-

мальному лидеру. В результате воспитательного воздействия, реализации общих целей и задач структура группы преобразуется, приобретая демократические черты. Неформальные лидеры тоже поддаются воспитательному воздействию, и все это приводит к тому, что воспитатель становится ее частью, находится в ее центре. Воспитатель, играющий ведущую роль в группе, оказывает на нее воздействие. Все процессы, явления и силы в группе поддаются наблюдению, потому что поведение и процессы можно идентифицировать, основываясь на показателях. К ним относятся вербальные и невербальные сигналы, жесты, кинезийное поведение и многое другое. В процессе развития группы наблюдаются фазы, у каждой из которых свои специфические черты. На стадии формирования группы доминируют сдержанность, изолированность, своеобразие, усиленное наблюдение за поведением других, поиск информации, образцов поведения. Данную фазу характеризуют повышенное внимание, поиск ответов на вопросы, неуверенность, нерешительность, вражда и т.д. В переходной стадии наблюдаются установление контактов, взаимодействия, завязывание приятельских отношений, приспособление друг к другу – зарождается стадия сообщества. У членов сообщества имеются общая цель, принципы, правила поведения, развивается система контроля и воздействия через наказание и поощрение, появляется и чувство отличия, которое находит свое отражение в символах, обычаях своей особенной культуры. Процесс развития группы можно проследить по поведению людей, их взаимодействию: от нежелания общаться или опасения в начале – к последующему одобрению членов сообщества и дружбе. Когда группа становится интегрированной, устойчивой, тогда она в состоянии оказывать сильное воздействие на своих членов, потому что является важным инструментом удовлетворения потребностей людей в безопасности, одобрении и т.п. В сплоченной группе доминируют силы, которые «связывают» и сдерживают центробежные силы, которые могут вызвать распад группы. Если в группе преобладают процессы аккомодации, или сближения, наблюдаем сотрудничество, положительное настроение, отождествление членов группы с самой группой. Если заключенный применяет оборот «мы считаем», то опосредованно информирует, какие взгляды доминируют среди его друзей. «Мы» определяет психологическую границу с «они» (лицами с другими мнениями, другим поведением и т.п.). Антагонизм, конфликты, чрезмерное соперничество, всякого рода борьба (символическая тоже) подчеркивают распад группы. Внимательное наблюдение за этими явлениями позволяет правильно определить процессы, происходящие в группе. Процесс дезорганизации, повышенное число жалоб, конфликтов, просьб о переводе, понижение уровня дисциплины, усиление явлений, связанных с субкультурой, и многие другие по-

казатели, несомненно, предупреждают о назревающем бунте.

Таким образом, мы кратко представили возможности охраны посредством определенной организации общественных структур. Основные принципы этой концепции в значительной степени вытекают из Европейских тюремных правил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В этих случаях осужденные находятся под надзором, и если ведут законопослушный образ жизни и имеют положительный диагноз в период ожидания, то определение суда о заключении может измениться на другие уголовные меры, например временное отложение и т.п.

² См.: Reynaud A. Human rights in prisons. Strassbourg, 1986. С. 22–30; Gajdus D., Gronowska B. Европейские правила восприятия заключенных. Торунь, 1998. С. 22.

³ Правило 57: В той степени, в которой это возможно, в состав персонала входят такие специалисты, как психологи, психиатры, социальные работники, учителя, инспектора по профессии, физкультуре и по спорту.

⁴ См.: Щепаняк П. Новый взгляд на охрану пенитенциарного учреждения // Руководство по обучению сотрудников исправительных учреждений / Под ред. М. Платэка. Варшава, 2000. С. 213–220.

⁵ См.: Rentzman W. Rekrutment, training and use of staff // Prison Information Bulletin. 1992. June. № 16. S. 20. В статье представлена подробная модель подбора и подготовки тюремных кадров в Европе для управления тюрем. См. также: Он же. Cornerstones in a modern treatment philosophy: normalization, openness and responsibility // Там же.

⁶ См.: Он же. Rekrutment, training and use of staff. С. 19–21.

⁷ Ресоциализационная служба в Канаде, являясь частью системы уголовной справедливости, способствует охране общества, побуждая и поддерживая преступников в законопослушном поведении при помощи безопасного, гуманитарного, разумного контроля. Принцип первый: соблюдаем достоинство личности и права всех членов общества, а также потенциал человеческого роста и развития. Принцип второй: принимаем идею, что в преступниках есть потенциал к правопослушной жизни. При этом результаты контроля оказываются намного лучшими в ситуации положительных интеракции между персоналом и преступником, чем применение статических средств контроля. Степень контроля должна быть правильно подобрана в каждой конкретной ситуации, быть безопасной и гуманной. Главные принципы: преступники являются людьми, которые принимают на себя ответственность за свои поступки, и им принадлежит решение отказа от совершения преступления. Верим, что программы и методы оказания помощи преступникам в формировании их общественных и жизненных навыков способствуют укреплению их потенциала так, что они станут гражданами, соблюдающими законы. Мы обязаны обеспечить участие преступников в программах, которые способствуют их развитию.

⁸ См.: Rentzman W. Cornerstones in a modern treatment philosophy: normalization, openness and responsibility; Щепаняк П. Попытка оценки эффективности подготовки тюремных кадров в Польше // Подбор и подготовка сотрудников тюремной службы в польской пенитенциарной системе: Диагноз, оценка, прогноз: Материалы конф. Калиш, 1995. С. 76–89.

⁹ См.: Zimbardo Ph., Banks W.C., Jaffe D. The mind a formidable jailer. A. Pirandelian prison // The New York Times. 1973. April 8. S. 38–60.

¹⁰ См.: Making Standards Work: An international Handbook on Good Prison Practice // Penel Reform international. 1995.

March. S. 145; Hill G. Basic Training Manual for Correctional Workes. Milan, 1994.

¹¹ См.: Немцэвич Й.У. Меморандум о новой тюремной системе, установленной в США. Варшава, 1962. С. 48, Ниглей К. Teeters, Deliberations of the international Penal and Penitentiary Congress: Cuestions and Answers. Philadelphia, 1949; Making Standards Work: An international Handbook on Good Prison Practice. С. 143; Щепаняк П. Попытка оценки эффективности подготовки тюремных кадров в Польше. С. 76–88.

¹² См.: Обращение с заключенными в 1989–2002 годах / Под ред. Т. Булэнды, Р. Мусидловски. Варшава, 2003. С. 21.

¹³ См.: Подбор и подготовка сотрудников тюремной службы в польской пенитенциарной системе: Диагноз, оценка, прогноз: Материалы конф.

¹⁴ См.: Goffman E. Asyle Uber die Soziale Situation psychiatrischer Patienten und anderer Insassen. Frankfurt a/M., 1972.

¹⁵ См.: Чиосэк М. Тюремная изоляция. Избранные аспекты тюремной изоляции в восприятии заключенных и персонала. Гданьск, 1993. С. 33–38.

¹⁶ См.: Clemmer D. The prison community. N.-Y., 1940.

¹⁷ См.: Lammerta E. Human deviance, social problems and social control, Social pathology. N.-Y., 1951.

¹⁸ См.: Курнал Й. Бюрократия и бюрократизм в теории организации и управления // Об исправном и неисправном функционировании организации / Под ред. Й. Курнала, Варшава, 1982. С. 25–26.

¹⁹ См.: Габэрлэ А. Общественная патология. Варшава, 1982. С. 205.

²⁰ См.: Мочидловский П. Тюремное ведомство – от тоталитарного до демократического строя // Обзор польского тюремного ведомства. Варшава, 1994. № 8. С. 3–15.

²¹ Габэрлэ А. Общественная патология. С. 199.

²² См.: Навуй Й. Некоторые вопросы подбора сотрудника тюремной службы и формирование его развития // Набор и подготовка сотрудников тюремной службы в польской пенитенциарной системе. Диагноз, оценка, прогноз. С. 56–57.

²³ См.: Подгурецкий А. Патология деятельности учреждения // Вопросы общественной патологии / Под ред. А. Подгурецкого. Варшава, 1976. С. 182–188.

²⁴ См.: Зимбардо Пн., Рух Ф. Психология и жизнь. Варшава, 1988. С. 614–620.

²⁵ См.: Шнейдэр Х. Насилие в учреждении // Насилие в повседневной жизни / Под ред. Б. Хольша. Варшава, 1996. С. 129; Краевский К. Консенсуальная или конфликтная криминология? Спор о концепции // Юридическое, экономическое и социологическое движение. 1987. Т. 3. С. 7–42; Косэвский М. Агрессивные преступники. Варшава, 1979; Человек в ситуации соблазна и унижения. Варшава, 1985; Зыбертович А. Насилие и познание. Торунь, 1995. С. 368–369.

²⁶ См.: Косэвский М. Люди в ситуациях соблазна и унижения. С. 36, 44.

²⁷ См., напр.: Шимановский Т., Гурский Й. Исполнение наказания лишения свободы в свете результатов исследований. Варшава, 1981. С. 186; Баландынович А. Неудачные возвращения. Варшава, 1993; Поровский М. Общественные инициативы в пользу заключенных. Варшава, 1991; Вонсик Й. Пожизненное лишение свободы в Польше. Варшава, 1993; Желлинская И., Паства Б. Чувство одиночества и способ функционирования осужденных рецидивистов в условиях тюремной изоляции // Пенитенциарный и криминологический обзор. 1990–1991. № 18. С. 76–92.

²⁸ См.: Отчет о работе конференционных групп по определенным проблемам // Набор и подготовка сотрудников тюремной службы в польской пенитенциарной системе. Диагноз, оценка, прогноз. С. 136–150.

²⁹ См.: Там же. С. 148–150.

³⁰ См.: Лэвин А. Система воспитания и педагогическое творчество. Варшава, 1983.

³¹ См.: Там же.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

К вопросу о субъекте преступления в уголовном праве

В.Б. МАЛИНИН – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Межрегионального института экономики и права (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор;

В.В. ПОПОВ – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации;

Б.А. СПАСЕННИКОВ – профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В статье всесторонне исследуется субъект преступления как элемент уголовно-правовой характеристики преступления, в том числе рассматривается вопрос о возможности юридического лица выступать в качестве субъекта преступления. Проведенный историко-правовой анализ уголовного законодательства России и некоторых зарубежных стран позволил авторам заключить, что субъектом преступления может быть не любой представитель эволюционного ряда (человек), а только психосоциальная реальность.

Ключевые слова: уголовное право; преступление; субъект преступления

Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки преступления, которые предусмотрены уголовным законом. Одним из обязательных элементов состава преступления выступает субъект преступления, обладающий соответствующими признаками. В отечественном уголовном праве субъектом преступления считается человек (физическое лицо), совершивший преступное деяние¹.

Правоведы ряда стран под субъектом преступления понимают не только физическое лицо, но и юридическое; не только человека, но и животное. История зарубежного права представляет многочисленные примеры, подтверждающие существование взгляда на животное как субъект преступления. По греческим законам Дракона и Солона производился суд над животным, причинившим смерть человеку, и животное осуждалось на смерть. В Риме император Нума Помпилий установил предавать казни как того, кто нарушил межу, так и быков, на которых производилась вспашка². В США (штат Техас) в 1990 г. был вынесен смертный приговор за неоднократные нападения на людей собаке по кличке Маркус. Судебная практика прошлого содержит свидетельства того, что существовала даже различная подсудность для животных домашних, приручаемых (собаки, лошади и др.) и тех, которые «не поддаются власти человека» (насекомые, мыши и др.): первые подлежали суду светскому,

вторые – церковному³. Судебные разбирательства над саранчой, гусеницами, мышами, крысами, которые наносили вред, убытки посевам, проходившие в церковном суде, особенно католическом, отличались тонкостью исполнения процессуальных норм. Такие процессы имели место даже в XVII столетии. По мнению Н.С. Таганцева, к компетенции судов духовных главным образом относились те случаи, когда животное являлось источником общественных бедствий (например, истребление посевов): «Испуганное население ввиду грозящего зла прибегало к духовенству, а то, не ограничиваясь молитвами об отвращении или прекращении бедствия, устраивало судбища против нарушителей мира. Наказания в этом случае имели, конечно, характер нематериальный: виновным повелевалось оставить местность, назначалось отлучение и анафема их»⁴.

На наш взгляд, нормы, согласно которым животное является субъектом преступления, имеют своим истоком античную ментальность, для которой животное было одухотворенным существом, живущим той же интеллектуальной и моральной жизнью, что и человек. Считалось, что животные, окружающие человека, чувствуют, говорят и действуют так же, как и он, принимают самое непосредственное участие в его жизнедеятельности. У некоторых древних народов допускалось вступление в брак с животным, а у ряда современных – не преследуется скотоложство.

Рассмотрение представителей животного мира в качестве субъекта преступления исходит, на наш взгляд, и из канонического права. Подтверждение своему предположению мы находим в 11 главе Евангелия от Марка, где говорится о проклятии Христом смоковницы (Мк. 11:12-25). Именно проклятие, отлучение и анафема как приговор церковного суда наиболее часто упоминаются в связи с исследуемым вопросом правоведами прошлого. Н.С. Таганцев указывает, что процессы над животными объяснялись взглядом на преступление как деяние, «оскорбляющее божество и охраняемый им мир». Кроме того, сами процессы имели цель устрашения людей, готовящихся к преступлению⁵.

В современном российском законодательстве животные не признаются субъектами преступления. Они могут рассматриваться лишь в качестве орудий, если их используют в преступных целях. Следует исходить из того, что человек – существо многостороннее, многомерное. Он есть продолжение эволюционного ряда. В то же время человек качественно отличается от приматов. Его мозг одухотворен и подчинен высшим целям. Принципиальное отличие человека от приматов состоит в свободном отношении к переживаемым физиологическим потребностям. С помощью воли человек может блокировать ощущение голода и жажды, преодолевать чувство страха и боли, если это вступает в противоречие с достижением лично значимых целей. Специфической особенностью человека является наличие у него как бы двойной жизни: внешней, непосредственно наблюдаемой, и внутренней, скрытой от посторонних глаз. Внутренний мир называют также субъективным, что подчеркивает его принадлежность конкретному субъекту, так как воспринимает, мыслит, переживает всегда определенный человек.

Человеческий субъективный мир – мир сознания и самосознания. Предметом сознания может стать сам человек, его собственное поведение, при этом он как бы выходит за пределы самого себя, занимает позицию «над ситуацией»; открывает смысл своих действий, поступков, поведения. Со смысловой сферой личности связана совесть – внутренний судья, указывающий на подлинный мотив того или иного поступка, его смысл. Человек испытывает муки совести, если совершенный им поступок расходится с его нравственными принципами, представлением о должном. Его внутренняя жизнь осознанна. Человек отдает себе отчет о своих мыслях, целях, поступках. В осознанно волевом поведении он осуществляет власть над собой, подчиняет одни мотивы другим, ставит должное выше желаемого. Фундаментальная характеристика способа бытия человека – его осознанность.

Другая проекция человека – его бытие как субъекта. Речь идет о способности быть распорядителем деятельности, поведения. Субъективность – категория, выражающая сущность внутреннего мира человека. Субъективный (subjectum) в буквальном переводе с языка рим-

ского права – подлежащий, то есть лежащий в основе. Субъективность подразумевает имманентную способность человека быть субъектом (автором, хозяином) своей собственной жизни. Следует согласиться с В.И. Слободчиковым и Е.И. Исаевым в том, что становление человека как субъекта той или иной деятельности – процесс освоения индивидом ее основных структурных образующих: смысла, цели, задач, способов. Субъект необходимо определить как носителя деятельности, источник активности, направленной на объект. Понимание субъекта связывается с наделением человеческого индивида качествами активности, самостоятельности, способности к осуществлению различных форм деятельности. Человек как субъект способен превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, оценивать способы деятельности, контролировать ее ход и результаты⁶. Суммируя вышесказанное, можно заключить, что человек как субъект – психосоциальная реальность. Субъектом преступления может быть не любой представитель эволюционного ряда, а только психосоциальная реальность. Исходя из принципа личной и виновной ответственности в отечественном уголовном праве понести ее может только человек как физическое лицо.

В 1973 г. Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям европейских стран, к коим по праву относится и Российская Федерация, встать на путь признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности за экологические преступления. Институт уголовной ответственности юридических лиц получил законодательное закрепление в ряде государств, например Италии, Нидерландах, Финляндии, Дании, Великобритании, Индии, США, Канаде, Франции, Бельгии, Португалии, КНР и др.⁷ В некоторых странах, например Германии, Швеции, установлена так называемая квазиуголовная (по сути – административно-уголовная) ответственность юридических лиц⁸.

В период феодального права существовала ответственность, определявшая наказание целых корпораций. Папы мстили отлучением от церкви и проклятиями по чисто политическим побуждениям тем городам, местностям и целым народам, которые или держались учений, отличных от католической догматики, или оказывали сопротивление церковной власти. Оружие общих наказаний, падавших на известные местности, употребляли и правители, и даже судьи⁹. В ст. 49 Баварского кодекса 1813 г. говорится о том, что если «множество или совокупность членов данной общины, цеха или другой корпорации совершают преступление, то наказуемым субъектом должны считаться отдельные лица, а не община; согласно с сим имущественные наказания, так же как и возмещение вреда и убытков и также судебных издержек, должны быть взыскиваемы не из имущества общины, а из частного имущества виновных членов. Это правило касается того, что в виде исключения определено в особенных уставах». Этот закон

буквально повторен в ст. 71 Ольденбургского кодекса 1814 г., в ст. 56 Ганноверского кодекса¹⁰.

Принцип личной и виновной ответственности был провозглашен в конце XVIII в. во время Великой французской революции¹¹. Он вытеснил существовавшее до этого общее представление феодальной эпохи об уголовной ответственности не только за совершение преступления, но и за причинение любых опасных и вредных последствий. Но и после провозглашения этого принципа в ходе военных действий стороны облагали контрибуциями целые народы, накладывали штрафы на города, а в российском уголовном праве существовало «установление ответственности всей общины за несоблюдение тех или других постановлений полицейских»¹².

А.Ф. Кистяковский пишет: «Вопрос об ответственности так называемых юридических лиц принадлежит к разряду вопросов, вызывающих некоторое сомнение... Поэтому-то, хотя большинство теоретиков склоняются, и не без солидных к тому оснований, к тому положению, в силу которого юридические лица совершать преступления не могут, и хотя в самой природе их содержится много данных, чтобы дать основание такому положению, но, с другой стороны, нельзя сказать, чтобы не существовало некоторых признаков, которые, по-видимому, ослабляют силу общего положения или, по крайней мере, дают основание для исключений... Возможно ли серьезно говорить о суде над юридическим лицом, когда его права и обязанности не связаны с той или другою личностью, когда цель его вполне определена, она выше цели отдельного физического лица?»

Каким образом можно говорить о наказании юридического лица, которое есть совокупность общественных отношений? На основании этих соображений теоретики говорят, что юридическое лицо есть лицо фиктивное, отвлеченное понятие, обнимающее целую совокупность общественных отношений, что назначение и цели его не могут быть иные, кроме клонящихся к общему благу, и что преступления, совершаемые в кругу этих учреждений представителями их, должны быть отнесены на счет последних как физических лиц, которые в этом случае действуют, хотя от имени этих учреждений или прикрываясь ими, но вопреки цели и назначению их, что сами эти учреждения ни думать, ни желать, ни совершать что-нибудь противозаконное не могут, что даже представление о совершении преступлений со стороны юридических лиц является нелепым, что определение наказания юридическому лицу как таковому, во-первых, неизбежно пало бы на невинных лиц, входящих в состав этих учреждений или имеющих к ним соприкосновение, во-вторых, поразило бы и те благие цели, для достижения которых возникло, существует и установлено известное учреждение»¹³.

Еще в конце XIX в. Н.С. Таганцев вслед за А.Ф. Кистяковским указывал, что уголовная ответственность юридических лиц допускается в англосаксонской правовой системе и судебная практика в странах, где она существует, отвер-

гает ее и свидетельствует «о многочисленных трудностях и фактической невозможности в полном объеме применять эту норму»¹⁴. По мнению Н.С. Таганцева, вопрос о том, могут ли юридические лица быть виновниками преступного деяния, могут ли они за учиненное отвечать в уголовном порядке, решен был «навсегда и притом отрицательно». Неразрешимые вопросы возникают из-за того, что правонарушения юридических лиц не согласуются с понятием преступления как действия и бездействия. В связи с этим не представляется возможным установить причинную связь между ущербом и конкретным деянием юридического лица, не соблюдается принцип запрета двойной ответственности за одно и то же преступление и юридического лица, и его руководителей. Невозможно определить вину в форме умысла и неосторожности, ибо психическое отношение к последствиям у юридического лица обнаружить не удастся. Автор отмечал: «Безнаказанность юридического лица как идеальной личности отнюдь не освобождает от ответственности тех его представителей или членов, которые непосредственно выполнили преступное деяние; за оскорбительное письмо, написанное от имени собрания или клуба, отвечают старшины, подписавшие это письмо, а не самый клуб; за подлог, совершенный управлением акционерного общества, отвечают те лица, которые изготовили, подписали или употребили заведомо подложный документ. Уголовная безответственность юридических лиц не исключает их ответственности гражданской, в частности обязанности вознаграждения за вред и убытки.

Сомнения возбуждают указываемые криминалистами случаи так называемой групповой или массовой ответственности, встречающейся в истории всех законодательств, но и оно устраняется уже тем соображением, что в этих случаях нет речи об ответственности лиц юридических, а имеется в виду проявление виновности толпы, масс, то есть простой совокупности лиц физических, особая форма коллективной вины, разновидность соучастия. Это указание одинаково применимо как к тем случаям, когда ответственность, до смертной казни включительно, применялась ко всем без исключения лицам, бывшим во времени учинения известного преступления в данном месте, доме, деревне, на основании допускавшейся в праве теории предполагаемой виновности (массовая ответственность в тесном смысле), так и к тем, когда при доказанном участии неизвестного числа лиц в преступлении ответственности подвергались не все, а только некоторые по выбору, жребию, случайному порядку. В этих случаях нет юридического лица, привлекаемого к ответственности, а существует лишь совокупность предполагаемых или действительных физических виновников»¹⁵.

Еще болеестораживают предложения об уголовной ответственности юридических лиц за хозяйственные преступления, что может обраться в преступников учредителей, акционеров, сотрудников предприятий, не причастных

к принятию решений, ведущих к общественно опасным деяниям, более того, позволит освободить от уголовной ответственности виновных. Интересным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что инициаторами предложений по уголовной ответственности юридических лиц за хозяйственные преступления являются страны с высоким уровнем организованной преступности, что не может не навести на мысль о причастности преступного сообщества к этим инициативам, попыткам виновных уйти от уголовной ответственности. На наш взгляд, уголовная ответственность юридических лиц «растворяется» в дивидендах своих акционеров.

Известно, что в проекте УК РФ, подготовленном Министерством юстиции Российской Федерации совместно с Государственно-правовым управлением при Президенте Российской Федерации, предпринималась попытка ввести уголовную ответственность юридических лиц. Однако такая возможность была решительно отвергнута большинством правоведов в силу противоречия фундаментальным принципам (например, личной и виновной ответственности), институтам (например, вины и вменяемости) и основным понятиям (например, сущности и цели наказания) российского уголовного права. Суть введения уголовной ответственности юридических лиц сводилась к усилению для них имущественных санкций¹⁶, что вполне достижимо в рамках гражданской ответственности.

Согласно п. 1 ст. 18 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1990 г. (которая в настоящее время подписана, но не ратифицирована Российской Федерацией) предусмотрено установление уголовной ответственности юридических лиц за преступления, «закрывающиеся в активном подкупе, злоупотреблении влиянием в корыстных целях и отмытии доходов, признанных в качестве таковых в соответствии с данной Конвенцией и совершенных в их интересах каким-либо физическим лицом, действующим в своем личном качестве или в составе органа юридического лица и занимавшим руководящую должность в юридическом лице, в процессе: выполнения им представительских функций от имени юридического лица; или осуществления им права на принятие решений от имени юридического лица; или осуществления им контрольных функций в рамках юридического лица; а также за участие такого физического лица в вышеупомянутых правонарушениях в качестве соучастника или подстрекателя». Конвенция обязывает стран-участниц предпринимать необходимые меры для того, чтобы юридическое лицо могло быть привлечено к ответственности тогда, когда «вследствие отсутствия надзора или контроля со стороны физического лица появляется возможность совершения уголовных правонарушений». Поэтому некоторые авторы полагают, что «в связи с ратификацией конвенции “Об уголовной ответственности за коррупцию” Российская Федерация (если не сделает при этом специальной

оговорки) подобно другим европейским государствам (Франции, Бельгии) будет вынуждена отойти от классического принципа уголовного права, предусматривающего ответственность исключительно физических лиц, распространив ее на юридических лиц, причастных к совершению ряда преступлений. Если таковое произойдет, то целесообразно использовать французский вариант: предусмотреть ответственность юридических лиц за строго определенный перечень преступлений, а не распространять такую ответственность на все преступления, предусмотренные уголовным кодексом (бельгийский вариант)¹⁷. Следует уточнить, что многие развитые в правовом отношении страны (Швейцария, Испания, Япония и др.) также не разделяют мнения о возможности признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности¹⁸.

Отечественное гражданское право в отличие от уголовного признает субъектами ответственности и юридических лиц. Это объясняется сущностью гражданско-правовых отношений, спецификой целей, которые преследует гражданская ответственность. Полагаем, что только то лицо может считаться ответственным за преступление, которое было в той или иной степени его творцом. Уголовная ответственность – ответственность персональная. Это положение, безусловно, является принципиальным, отличающим современное общество от феодального, распространявшего наказание не только на виновного, но и на всю семью, позднее – общину.

Рассмотрение юридического лица как субъекта преступления, на наш взгляд, есть разновидность физического вменения, игнорирующего нравственное вменение, то есть отказ от решения принципиального вопроса об участии воли субъекта в совершении известного деяния, запрещенного под страхом наказания. Из вышесказанного следует: юридическое лицо не обладает субъективностью, осознанным волевым поведением, не способно осознать свою вину, нести уголовную ответственность, отбывать наказание, имеющее целью исправление, то есть не может быть субъектом преступления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968. Т. 1. С. 355.

² См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Общая часть. М., 1994. Т. 1. С. 142.

³ См.: Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. Киев, 1882. С. 296.

⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. С. 142.

⁵ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. С. 142.

⁶ См.: Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М., 1995. С. 7.

⁷ См.: Павлов В.Г. Субъект преступления в уголовном праве. СПб., 1999. С. 170; Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 19; Примерный уголовный кодекс США. М., 1969. С. 56.

⁸ См.: Крылова Н.Е. Уголовная ответственность юридических лиц во Франции: предпосылки возникновения и основные черты // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1998. № 3.

⁹ См.: Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. С. 300.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Уголовное право. Общая часть: Учеб. для вузов / Под ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамовой. М., 1999. С. 166.

¹² Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых // Советская юстиция. 1992. № 17, 18. С. 3.

¹³ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. С. 300.

¹⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. С. 143.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи: Сб. ст. / Отв. ред. С.Г. Келина, А.В. Наумов. М., 1994. С. 60; Никифоров А.С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Там же. С. 61; Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых. С. 3.

¹⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с поstateйными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С.И. Никулина. М., 2001. С. 118.

¹⁸ См.: Современное зарубежное уголовное право. М., 1958. Т. 2. С. 317.

Поглощение предприятий: теоретико-правовой анализ

М.В. ИСТОМИНА – соискатель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России

В статье исследуется проблема употребления таких понятий, как «поглощение», «недружественное (враждебное) поглощение», «рейдерство». Анализируются нормы законодательства, касающиеся явления поглощения предприятий, рассматриваются существующие точки зрения на понимание его ключевых признаков, сущности.

Ключевые слова: поглощение; недружественное (враждебное) поглощение; корпоративный контроль; рейдерство

В современной юридической литературе и законопроектах часто используется термин «поглощение»¹, а также выражение «недружественное (враждебное) поглощение»².

Словосочетание «недружественное поглощение» обязано своим происхождением английскому «hostile takeover», под которым понимается скупка контрольного пакета голосующих акций компании без какого-либо согласования с ее акционерами и менеджментом³.

Правовая доктрина США определяет поглощение как одну из форм изменения контроля над компанией в результате перехода права собственности на крупный пакет акций или наиболее ликвидные активы⁴. Аналогичным образом трактуется поглощение и в Директиве Европейского Парламента и Совета от 21 апреля 2004 г. № 2004/25/ЕС (Директива о поглощениях)⁵.

В действующем российском законодательстве термин «поглощение» находит свое определение в подзаконных актах федеральных органов государственной власти. Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 16 ноября 1992 г. № 1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий»⁶ поглощением одного предприятия другим признается приобретение последним контрольного пакета акций первого. Согласно Распоряжению Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг Российской Федерации от 4 апреля 2002 г. № 421/р «О рекомендации к применению кодекса корпоративного поведения»⁷ поглощение представляет собой

приобретение тридцати и более процентов размещенных обыкновенных акций юридического лица.

Понимание поглощения как приобретения акций (контрольного пакета или тридцати и более процентов) позволяет утверждать, что системное регулирование вопросов поглощения осуществляется Федеральным законом от 5 января 2006 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации»⁸. В соответствии с данным правовым актом закон «Об акционерных обществах» был дополнен главой XI.1 «Приобретение более 30 процентов акций открытого общества».

На основе анализа названных документов определим поглощение как сделку по приобретению преобладающего участия в уставном капитале акционерного общества. При этом отметим, что упомянутая Директива о поглощениях, регулирующая поглощение публичных компаний, также распространяет свое действие на акционерные общества, а переход прав собственности на акции рассматривается учеными как поглощение предприятий⁹.

Следствием перехода права собственности является установление корпоративного контроля над обществом. Вместе с тем существует объективная возможность перехода прав корпоративного контроля без оформления права собственности (например, обращение прав контроля с использованием кредиторской задолженности и влияния управляющей компании).

Так, в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁰ возможны следующие формы приобретения контроля: внешнее управление, конкурсное производство и т.д. Обратясь к ст. 105 Гражданского кодекса Российской Федерации, следует акцентировать внимание на возможности признания общества дочерним в отношении другого (основного) в силу существования договора, позволяющего определять решения, им принимаемые. Следовательно, договоры управления дают право на контроль над деятельностью акционерного общества.

В связи с изложенным высказанное в литературе мнение о том, что поглощение является институтом, ориентированным на перераспределение корпоративного контроля¹¹, нуждается в некоторой корректировке. Подобная трактовка поглощения безмерно расширяет анализируемое понятие и приводит порой к ошибкам логического свойства. Так, например, Е. Чиркова ошибочно, по нашему мнению, рассматривает как один из способов поглощения получение контроля над советом директоров без покупки контрольной доли в акционерном капитале через голосование по доверенности (*proxy contests, proxy fights*)¹². Аналогичным образом А. Коваль интерпретирует достижение контроля над акционерным обществом путем получения доверенностей от акционеров на управление принадлежащими им акциями, а также банкротство, понимаемое как скупка долгов акционерного общества с последующим приобретением его активов¹³. П.А. Марков среди способов поглощения называет создание на базе юридического лица дочернего или зависимого хозяйственного общества, покупку активов и т.д.¹⁴

На наш взгляд, все вышеназванные «способы поглощения», в том числе и приобретение контрольного пакета акций, скорее являются инструментами перераспределения корпоративного контроля.

Хронология событий по приобретению акций и установлению контроля над предприятием точно прослеживается в следующей формулировке: «поглощение – это сделка, в результате которой происходит переход прав собственности на корпорацию, чаще всего сопровождающийся заменой менеджмента купленной корпорации и изменением ее финансовой и производственной политики»¹⁵.

Такое толкование рассматриваемого термина не противоречит пониманию поглощения в зарубежной практике и находит отражение в вышеуказанных российских подзаконных актах, ибо приобретение контрольного пакета акций обеспечивает безусловное право принятия или отклонения определенных решений на общем собрании акционеров и в органах управления.

Часто поглощение рассматривается в контексте реорганизации, преимущественно как слияние и (или) присоединение. Данный подход распространен в работах экономической направленности. Н.В. Горелая отмечает, что

приобретение одного банка другим или присоединение поглощаемого банка к поглощающему отражает экономическую сущность понятия «поглощение»¹⁶. Д.Ю. Осипов считает, что поглощение осуществляется в форме слияния и консолидации (присоединения)¹⁷. В определениях поглощения, сформулированных П. Гохан, О.Г. Беленькой, подчеркивается, что поглощение выступает одной из форм слияния¹⁸.

Заметим, что ранее действовавшее Положение об акционерных обществах, утвержденное Постановлением Совмина РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 601¹⁹, допускало реорганизацию в форме поглощения, под которым подразумевалась покупка 100% акций общества. Однако в настоящее время поглощение не фигурирует в качестве формы реорганизации в российском законодательстве, то есть лежит за пределами его правового поля. Тем не менее подобное лексическое обозначение слияния и присоединения широко распространено на практике, ибо «лучше отражает существо и логику сделки»²⁰.

Наблюдаемое терминологическое расхождение в понимании поглощения А. Радыгин объясняет несоответствием между законодательно закрепленными в Гражданском кодексе Российской Федерации видами реорганизации и экономическими процессами, описываемыми в терминах «слияние» и «поглощение»²¹.

Говоря о явлении поглощения, считаем необходимым остановиться на его разновидности – недружественном (враждебном) поглощении.

Прилагательное «враждебный» в русском языке означает «крайне неприязненный, полный вражды, ненависти; вражеский, неприятельский»²².

Удачным представляется использование для определения характера поглощения критерия «отношение менеджеров компании-цели к намерению компании-покупателя»: если менеджмент согласен продать компанию, поглощение называется дружественным, если нет – враждебным²³. Н.Б. Рудык и Е.В. Семенова аналогичным образом трактуют недружественное (жесткое) поглощение: «корпорация-покупатель делает тендерное предложение акционерам компании-цели, минуя при этом менеджмент»²⁴.

Завершая рассмотрение вопросов, связанных с явлением поглощения, отметим, что основными характеристиками его являются переход права собственности на акции и, как следствие, перераспределение корпоративного контроля. Часто встречающееся отождествление недружественного поглощения с рейдерством нельзя признать правильным. Данные понятия соотносятся как частное и общее и разграничиваются по целям, способам их достижения, объектам воздействия. Целью поглощения является перераспределение корпоративного контроля путем приобретения акций. Рейдер преследует несколько иную цель – незаконное приобретение имущества и (или) перехват корпоративного контроля. В случае недружественного поглощения корпоративный контроль достигается посредством приобретения необходимого ко-

личества акций. Реализация целей рейдера предусматривает использование целого комплекса инструментов – как законных (в том числе приобретения акций), так и незаконных.

Отличие между двумя указанными явлениями заключается в объектах воздействия: в первом случае – акционерные общества, во втором – более широкий круг организационно-правовых форм юридических лиц, а также индивидуальные предприниматели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Габов А.В. Об основных проблемах применения правил поглощения акционерных обществ // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 95; Жуков А. Понятие «поглощение юридических лиц» в российской корпоративной практике // Право и экономика. 2006. № 9. С. 96; Змеев А.В. Механизм управления корпоративным развитием в условиях слияния и поглощения компаний: Дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 16.

² См.: Марков П. Совокупность проблем теории и практики недружественных поглощений // Право и экономика. 2007. № 2. С. 98; Степанов С. Особенности российских недружественных поглощений // Рынок ценных бумаг. 2006. № 15(318). С. 64; Трифонова Л.А. Аспекты формирования модели корпоративной защиты предприятия от недружественного поглощения // Вестник финансовой академии при Правительстве РФ. 2007. № 2(42). С. 137; Проект федерального закона № 384664-4 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов разрешения корпоративных конфликтов)». <http://www.pravoteka.ru/pst/37/18265.html>

³ См.: Горбов В.В. Правовая защита акционерного общества от недружественного поглощения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 3.

⁴ См.: DePamphilis D. Mergers, acquisitions and other restructuring activities. Elsevier Academic press, 2005. P. 579.

⁵ См.: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32004L0025:EN:HTML>.

⁶ См.: Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 21. Ст. 1731.

⁷ См.: http://www.fcsm.ru/catalog.asp?ob_no=3608&print=1.

⁸ См.: СЗ РФ. 2006. № 2. Ст. 172.

⁹ См.: Самойленко В. Виды поглощения по-украински // Юридическая практика. 2004. № 18(332). С. 28; Koch T., Mac-Donald S. Bank Management. Harcourt Inc., 2000. P. 135.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

¹¹ См.: Гетьман-Павлова И.В., Гущина А.А., Липовцев В.Н. Защита прав акционеров при слияниях и поглощениях в праве ЕС // Человек и закон. 2007. № 12. С. 157.

¹² См.: Чиркова Е. Действуют ли менеджменты в интересах акционеров? Корпоративные финансы в условиях неопределенности. М., 1999. С. 182–183.

¹³ См.: Коваль А. Способы проведения жестких поглощений // Юридическая практика. 2004. № 29(343). С. 50.

¹⁴ См.: Марков П.А. Дружественное поглощение // Право и экономика. 2008. № 10. С. 15.

¹⁵ Радыгин А. Слияния и поглощения в корпоративном секторе (основные подходы и задачи регулирования) // Вопросы экономики. 2002. № 12. С. 86. (Под словом «корпорация» в контексте статьи А. Радыгин понимает акционерное общество.)

¹⁶ См.: Горелая Н.В. Слияния и поглощения как форма реорганизации коммерческих банков: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. С. 9.

¹⁷ См.: Зухурова Л.И. Оценка инвестиционной стоимости компании в сделках слияния и поглощения: Дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2007. С. 15.

¹⁸ См.: Там же. С. 15.

¹⁹ См.: СП РСФСР. 1991. № 6. Ст. 92.

²⁰ Миляев В.А. Оценка инвестиционной привлекательности предприятия в условиях слияния и поглощения компаний: Дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2008. С. 56.

²¹ См.: Радыгин А. Слияния и поглощения в корпоративном секторе (основные подходы и задачи регулирования). С. 86.

²² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 84.

²³ См.: Демидова Е. Враждебные поглощения и защита от них в условиях корпоративного рынка России // Вопросы экономики. 2007. № 4. С. 71.

²⁴ Рудык Н.Б., Семенкова Е.В. Рынок корпоративного контроля: слияния, жесткие поглощения и выкупы с долговым финансированием. М., 2000. С. 10.

Условное осуждение за незаконный оборот предметов вооружения: есть ли разумные пределы?

А.С. ШУЙСКИЙ – заместитель прокурора г. Ессентуки, соискатель Российской академии правосудия

Статья акцентирует внимание на проблеме применения условного осуждения в отношении преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Автор высказывает мнение о широкомасштабном и зачастую необоснованном применении условного осуждения за данные преступления, что, по его мнению, снижает эффективность действия правовой нормы об уголовной ответственности за незаконный оборот предметов вооружения. В заключение вносится предложение о необходимости четкой законодательной регламентации оснований и условий применения условного осуждения, ограничивающих пределы судебного усмотрения.

Ключевые слова: уголовное право; незаконный оборот оружия; условное осуждение

Как известно, наличие в незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и

взрывных устройств является одним из существенных факторов, способствующих совершению

преступлений¹. Криминологами давно подмечена закономерность: чем больше огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств будет бесконтрольно находиться в руках у населения, тем больше будет совершаться преступлений с их применением². В этой связи одним из приоритетных направлений противодействия вооруженной преступности является разработка новых и повышение эффективности существующих мер по ограничению незаконного оборота предметов вооружения, в том числе с использованием возможностей уголовного права.

К числу важнейших уголовно-правовых средств противодействия вооруженной преступности относится норма, предусматривающая ответственность за незаконный оборот оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 222 УК РФ), которая имеет двойное превентивное значение. Устанавливая уголовную ответственность за незаконный оборот предметов вооружения, она тем самым позволяет предупреждать преступления, совершаемые с их применением.

Однако эффективность этой уголовно-правовой нормы снижает чрезмерно либеральная практика назначения наказания за предусмотренные ею деяния, выражающаяся в широкомасштабном и зачастую необоснованном применении условного осуждения. Так, согласно данным судебной статистики, из числа осужденных по ч. 1 ст. 222 УК РФ условное осуждение было применено: в 2003 г. – к 80,1%, в 2004 г. – к 71,0%, в 2005 г. – к 71,8%, в 2006 г. – к 73,3%, в 2007 г. – к 74,3% осужденных. Более того, условное осуждение широко назначается не только за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 222 УК РФ, которые относятся к категории преступлений средней тяжести, но и за тяжкие преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 222 УК РФ. Согласно данным судебной статистики за 2003–2007 гг. по ч. 2 ст. 222 УК РФ за незаконный оборот оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, совершенный группой лиц по предварительному сговору (тяжкое преступление), доля условно осужденных составляла от 53,3% до 61,7%. От 23,8% до 37,5% составлял удельный вес условно осужденных по ч. 3 ст. 222 УК РФ за те же деяния, совершенные организованной группой (тяжкое преступление).

Особую тревогу вызывает тот факт, что подобная практика «повального» применения условного осуждения складывается и в явно неблагоприятных с точки зрения уровня террористической угрозы регионах. Так, например, как следует из информационного письма Прокуратуры Чеченской Республики «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 222–226 УК РФ, рассмотренным в 2005 году», в Гудермесском районе Чечни из 18 лиц, осужденных по делам указанной категории к лишению свободы, условное осуждение было применено к 15 (83,3%).

При этом, как показывает изучение судебной практики, условное осуждение нередко приме-

няется абсолютно без учета характера и степени общественной опасности содеянного. Так, по результатам расследования уголовного дела по обвинению Вагабова и Арсакаева в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 222 УК РФ, Следственным управлением Следственного комитета при МВД России по Южному федеральному округу установлено, что указанные лица приобрели, а впоследствии сбыли 53 кг тротила. За совершение данного преступления каждый осужден к трем годам лишения свободы условно с испытательным сроком два года³. Очевидно, что применение условного осуждения в отношении лиц, совершивших столь общественно опасные деяния, является необоснованным и не способствует достижению целей наказания.

Представляется, что сложившаяся в настоящее время практика широкомасштабного применения условного осуждения за незаконный оборот оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств нуждается в пересмотре, так как искажает саму сущность института условного осуждения и не только не способствует достижению целей наказания, но, скорее, препятствует их достижению, убеждая как самих условно осужденных, так и население в фактической безнаказанности соответствующих деяний. Впрочем, сказанное не означает, что мы предлагаем вообще отказаться от применения условного осуждения к лицам, совершившим преступления, предусмотренные ст. 222 УК РФ. Являясь одним из проявлений уголовно-правового принципа справедливости, институт условного осуждения, за включение которого в отечественное уголовное законодательство выступали многие известные российские криминалисты⁴, за время своего существования доказал свою социальную обусловленность и необходимость. Однако надо иметь в виду, что в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 73 УК РФ условное осуждение может применяться только в тех случаях, когда с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, в том числе смягчающих и отягчающих обстоятельств, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания. Иными словами, предписания ст. 73 УК РФ не оставляют сомнений в том, что по своей сути институт условного осуждения «носит исключительный характер»⁵, представляет собой «отступление от общих начал назначения наказания»⁶.

Безусловно, в целом ряде случаев применение условного осуждения является вполне оправданным. Так, например, вполне обоснованным и справедливым выглядит применение условного осуждения в отношении положительно характеризующихся лиц, впервые совершивших преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 222 УК РФ, при наличии смягчающих обстоятельств. Однако вполне очевидно, что среди осужденных по ч. 1 ст. 222 УК РФ такие лица никак не могут составлять подавляющего большинства. Судебная практика же применяет условное осуждение к лицам, осу-

жденным по ч. 1 ст. 222 УК РФ, в 70–80% случаев, что явно превышает все разумные пределы.

Еще больше сомнений в справедливости и обоснованности порождает распространенная практика применения условного осуждения за тяжкие преступления, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 222 УК РФ. Несмотря на отсутствие каких-либо формальных ограничений на применение условного осуждения к лицам, осужденным за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в подавляющем большинстве научных, научно-практических и учебных изданий специально оговаривается, что такое решение следует принимать с особой осторожностью и только в исключительных случаях. На это обстоятельство обращает внимание и Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г. № 1 «О судебной практике по применению условного осуждения» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума № 17 от 3 декабря 1962 г., № 12 от 4 декабря 1969 г. и № 7 от 26 апреля 1984 г.). Как подчеркивается в п. 2 указанного постановления, «условное осуждение, как правило, не должно применяться к лицам, виновным в совершении тяжких преступлений. Суд может применять условное осуждение к отдельным участникам таких преступлений лишь в тех случаях, когда установлена второстепенная роль этих лиц, а также если данные, характеризующие личность виновного, и обстоятельства, при которых совершено преступление, дают основание считать нецелесообразной изоляцию осужденного от общества». Несмотря на тот факт, что указанное разъяснение принято в период действия советского уголовного законодательства, оно в полной мере сохраняет свою силу и актуальность и в настоящее время, с той лишь поправкой, что наряду с тяжкими преступлениями в действующем УК РФ дополнительно выделена категория особо тяжких преступлений.

Между тем, как показывают вышеприведенные данные судебной статистики, суды полностью игнорируют и предписания Пленума Верховного Суда, и научные рекомендации, активно применяя условное осуждение за тяжкие преступления. Таким образом, даже применительно к лицам, осужденным за тяжкие преступления, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 222 УК РФ, назначение условного осуждения отнюдь не является какой-то «исключительной мерой». За незаконный оборот предметов вооружения, совершенный группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 222 УК РФ), условное осуждение применяется как минимум к каждому второму осужденному, а за то же деяние, совершенное организованной группой (ч. 3 ст. 222 УК РФ), – к каждому третьему (и это при том, что противодействие организованной преступности объявлено в качестве одного из приоритетов национальной уголовной политики).

Подобная судебная практика, безусловно, в определенной мере способствует «разгрузке» исправительных учреждений. Однако происходит это за счет снижения эффективности уголовно-правовых норм, так как по признанию специалистов столь активное и зачастую не-

обоснованное применение условного осуждения, в том числе за тяжкие и особо тяжкие преступления, ставит под сомнение возможность достижения целей наказания и фактически сводит к нулю превентивное воздействие уголовного закона⁷. На этом фоне необходимость изменения сложившейся практики назначения наказания за незаконный оборот предметов вооружения не вызывает сомнений.

Полагаем, что пересмотру подобной практики способствовала бы более четкая законодательная регламентация оснований и условий применения условного осуждения, ограничивающая пределы судебного усмотрения. В частности, представляется необходимым:

– установить в ст. 73 УК РФ однозначный запрет на применение условного осуждения к лицам, совершившим особо тяжкие преступления, за введение которого выступают многие авторы⁸;

– определить в ст. 73 УК РФ, что условное осуждение за тяжкое преступление допускается, если преступление совершено впервые при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления.

Думается, что предлагаемые предписания позволят избежать произвольного и необоснованного применения условного осуждения, а это в свою очередь создаст предпосылки для повышения эффективности уголовно-правовых норм.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности: Учеб. пособие. М., 1989. С. 28; Скареев Г.В. Уголовный закон в борьбе с распространением оружия // Законность. 1995. № 10. С. 2–6.

² См.: Кравцов А.И. Незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств как криминогенный фактор насильственной преступности // Российский следователь. 2006. № 12.

³ См.: Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. С. 111.

⁴ См.: Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып. IV. СПб., 1887. С. 1832; Пионтковский А.А. Избранные труды. Т. 1. Казань, 2004. С. 158–159.

⁵ Уголовное право. Общая часть: Учеб. / Отв. ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. С. 627.

⁶ Алексеев И.Н. Условное осуждение в уголовном праве. Ростов н/Д, 2007. С. 4.

⁷ См.: Там же. С. 107–108; Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 21; Гусейнов М.Г. Условное осуждение и тенденции в практике его применения (по материалам республики Дагестан): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. С. 7.

⁸ См.: Алексеев И.Н. Условное осуждение в уголовном праве. С. 104; Вакарина Е.А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 11; Гусейнов М.Г. Условное осуждение и тенденции в практике его применения. С. 16.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Правовое регулирование предпринимательских отношений в Московском централизованном государстве

Н.Н. НАДЕЖИН – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

Статья посвящена исследованию правового регулирования предпринимательских отношений в Московском централизованном государстве в XIV–XVII вв. Материалы статьи могут быть рекомендованы курсантам, слушателям, адъюнктам, сотрудникам УИС, интересующимся вопросами становления и развития предпринимательских отношений на Руси.

Ключевые слова: торговое право; торговый устав; предпринимательская деятельность; внешнеторговая деятельность; промысловые артели; частноправовые отношения; Соборное уложение 1649 г.

Важный этап становления российского предпринимательского права связан с закреплением российской государственности в рамках Московской Руси. В этот период происходило политическое и экономическое единение населения, проживавшего на территории Российского государства. Объединение княжеств вокруг Москвы обусловило отказ от партикулярности (обособленности) права и создание общего права. При этом Москва, постепенно подчиняя себе российские земли, навязывала им свое местное право, придавая ему характер общероссийского¹. Главными особенностями московского периода стали укрепление государственных начал в общественной жизни, расширение территориальных границ и обеспечение государственной независимости России. Данные процессы способствовали тому, что публичные интересы стали преобладать над частными и все слои населения теперь подчинялись воле государства в лице великого князя. В Московском государстве закреплялся принцип, согласно которому в обществе «различные классы различаются по обязанностям, но не по правам, как на Западе»².

Формирование централизованного Русского государства, объединявшего независимые прежде от великокняжеской власти территории, часто сопровождалось не только ограблением городов, но и ликвидацией автономии местных купеческих корпораций, а позднее – их полным исчезновением. Во время правления Ивана Грозного по местной автономии был нанесен последний удар. Политически бесправные тор-

говые люди часто становились жертвами произвола, их имущество переходило в казну и окружавшим трон «царевым слугам»³.

Эти особенности отразились на процессе формирования правовых средств и методов осуществления торговой (предпринимательской) деятельности как в данный период времени, так и в последующем. Усиление государственных начал в общественном устройстве не способствовало развитию частноправовых институтов торгового права, которые по своей природе предполагают экономическую и политическую свободу и самостоятельность субъекта хозяйствования. Поэтому в московский период не произошло существенных изменений в данной области. Нормы статутного права, которые применялись в то время, были заимствованы из источников местного права (главным образом из Псковской судной грамоты) и Русской Правды. Эти нормы были включены в судебники Ивана III (1497 г.) и Ивана IV (1550 г.). В остальном частноправовые отношения, как и ранее, регулировались обычным правом. Экономическая политика государства в годы «собирания земель» носила преимущественно фискально-полицейский (административный) характер. В правовой регламентации предпринимательства это проявилось в том, что помимо отдельных норм судебныхников все остальные постановления имели публично-правовое содержание. Таким являлось содержание первых торговых уставов (1653, 1667 гг.).

С московским периодом связан процесс формирования сословности в торговых (пред-

принимательских) правоотношениях. Со времен Ивана Грозного городское и сельское население постепенно наделялось различными правами и обязанностями в хозяйственной сфере, что связано как с развитием крепостнических отношений, так и фискальными интересами государства. Законодательно эти различия впервые были закреплены в Уложении Алексея Михайловича (1649 г.). Оно запретило торговлю крестьянам, служилым, боярским и людям иных чинов, кроме лишь низших служилых людей, да лиц, женившихся на вдовах торговцев. Соборное уложение 1649 г. в развитии и закреплении частноправовых институтов предпринимательского (торгового) права не пошло дальше судебныхников. В десятой главе Уложения (всего оно имеет 25 глав) упоминаются договоры: купли, ссуды, займа, отдачи на сохранение, найма и залога. Значительно больше внимания здесь было уделено фискально-полицейским постановлениям, регулирующим предпринимательскую (торговую) деятельность.

Так, шестая глава содержала постановления о проезжих грамотах, выдаваемых купцам, которые выезжали за рубеж. Восьмая глава определяла порядок сборов со дворов для выкупа плененных. Девятая определяла правила сбора мытов за перевоз товаров. В восемнадцатой главе регламентировался порядок взимания пошлины за приложение печатей. В двадцать пятой – содержался указ о корчемстве или о неразрешенной торговле вином и табаком.

Влияние на дальнейшее формирование предпринимательского права России оказал выбор источников, положенных в основу создания Уложения 1649 г., который определил магистральное направление развития права России. В качестве источников в документе были использованы греко-римское (византийское) право, Литовский статут, отдельные канонические источники, судебники, царские указы и судебные приговоры. Обычное торговое право, сложившееся к тому времени, составителями было в значительной степени проигнорировано. Это означало, что в данный период начала проявляться одна из характерных особенностей российского правотворчества – склонность к заимствованию из западноевропейского права и игнорирование собственных обычаев, зачастую в ущерб хозяйственной целесообразности.

В XVII в. получили широкое распространение промысловые артели, где предпринимателем-капиталистом являлся наиболее зажиточный местный крестьянин или мещанин, который очень часто вносил и свой личный труд наравне с остальными членами артели. В этом случае, кроме доли, получаемой из промысла на свой капитал, он имел долю из него за свой труд. При этом не только капитал получал большую часть промышленного, но и самый труд хозяина или заменяющего его человека, который обыкновенно играл роль кормщика, вознаграждался большей долей из добытого в сравнении с до-

лями членов артели. Что касается взаимоотношений членов артели, вносящих в промысловое дело лишь труд, то они, как правило, строились на началах полного равенства⁴.

С определенной степенью условности можно говорить о том, что в это время начиналось законодательное оформление отдельных норм (имущественной ответственности), использовавшихся в организации деятельности торговых товариществ.

В Уложении 1649 г. появилось первое законодательное правило, относящееся к определению порядка взаимодействия участников торгового товарищества. В ст. 276 гл. 10 документа была определена мера ответственности между товарищами в случае разбойного нападения на товарища – держателя общего (складочного) капитала: «А будет кто учтет торговать сложатся, и один из товарищ пойдет куда с деньгами, или с товарами для торговли в отъезде, и на дороге его воры разобьют, и товары и деньги отнимут у него без остатка, а товарищ его тех товаров и денег своей половины начнет с него искать судом, и с суда будет сыщется про то допряма, что его разбойники развили и товары и деньги отняли без остатка, и товарищу его тоже товаров и денег при нем править не велите по тому, что ему такое разграбление учинится по невольному случаю. А будет, сыщется, что разбойники на него приезжали, а животов ничего не взяли: и тот иск на виноватом доправить и отдать истцу»⁵.

Имевшие место в эти годы факты применения в предпринимательском праве форм торгового товарищества и отсутствие законодательного их обеспечения позволяют сделать вывод о том, что порядок создания и деятельности товариществ на первом этапе определялся обычным правом⁶. В 1669 г. Ордын-Нащекин предложил использовать земский капитал для учреждения торговых товариществ. С проектом о принудительном создании компаний с государственным участием выступил Ф. Салтыков. В 1698 г. Нобель инициировал создание акционерной компании.

К организации компаний россиян наряду с прочим побуждал их опыт общения с иностранными купцами (английскими, голландскими, французскими). В XVII в. на Западе компании уже приобрели очень важное значение в организации экономики.

В царствование Алексея Михайловича промысловые сборы подверглись существенным переменам. В основу промыслового кадастра этого времени легла подворная перепись тяглых поселян 1646 г. и сложившееся к тому времени торговое сословие с подразделением его по значению и роду занятий. Начало данному подразделению было положено еще образованием и выделением сословий гостей. Попытка упорядочения всей системы сборов в масштабах русского государства была осуществлена в рамках упоминавшегося Торгового устава 1653 г., в котором вместо проезжих и рыночных торговых

сборов была введена единая «рублевая пошлина», взимаемая по 10 копеек с рубля с продаваемых товаров. Этапным моментом в развитии промыслового налогообложения явилось принятие Новоторгового устава в 1667 г. По уставу с русских торговых людей был установлен сбор «с прямой продажной цены»: со всех товаров – по 10 денег с рубля, а с неучтенных и со всяких товаров, продаваемых в Архангельск, – по 8 денег; с товаров, продающихся в городах по мелочам, – по 10 денег с рубля; с денег, привозимых для покупки товаров, – по 5 денег с рубля, а когда на эти деньги будут куплены товары, то с них также по 5 денег с рубля⁷.

Принятие уставов ознаменовало собой закрепление важных моментов в формировании финансовой системы и финансового права России – унификацию и централизацию фискальной практики. Центростремительная тенденция в государственном строительстве в период Московской Руси способствовала упорядочению таможенной практики. В эти годы происходило формирование единой государственной системы взимания таможенных сборов. Здесь четко прослеживалась тенденция перевода практики этих сборов на государственную основу. Это проявлялось в неоднократных попытках отказа от откупной практики. В 1596 г. указом Федора Ивановича все мыты были переданы в ведение государственных таможенных голов.

Таким образом, можно говорить о создании в России к концу XVII в. разветвленной и централизованной таможенной службы. Сбор таможенных и кабацких доходов к 1680 г. был сосредоточен в Приказе Большой казны. К этому времени в Москве существовали также Большая таможня, Посольская новая таможня (оформляла товары иноземцев), Мытная изба (предъявлялись к обложению пошлиной скот, сено и др.), Конюшенный приказ (надзирал за торговлей лошаадьми), Померная изба (оформляла сделки на зерно, овощи и другие товары), а также таможенные избы в уездах. Происходило упорядочение тарифной практики и унификация таможенных сборов, определялась протекционистская направленность экспортно-импортной тарификации, формировалось таможенное законодательство.

В Торговом уставе 1653 г. многочисленные российские таможенные пошлины были заменены единой рублевой пошлиной в размере 5% с каждого рубля цены товара, с соли – 10% от цены, с рыбы и пушнины – особые пошлины. Иностранные купцы были обязаны платить пошлины: 6% с цены товара во внутренних таможнях и 2% проезжих пошлин в пограничных таможнях при вывозе русских товаров. Сохранялись сборы на гостиных дворах и при перевозках через большие реки. На основе Торгового устава в апреле 1654 г. была составлена уставная грамота, запрещающая взимать проезжие пошлины во владениях светских и духовных феодалов⁸.

Идеи монетаризма, которые возникли еще при Иване Грозном, запретившем ввоз в Россию

предметов роскоши (с целью экономии средств оплаты) и вывоз драгоценных металлов и изделий из них, были закреплены в Новоторговом уставе 1667 г. Пошлины стали взиматься монетами золотом и «ефимками». Царское правительство вынуждено было проводить протекционистскую политику в отношении русской торговли отечественными товарами и торговли иностранными товарами внутри страны. Новоторговый устав 1667 г. ужесточил порядок ввоза иностранных товаров, пошлина на них увеличилась в четыре раза. Иностранцы могли торговать только в приграничных городах (Архангельск), что способствовало развитию инициативы русских оптовиков-скупщиков. Иностранцам под угрозой конфискации товара запрещалось ведение розничной торговли и обмен друг с другом, минуя таможеню. В исключительных случаях при наличии специальной жалованной грамоты о торгах иностранным купцам разрешалось проезжать с товарами к Москве.

Детально была разработана процедура таможенного оформления. Ее осуществлял вместе со своими помощниками (целовальниками) выборный из верхушки купечества представитель правительства – таможенный голова, который был вправе чинить «всякую полную расправу в торговых делах». Воеводы не могли вмешиваться в его деятельность, чтобы «великого государя князя в сборах порухи не было» (ст. 1 Новоторгового устава).

По существу, только с принятием уставов 1653 и 1667 гг. в России начинает складываться целенаправленная тарифная политика. С этого времени внешнеэкономический таможенный тариф используется не только в фискальных целях, но и в целях поддержания и развития национально-го купца и производителя.

В XVI в. было положено начало государственной торговой монополии в качестве метода административного регулирования внешнеэкономической деятельности. Правительство выделило ряд товаров, которые были наиболее конъюнктурны и рентабельны на внешних рынках. Продажа этих «казенных» товаров составляла монополию государства, которое, таким образом, сделало самым крупным торговцем, хотя экспорт монополизированных товаров нередко отдавался на откуп отдельным купцам или компаниям за определенную откупную цену. К указанному виду товаров принадлежали, например, пенька, льняное семя, сало, воск, деготь, поташ, икра и т.д. По существу, здесь мы имеем один из первых в российской хозяйственной практике случаев применения франчайзинговой схемы, где в качестве правообладателя выступает государство.

В целом сопоставление правовых условий предпринимательства рассматриваемого периода по сравнению с предшествующим показывает их ухудшение. Произошло ограничение прав иностранных купцов на осуществление торговли в России. Активнее стала применяться

государственная монополия. Многие предметы торгова были объявлены «заповедными», право торговли этими товарами предоставлялось исключительно казне, а гости, получавшие это право, считались государственными служивыми людьми. Введение внутренних таможенных платежей сдерживало торговый оборот. Выделение сословий затруднило пополнение и обновление торговой (предпринимательской) среды. Сословия стали играть роль фискального, а не корпоративного органа, в пределах которого формируются правила торгового оборота.

Таким образом, произошло формирование основ единого общероссийского предпринимательского права, были предприняты первые шаги по законодательному выделению норм торгового права. При этом четко обозначилась тенденция преимущественно финансово-поли-

цейского развития российского предпринимательского права; государство попыталось закрепить сословность в правовом регулировании предпринимательства.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России. М., 1996. С. 26.

² Там же. С. 13.

³ См.: Бурыйшкін П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 71.

⁴ См.: Дитятин И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1876. С. 277–279.

⁵ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 1. 1649 г. № 1.

⁶ См.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. СПб., 1908. С. 288.

⁷ См.: Шубников Ю.Б. Предпринимательство в дореволюционной России: становление правового обеспечения: Моногр. СПб., 2001. С. 109–110.

⁸ См.: Там же. С. 111.

Организационное обеспечение деятельности мировой юстиции в дореволюционной России (по материалам Вологодской губернии)

■ **Е.В. КУЗНЕЦОВА** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируются особенности нормативного регулирования и деятельности государственных и негосударственных органов и учреждений, задействованных в организационном обеспечении мировой юстиции в дореволюционной России, а также особенности реформирования и функционирования мировой юстиции и институтов, обеспечивающих ее деятельность. Материалы статьи основаны на опубликованных и архивных данных по Вологодской губернии.

Ключевые слова: история государства и права России; Судебная реформа 1864 г.; Вологодская губерния; мировая юстиция; мировой суд; мировой судья; Земская реформа 1864 г.; органы земского самоуправления

Организационное обеспечение деятельности мировых судей по Судебным уставам 1864 г. отличалось своеобразием, частично обусловленным заимствованием зарубежного опыта и особенностями политического, социально-экономического, идеологического развития Российского государства на рассматриваемом этапе. Как известно, реформирование судостроительства в Российской империи производилось не одновременно. В 34 губерниях европейской части государства Судебные уставы 1864 г. были введены в 1860–1870-е гг. в полном объеме. В других регионах судебная реформа проводилась несколько позднее, на основании различных «Временных правил...» и характеризовалась определенными особенностями. Так, например, в Закавказье, Сибири, Прибалтике и других территориях вводился единосудебный тип мировой юстиции (функции съезда мировых судей выпол-

нял окружной суд), мировые судьи назначались от правительства и т.п. В тех же губерниях, где реформирование судостроительства проводилось на основании общих правил, действовал обособленный тип мировой юстиции – съезд мировых судей – как апелляционная и кассационная инстанция. Мировые судьи избирались, а в организации и финансировании их деятельности были активно задействованы органы земского самоуправления.

Под организационным обеспечением деятельности мировой юстиции предлагается понимать совокупность государственных и негосударственных органов, учреждений и должностных лиц, обеспечивающих деятельность мирового суда как государственно-правового института, а также их функций. Некоторые исследователи используют термин «мировое судебное ведомство», понимая под ним сово-

купность органов, которые организационно обеспечивают деятельность судов, предоставляют в их распоряжение необходимые ресурсы, выражают интересы судей как носителей судебной власти. К мировому судебному ведомству относятся, таким образом, органы судебного управления и самоуправления¹.

Данная позиция имеет право на существование, однако, по нашему мнению, не совсем верно определяет совокупность органов и учреждений, обеспечивающих деятельность мировых судей в дореволюционной России. Необходимо учитывать своеобразие понимания данного института реформаторами при проведении судебных преобразований.

Земская и судебная реформы Александра II проводились почти параллельно, и мировая юстиция на протяжении всего дореволюционного периода своего развития была тесно связана с органами земского самоуправления. Связь не случайна, но и не результат закономерного исторического развития. Законодатель целенаправленно предусмотрел пути взаимодействия мировой юстиции и земского самоуправления. Это было обусловлено представлением о мировом судье как хранителе мира, порядка, примирителя, а соответственно, и общих корнях самоуправления и мирового суда.

Во взаимоотношениях мировой юстиции и местного самоуправления выделяется несколько аспектов: организационный, финансовый и контрольный². Организационный аспект взаимодействия земских учреждений и мировой юстиции выражался, во-первых, в том, что земства достаточно активно участвовали во введении института мировых судей. Во всех уездах Вологодской губернии созывались чрезвычайные земские собрания, определявшие деление судебно-мирового округа на участки, вносявшие предложения о месте заседания съезда мировых судей, об определении содержания мирового судьи, его секретаря, судебных приставов при съезде и иных лиц, обеспечивающих деятельность суда и съезда. Во-вторых, уездные земские собрания выполняли важную функцию избрания корпуса мировых судей. Некоторые исследователи полагают, что возложив данную обязанность на земства, правительство избавило себя от необходимости искать кадры на местах, а также от достаточно большой организационной работы по проверке «благонадежности» кандидата, выяснению его имущественного и иного положения. Официально же введение выборности объяснялось тем, что мировой судья как посредник, хранитель мира должен обладать доверием местного населения³.

Финансовый и материально-технический аспект взаимодействия земств и мировой юстиции заключался в том, что с момента ее введения мировые суды состояли на содержании у земств. Из уездных и городских бюджетов выделялись средства на содержание мирового судьи, съезда, канцелярские расходы, разъезды, наем

письмоводителя, рассыльного и т.п. Земства также способствовали организации содержания осужденных по приговорам мировых судей: изыскивали помещения, обеспечивали их питание, охрану и т.п.⁴ Архивные материалы свидетельствуют о финансовых затруднениях земских учреждений в связи с осуществлением ими функций финансового обеспечения мировой юстиции: не хватало средств на строительство помещений для арестованных по приговорам мировых судей, оплату командировочных расходов судей, обеспечение достойными помещениями съездов и прочее. Лишь в начале XX в. расходы на мировую юстицию в тех регионах, где она сохранялась, переданы были государственной казне, что впоследствии закреплено было и в Законе от 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда»⁵. В тех же губерниях, где земское самоуправление не вводилось, мировая юстиция изначально была на содержании государства.

Исследователи выделяют также и контрольный аспект во взаимодействии мировой юстиции и земств, который, впрочем, выражен был довольно слабо. В основном земства осуществляли финансовый контроль: представители земских учреждений участвовали в ревизиях денежных расходов мировых судов, что, впрочем, вполне логично, поскольку финансирование мировой юстиции осуществлялось из земских средств.

Таким образом, земства были тесно взаимосвязаны с мировыми судебными установлениями, что позволяет некоторым авторам утверждать, что последние входили в систему земского самоуправления⁶. Однако с данной точкой зрения нельзя согласиться. Земства были активно задействованы в организационном обеспечении мировой юстиции, но при этом мировые суды не являлись органами земского самоуправления, а последние – судебными органами. Отсюда следует и еще один вывод: сводить организационное обеспечение только к деятельности мирового судебного ведомства было бы неправильно.

Итак, в организации деятельности мировых судов участвовали следующие органы, учреждения и должностные лица: Правительствующий сенат, министр юстиции, губернатор, органы земского и городского самоуправления, съезды мировых судей, судебные приставы при съездах, полиция и становые приставы, на которых возлагались некоторые функции по обеспечению работы мирового суда. Наконец, сам мировой судья помимо чисто судебных и иных полномочий, входивших в его компетенцию, выполнял функции организатора работы судебного участка: подыскивал помещение, нанимал секретаря, письмоводителя и т.п.

Рассмотрим подробнее полномочия органов и должностных лиц, обеспечивающих деятельность мировой юстиции. Правительствующий сенат осуществлял функции по надзору за судебными учреждениями, вправе был проводить собственные ревизии, в том числе и в отношении мировых судов, являлся высшей кассационной инстанци-

ей, а также осуществлял утверждение избранных земскими учреждениями мировых судей.

Министр юстиции также обладал широкими полномочиями в отношении судебных учреждений: он, в частности, утверждал кандидатуры неперменных членов съездов, а в тех местностях, где не вводились земские учреждения, назначал мировых судей. Также он утверждал «особые наказания», формы отчетности о движении дел за прошедший год.

Наибольшая нагрузка в обеспечении деятельности мировых судов возлагалась на съезд мировых судей. Во-первых, он являлся апелляционной и кассационной (по отдельным категориям дел) инстанцией. Во-вторых, выступал в качестве организатора деятельности мировых судей в округе, в частности осуществлял распределение судебных участков, утверждал местопребывание судьи в участке, решал вопросы замены судьи в случае отпуска, болезни, рассматривал и утверждал отчеты мировых судей, судебных приставов при съезде и решал иные организационные вопросы. В-третьих, съезд мировых судей можно рассматривать и как орган судейского сообщества, выражавший интересы судей, ходатайствующий по разным вопросам перед Правительствующим сенатом, губернатором, земским собранием. В ряде случаев съезд проводил служебные расследования по жалобам на мировых судей. Некоторые исследователи указывают на наличие неофициального органа надзора – товарищеского суда при съезде⁷.

Правовой базой деятельности съезда являлись учреждения судебных установлений, иные нормативно-правовые акты Правительствующего сената в части, их касающейся, а также так называемые наказания судебно-мирового округа, принимаемые съездом, утверждающиеся министром юстиции и по сути являющиеся локальными нормативными актами. Подобные документы существовали во многих губерниях (прежде всего тех, где судебные уставы вводились без изъятий): Нижегородской, Ярославской, Костромской, Владимирской и др.⁸

Наказ Вологодского судебно-мирового округа был принят и опубликован в 1877 г.⁹ Данным документом регулировались следующие вопросы: устройство камеры мирового судьи, порядок проведения заседаний суда, делопроизводство у мирового судьи, содержание, знаки и печати мирового судьи, порядок отчетности и сдачи должности, устройство помещения съезда, о должностных лицах съезда, порядке делопроизводства и канцелярии съезда, отчетность и архив съезда. Отдельные главы посвящены деятельности судебных приставов и поверенных при съезде.

Помимо указанных функций организационного характера законодательство возлагало на съезд мировых судей полномочия по надзору за местами для осужденных по приговорам мировых судей. В соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 4 июля 1866 г. «О временных правилах касательно поме-

щений для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей» для общего надзора за содержанием заключенных по приговорам мировых судей съезд мировых судей избирает из своей среды из посторонних благонадежных лиц особого попечителя для каждого помещения¹⁰. В качестве попечителя мог выступать почетный, участковый мировой судья; требований к «посторонним благонадежным лицам» не предъявлялось.

Попечитель в соответствии с Временными правилами выполнял следующие функции. Во-первых, попечитель обязан был сообщать о всех «неисправностях» в организации содержания подвергаемых аресту в уездную земскую управу (функция контроля за содержанием арестованных). Под «неисправностями» подразумевались нарушения требований к организации помещения, санитарно-гигиенических норм и т.п. Во-вторых, он давал согласие на использование арестованных для местных общественных работ. В-третьих, в обязанности попечителя входило также принятие прошений от заключенных и направление их для дальнейшего разрешения в соответствующие инстанции. И, наконец, попечителю принадлежала функция общего руководства организации и «заведывания» помещениями.

Таким образом, возлагая полномочия по надзору за содержанием осужденных по приговорам мировых судей на мировую юстицию, правительство отступало от основного принципа реформы – «отделения судебной части от административной», «власти обвинительной» от судебной. Мировые судьи и их съезды осуществляли и правосудие в пределах своей компетенции, и надзор за исполнением приговоров по делам, за которые налагалось наказание в виде ареста.

Съезд мировых судей имел следующую организационную структуру: председатель съезда, осуществлявший общее руководство съездом, судебными приставами; неперменный член съезда, который занимался предварительной подготовкой дел, подлежащих рассмотрению съездом, руководил канцелярией и кассой съезда, денежной отчетностью, вопросами материально-технического обеспечения съезда и т.п.¹¹ Как правило, и председателем, и неперменным членом избирались участковые мировые судьи, попытка возложить эти функции на почетных мировых судей в большинстве уездов Вологодской губернии оказалась неудачной: последние отказывались от такой достаточно высокой нагрузки, оправдываясь собственными делами, необходимостью разъездов, работой по другим почетным должностям и прочим. При этом участковый мировой судья, выполнявший функции председателя и неперменного члена, никакой доплаты за свою деятельность не получал и так же, как и другие судьи, работал и на своем участке. Гораздо логичнее было бы совместить функции председателя и неперменного члена в одном лице и освободить его от выполнения судебных функций, создать, таким образом, чисто административную должность, обеспечивающую ор-

ганизацию деятельности съезда и судей. Однако данная возможность даже не рассматривалась.

Исследователи отмечают серьезные трудности в деятельности съездов: большой наплыв дел, неявка судей и срыв заседаний и пр. В итоге в столичных городах съезды мировых судей фактически превратились не в периодические, а в постоянно действующие органы, особые отделения окружных судов¹².

Трудности организационного характера возникали, прежде всего, в деятельности объединенных судебно-мировых округов Вологодской губернии (вельско-тотемском, великоустюгско-сольвычегодском, яренско-устьсысольском). Большие расстояния, недостаток кадров мировой юстиции привели к тому, что вскоре выработалась практика «накопления» дел и рассмотрения их в одну сессию съезда, проводившуюся реже, чем раз в месяц, что формально противоречило требованиям законодательства.

В организационном обеспечении деятельности мировой юстиции были задействованы также судебные приставы, назначавшиеся председателем съезда мировых судей и состоявшие под его надзором. В ряде уездов Вологодской губернии ввиду нехватки финансирования от должности судебных приставов решено было отказаться. Такое вполне допускалось Судебными уставами (ст. 63 УСУ, ст. 189 УУС, ст. 158 УГС). Сенатским указом от 6 мая 1874 г. по запросу полтавского губернатора было разъяснено, что в тех местах, где не будет судебных приставов или их будет недостаточно, исполнение решений мирового судьи может быть возложено на полицейских чинов, волостное и сельское начальство¹³. Данная ситуация рассматривалась не как исключение, а как правило: мировые судьи могут во всех случаях обращаться с требованием об исполнении поручений к тому или иному полицейскому чину, в том числе путем направления исполнительных листов. Таким образом, в организационном обеспечении деятельности мировой юстиции была задействована и полиция.

Ряд полномочий в организации своей же деятельности был возложен на мирового судью. Во-первых, в соответствии со ст. 41 УСУ мировой судья с согласия съезда избирал себе место нахождения камеры в пределах участка. Причем поиск и наем камеры возлагались на самого участкового мирового судью (на наем выделялась определенная сумма). Во-вторых, мировой судья также осуществлял комплектование служащих участка: нанимал секретаря или письмоводителя, иногда рассыльного.

Денежные средства на канцелярские расходы и наем штата судебно-мирового участка входили в содержание судьи и были весьма невелики, так что судьям приходилось отказываться, например, от рассыльного или ограничиваться одним лишь секретарем, который совмещал функции и письмоводителя, и архивариуса. Причем в нормативных актах статус сотрудников канцелярии судебно-мирового участка не раскрывался, лишь в Законе от 15 июля 1912 г. появилась от-

дельная глава «О секретарях при мировых судьях», в которой регламентировались основы его правового статуса: порядок назначения, обязанности, ответственность, источник содержания.

В организации деятельности мировой юстиции помимо участковых задействованы были почетные мировые судьи, также являвшиеся звеном мировой юстиции. По замыслу законодателя почетные мировые судьи должны были самостоятельно вести разбор дел при обращении к ним сторон, заменять заболевшего участкового мирового судью, участвовать в деятельности съезда, в том числе выполняя функции председателя, неперменного члена и т.п. Анализ функций почетных мировых судей позволяет сделать вывод, что в ней была вынужденная «техническая» необходимость ввиду нехватки кадров для мировой юстиции и загруженности судей¹⁴.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в организационном обеспечении деятельности мировых судов участвовали различные органы, учреждения и должностные лица: Правительствующий сенат, министр юстиции, губернатор, органы земского и городского самоуправления, съезды мировых судей, сами участковые и почетные мировые судьи, их канцелярии, судебные приставы при съездах, полиция, стантовые приставы, на которых возлагались некоторые функции по обеспечению работы мирового суда. Данный перечень отличался для губерний, в которых не вводились земские учреждения: более обширные полномочия возлагались на правительство, задействовались окружные суды, местная администрация и т.д.

В дореволюционной России отсутствовали специально уполномоченные органы или должностные лица, в чьи функции входила бы непосредственная организация деятельности мировых судов. Большинство организационных обязанностей выполнялось самими судьями самостоятельно или в составе съезда наряду с судебными полномочиями. Основной проблемой было и то, что законодатель зачастую не четко определял компетенцию тех или иных должностных лиц, не устанавливал ответственности за неисполнение определенных обязанностей в отношении мировых судов. Явные пробелы в Судебных уставах частично ликвидировались впоследствии, разъяснялись в Указах Правительствующего сената, мнениях Государственного совета, конкретизировались в местных наказах судебно-мировых округов и т.д. Все это приводило к спорам между ведомствами, отказам от выполнения определенных задач и т.п., что в итоге негативно сказывалось на деятельности мировых судов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лонская С.В. Мировая юстиция в России: Моногр. Калининград, 2000. С. 12.

² См.: Лонская С.В. Мировая юстиция и местное управление в дореволюционной России: аспекты взаимоотношений // Правоведение. 2003. № 4. С. 192–193.

³ См.: Лонская С.В. Мировая юстиция в России. С. 50.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Организация и проведение специальных тренингов с сотрудниками учреждений, имеющими прямой контакт с осужденными к длительным и пожизненным срокам лишения свободы

А.Н. БАЛАМУТ – старший преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

В соответствии с поручением Управления кадров и профессионального образования ФСИН России от 25 сентября 2008 г. авторским коллективом кафедры юридической психологии и педагогики было проведено научное исследование по теме: «Организация и проведение специальных тренингов с сотрудниками учреждений, имеющими прямой контакт с осужденными к длительным и пожизненным срокам лишения свободы» (руководитель авторского коллектива – доктор психологических наук, профессор В.М. Поздняков).

По результатам исследования были подготовлены методические рекомендации, ориентированные преимущественно на организацию и проведение специальных тренингов с сотрудниками – младшими инспекторами отдела безопасности.

Базой для исследования стало исправительное учреждение № 5 УФСИН России по Вологодской области.

На эмпирическом этапе в целях изучения имеющихся у сотрудников уголовно-исполнительной системы затруднений были применены опросный лист по выявлению особого режима затруднений, испытываемых сотрудниками ИУ в профессиональной деятельности; методика изучения стилевой саморегуляции поведения (В.И. Моросанова, Е.М. Коноэ); методика для оценки нервно-психического напряжения (Т.А. Немчин); методика оценки деструктивных коммуникативных установок (В.В. Бойко). Анализ данных осуществлялся с помощью компьютерной программы «Psychometric Expert 6.0».

При разработке специальных тренингов, их организации и проведении ориентирами стали работы следующих авторов: К. Рудестама, К. Фопеля, Л.А. Степновой, В.А. Горяниной, М.Е. Сандомирского, А.А. Александра,

Л.Б. Шнейдер, Е.В. Сидоренко, О.В. Евтихова, И.В. Вачкова и др.

В процессе работы с сотрудниками УИС (выборку составили 25 чел. преимущественно из числа младших инспекторов отдела безопасности) во внерабочее время были изучены основные затруднения, испытываемые ими в профессиональной деятельности в колонии особого режима, и то, как они их преодолевают. В итоге были сформированы две экспериментальные группы для участия в специально разработанных тренингах.

Анализируя полученные эмпирическим путем данные, можно выдвинуть предположение, что сотрудники колонии испытывают психоэмоциональное напряжение, обусловленное в большей степени сменностью в работе, ночными дежурствами, монотонностью, однообразием выполняемых действий, необходимостью вступления в контакт с осужденными к ПЛС, возможно, недостаточным знанием своих функциональных обязанностей, неполным пониманием необходимости проведения работы с осужденными, что также влияет и на профессиональную мотивацию сотрудников ИУ. При этом стремление самостоятельно справиться с возникающими трудностями выражается в общении и получении поддержки от родственников, друзей, коллег, активном отдыхе (спорт, охота, ловля рыбы и др.). Также помогают юмор, мысли о семье, что, возможно, связано с повышенной ответственностью за себя и своих близких, «программирование» себя на позитив (общий положительный настрой) и получение хороших новостей. Все это важно принимать во внимание при организации и проведении психотренинговой работы с сотрудниками, непосредственно вступающими в прямой контакт с осужденными на длительный и пожизненный сроки лишения свободы.

Следует также учитывать целевую направленность проводимых с сотрудниками специальных тренингов. Результаты работы отражены в методических рекомендациях, которые включают в себя ведущие принципы и необходимые условия для проведения тренинговой работы, а также три основных блока тренинга: 1) тренинг коммуникативной компетентности и уверенного поведения; 2) тренинг профессиональной наблюдательности и эмоциональной устойчивости; 3) краткосрочные психотехники самопомощи. Используются элементы кинотренинга.

Необходимо отметить, что на начальном этапе работы тренинговой группы (Т-группы) важно создание атмосферы доверия, психологической безопасности в группе, использование позитивного подкрепления, так как это позволяет участникам раскрыться друг перед другом и эффективно проработать имеющиеся затруднения. Также нужно выяснить ожидания каждого участника тренинга, готовность группы к совместной работе и возможным изменениям.

Следует подчеркнуть, что психологический тренинг как метод активного обучения является ответственным мероприятием, требующим всесторонней подготовленности ведущего. Эффективность зависит не только от личных качеств организатора тренинга и его опыта взаимодействия с различными группами, но и от готовности к серьезной работе отдельных участников и группы в целом, внешних условий, оптимизирующих эту работу, позволяющих достичь поставленных целей.

В ходе тренинга важно учитывать факторы (внешние и внутренние), влияющие на психоло-

гическое состояние сотрудников, способствующие повышению или снижению эффективности и продуктивности их профессиональной деятельности.

Использование различных методов и приемов, психокоррекционных техник в рамках специально разработанных тренингов, проводимых с различными группами сотрудников и имеющих разные цели (улучшение функционального состояния, повышение психологической готовности к взаимодействию с различными категориями осужденных (на длительный срок и пожизненно) и т.д.), является необходимой мерой поддержания высокого уровня психической работоспособности и сохранения здоровья персонала.

Повышение работоспособности, уверенности в себе, принятие ответственности за свои действия и поступки, четкое знание и соблюдение своих должностных инструкций, порядка применения физической силы, специальных средств и оружия в чрезвычайных ситуациях, умение распознать манипуляцию со стороны как осужденных, так и сотрудников и противостоять ей, способность самостоятельно преодолевать нервно-психическое напряжение, возникающее в условиях несения службы (тревогу, беспокойство, страхи, апатию, усталость) – все это позволяет предупредить возникновение случаев нарушений законности, дисциплины, проявления неадекватных мер реагирования в ситуациях, осложненных действием стрессогенных факторов.

НАШИ АВТОРЫ

Ищенко Евгений Петрович – заведующий кафедрой криминалистики Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина

Евгений Петрович Ищенко родился 23 марта 1946 г. в с. Оконешниково Оконешниковского района Омской области. В 1963 г. окончил вечернюю школу сельской молодежи на ст. Мангут Свердловской железной дороги и поступил в Омский политехнический институт, вечернее отделение которого окончил в 1968 г., получив квалификацию инженера-технолога. В 1969 г. поступил на службу в органы прокуратуры, работал следователем, прокурором-криминалистом Омской области. Окончил заочно Свердловский юридический институт в 1971 г. Работал юрисконсультом, в том числе в УИТУ МВД Киргизской ССР. В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию «Применение синхронной записи звука и изображения при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел» в Свердловском юридическом институте, куда и был приглашен на преподавательскую работу.

С 1975 по 1993 гг. работал старшим преподавателем, доцентом кафедры криминалистики, заведующим кафедрой уголовного процесса Свердловского юридического института. В 1990 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова защитил докторскую диссертацию на тему «Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений». В 1993 г. был избран депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. С 1995 по 2003 гг. был членом Центральной избирательной комиссии России на постоянной основе, с 2003 г. находится в должности заведующего кафедрой криминалистики Московской государственной юридической академии. В 1992 г. присуждено звание профессора кафедры криминалистики; в 1997 г. стал действительным членом Академии естественных наук; в 1998 г. удостоен почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации», в 2007 г. – почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Подготовил 5 докторов и около 20 кандидатов юридических наук по специальности 12.00.09; опубликовал 220 научных трудов, три научно-популярных книги, более 180 научных статей по различным вопросам криминалистики, уголовного процесса, уголовного права, а также 20 работ по проблемам избирательного права и избирательного процесса.

Список основных работ:

1. Ищенко Е.П. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. 10,4 п.л.;
2. Ищенко Е.П. Практическая криминалистика: Учеб. пособие. Екатеринбург, 1994. 9,53 п.л.;
3. Ищенко Е.П. Криминалистическая фотография и видеозапись: Учеб.-практ. пособие. М.: Юристъ, 1999. 27,5 п.л.;
4. Криминалистика: Учеб. / Под ред. Е.П. Ищенко. М.: Юристъ, 2000. 47 п.л.;
5. Криминалистика: Учеб. / Под ред. Е.П. Ищенко. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»; ИНФРА-М, 2003. 47 п.л.;
6. Ищенко Е.П. Криминалистика: Краткий курс. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»; ИНФРА-М, 2003, 20,75 п.л.;
7. Ищенко Е.П. Криминалистика: Учеб. М.: Эксмо, 2005. 30 п.л.;
8. Ищенко Е.П. Новейшие методы исследования вещественных доказательств в криминалистике: Науч.-практ. пособие. Рязань: Пресса, 2005. 16 п.л.;
9. Криминалистика: Учеб. / Под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова. М.: Высшее образование, 2006. 41,7 п.л.;
10. Ищенко Е.П. Криминалистика: Краткий курс. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»; ИНФРА-М, 2006. 21,5 п.л.;
11. Криминалистика: Учеб. / Под ред. Е.П. Ищенко, В.И. Комисарова. М.: Юристъ, 2007.;
12. Ищенко Е.П. Криминалистика: Курс лекций. М.: АСТ; КОНТРАКТ, 2008. 26 п.л.;
13. Ищенко Е.П. Основы криминалистической тактики: Учеб. пособие. Хабаровск, 2008. 8,4 п.л.;
14. Расследование преступлений, связанных с профессиональной деятельностью / Под общ. ред. Е.П. Ищенко. М.: Юрлитинформ, 2009. 22 п.л.;
15. Криминалистика для следователей и дознавателей: Науч.-практ. пособие / Под общ. ред. зам. министра внутренних дел РФ – начальника Следственного комитета при МВД РФ генерал-лейтенанта юстиции А.В. Аничина. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»; ИНФРА-М, 2009. 42 п.л.;
16. Ищенко Е.П. Криминалисты раскрывают тайны. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1982. 8,3 п.л.;
17. Ищенко Е.П. В поисках истины. М.: Юрид. лит., 1986. 6,6 п.л.;
18. Ищенко Е.П. 101 миниатюрный детектив. М.: ЛексЭст, 2003. 14 п.л.

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Одно из важнейших направлений деятельности вуза – научно-исследовательская работа, неотъемлемой частью которой является проведение диссертационных исследований и защита диссертаций сотрудниками института.

В третьем квартале 2009 г. сотрудниками вуза защищено 2 диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. С авторефератами диссертаций можно ознакомиться в учебно-научном информационном центре библиотеки института.

Титов Дмитрий Валерьевич, преподаватель кафедры технологии оборудования лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальности 05.14.04 – Промышленная теплоэнергетика (научный руководитель – д-р тех. наук, профессор Игонин В.И.) состоялась в диссертационном совете при Череповецком государственном университете 23 июня 2009 г. *Тема: «Разработка методики построения нестационарной энтропийной модели элемента промышленной теплоэнергетической системы».*

Целью диссертационного исследования является разработка методики построения нестационарной модели теплопереноса для элемента промышленной теплоэнергетической сопряженной системы «твердое тело – движущиеся теплоносители» в виде элемента системы охлаждения сопловой лопатки теплового двигателя, работающего на переходных режимах.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Впервые разработана и построена модель воспроизводства энтропии как интегрального энергетического параметра в сопряженной термогидравлической системе «твердое тело – движущиеся теплоносители» для теплообменного устройства в виде элемента системы охлаждения сопловой лопатки газотурбинного двигателя, работающего на переходных режимах, описаны через понятия неравновесной термодинамики (силы, потоки, свойства) процессы теплоассоцированного переноса как в твердом теле и в движущихся около него теплоносителях. Полученные результаты указывают на возможность применения законов равновесной термодинамики к исследованию сложных неравновесных систем с целью определения наиболее энергоэффективных режимов работы тепловых установок, улучшению и контролю их технологических и энергосберегающих характеристик.

Практическая ценность работы заключается в развитии применения методов и моделей неравновесной термодинамики к исследованию процессов нагрева и охлаждения теплоносителей, движущихся в щелевых каналах теплообменных устройств с целью повышения эффективности работы теплоэнергетических систем, сокращения сроков исполнения научных и инженерных исследований.

Павлов Альберт Александрович, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право (научный руководитель – д-р юрид. наук, профессор Детков М.Г.) состоялась в диссертационном совете при Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина 2 июля 2009 г. *Тема: «Участие общественности в деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе».*

Целью диссертационного исследования является комплексное теоретико-прикладное изучение проблем реализации общественных начал в деятельности УИС, выявление пробелов и противоречий в законодательстве, разработке предложений и рекомендаций по устранению выявленных недостатков.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Изучено историческое развитие, понятие и содержание общественных начал в деятельности УИС и рассмотрена система их правового регулирования. Автором определено понятие и содержание общественного воздействия как одного из средств исправления осужденных, раскрыто понятие и виды субъектов общественности, принимающих участие в деятельности УИС, их возможности в осуществлении специального контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания. В работе определены роль и место попечительских советов в системе субъектов общественности, рассмотрено правовое регулирование и практика участия религиозных объединений в деятельности УИС, их роль в исправлении осужденных.

В результате исследования разработаны критерии оценки эффективности действующих норм уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующих участие общественности в работе учреждений и организаций, исполняющих уголовные наказания, и практики их деятельности при взаимодействии с общественностью. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшей разработке теоретических и практических вопросов реализации общественных начал в деятельности УИС, и в учебном процессе вузов в курсе уголовно-исполнительного права.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Мионов А.В. Предупреждение рецидива преступлений среди лиц мужского пола, отбывших наказание в воспитательных колониях: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 124 с. ISBN 978-5-94991-122-8.

В монографии исследуются нормативно-правовые и организационные проблемы предупреждения повторных преступлений со стороны лиц, отбывших наказание в воспитательных колониях, а также определяются пути и средства повышения эффективности данного направления работы правоохранительных органов.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, адъюнктам, курсантам научно-образовательных учреждений МВД и ФСИН России, а также сотрудникам практических органов ФСИН и МВД России.

Правовые представления и установок осужденных: диагностика и коррекция: Сборник материалов научно-практического семинара / Отв. ред. О.Б. Панова, Е.Л. Сучкова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 72 с. ISBN 978-5-94991-119-8.

Сборник материалов научно-практического семинара подготовлен в соответствии с п. 1.12 Плана НИОКД института на 2008 г. и перспективу.

В нем нашли отражение теоретические и прикладные вопросы, связанные с преодолением антиобщественных взглядов и поведения осужденных, построением системы целенаправленной работы по устранению негативных деформаций различных элементов правосознания и формирования у них готовности к законопослушному поведению.

Сборник адресован профессорско-преподавательскому составу образовательных учреждений ФСИН России, практическим работникам уголовно-исполнительной системы.

Уголовно-исполнительная система России: история и современность (к 130-летию УИС): Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей (Вологда, 24 апреля 2009 г.) / Под ред. канд. юрид. наук, доцента А.А. Крымова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 307 с. ISBN 978-5-94991-124-2.

В настоящий сборник вошли материалы, с которыми 24 апреля 2009 г. выступили участники межвузовской научно-практической конференции адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей по вопросам деятельности пенитенциарной системы.

В первом разделе сборника содержатся статьи, посвященные актуальным проблемам исполнения уголовных наказаний в России. Второй раздел составляют научные статьи, рассматривающие психологическую, социальную и воспитательную работу в уголовно-исполнительной системе. В третьем разделе представлены статьи, посвященные современному состоянию и актуальным проблемам производственной сферы уголовно-исполнительной системы.

Сборник материалов семинара будет интересен широкому кругу читателей: курсантам и слушателям, адъюнктам и аспирантам, преподавателям юридических вузов. Также он может быть использован практическими работниками уголовно-исполнительной системы.

Сысоев А.М., Сиряков А.Н. Основы криминальной психологии: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 61 с. ISBN 978-5-94991-118-1.

В учебном пособии рассматриваются основные теории, объясняющие формирование личности преступника и ее криминогенно значимых свойств. Прослеживается эволюция взглядов на преступника – от биологического объяснения природы источников правонарушающего поведения до современного понимания личности делинквента в совокупности биологических качеств и социальных свойств. В представленном пособии в доступном и компактном виде отражены основные подходы к изучению личности преступника, а также противоречия указанных теоретических изысканий, их плюсы и минусы.

Пособие предназначено для курсантов и слушателей, изучающих криминологию и юридическую психологию.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

26–27 ноября 2009 г. в соответствии с Планом организационно-практических мероприятий ФСИН России на 2-е полугодие 2009 г. в Вологодском институте права и экономики ФСИН России проводится **международная научно-практическая конференция «Цели и средства уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних»**. Конференция организуется институтом совместно с Федеральной службой исполнения наказаний, Научно-исследовательским институтом ФСИН России, Научным пенитенциарным обществом, Ассоциацией юристов России, а также при участии Международной неправи-

тельственной организации «Международная тюремная реформа» (PRI), голландской неправительственной гуманитарной организации «СПИД-фонд “Восток-Запад”» (AFEW), Общественного совета при ФСИН России.

В работе конференции планируется участие ведущих ученых научных и образовательных учреждений ФСИН, МВД, Генпрокуратуры и Минобрнауки России, сотрудников центрального аппарата и территориальных органов ФСИН России, представителей пенитенциарных служб и образовательных учреждений Беларуси, Германии, Казахстана, Норвегии, Украины и Швейцарии, общественных правозащитных организаций и СМИ.

В ходе конференции предполагается обсуждение широкого круга теоретических и прикладных проблем формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних в контексте реформирования уголовно-исполнительной системы России. Основное внимание участников будет уделено вопросам создания и функционирования воспитательных центров для несовершеннолетних, разработки научно обоснованных нормативов их штатной численности, определения оптимальных вариантов изменения структуры образовательного процесса в вузах ФСИН России с целью подготовки специалистов, готовых к работе в новых условиях, в том числе в преобразуемых воспитательных колониях. Участники конференции обсудят проблемы становления в России институтов ювенальной юстиции, реализации в отношении несовершеннолетних института наказаний, не связанных с лишением свободы, а также иных мер уголовно-правового характера, профилактики правонарушений несовершеннолетних, социального и психолого-педагогического обеспечения данной деятельности.

В рамках мероприятия предусматривается проведение пленарного заседания, а также «круглых столов», тематика которых определена в соответствии с основными направлениями работы конференции.

В ходе работы форума ведущими учеными, представителями практических органов ФСИН России и зарубежных государств будут проведены лекции, семинары, мастер-классы и тренинги с курсантами и преподавателями института.

По итогам конференции будут приняты рекомендации и издан сборник материалов. Выводы и предложения, полученные в ходе работы конференции, послужат основой для дальнейших исследований обозначенной проблемы, могут быть использованы в законодательной деятельности, а также в практической работе государственных органов и институтов гражданского общества в сфере противодействия преступности несовершеннолетних.

По вопросам участия и публикации материалов необходимо обращаться в организационный комитет по телефонам

8(8172)518-250 (Крымов Александр Александрович), 8(8172)514-612 (Голодов Павел Васильевич), 8(8172)536-079 (научные сотрудники); e-mail: ono-vipe@mail.ru

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (лицензия от 04.02.2008 г. А № 283497) объявляет набор:

1. В адъюнктуру (очная и заочная формы обучения) по специальностям:

- 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;
- 12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность;
- 12.00.11 – Судебная власть; прокурорский надзор; организация правоохранительной деятельности; адвокатура;
- 19.00.06 – Юридическая психология.

Требования к кандидатам: в адъюнктуру принимаются лица среднего, старшего и высшего начальствующего состава ФСИН России, имеющие высшее образование, возраст до 39 лет, стаж службы в уголовно-исполнительной системе не менее 2 лет.

Срок подачи заявок на обучение (направляются территориальным органом ФСИН России в УКПО ФСИН России) – до 1 ноября.

Срок предоставления документов в институт – с 1 марта по 20 мая; вступительного реферата по специальности – до 20 июня.

Срок обучения по очной форме – 3 года, по заочной – 4 года.

Начало учебного года – с 1 октября.

Вступительные экзамены (специальная дисциплина, философия, иностранный язык) проводятся в сентябре.

Имеющиеся сданные кандидатские экзамены засчитываются за соответствующие вступительные.

2. Соискателей для сдачи кандидатских экзаменов по иностранному языку (английский, немецкий) и по истории и философии науки для соискателей по специальностям по отраслям наук:

- 12.00.00 – Юридические науки;
- 19.00.00 – Психологические науки.

Требования к кандидатам: высшее образование.

Срок подачи документов на подготовительные курсы – до 1 ноября.

Срок подачи документов на прикрепление соискателем для сдачи кандидатских экзаменов – до 15 марта.

Срок прикрепления – 2 года.

Кандидатские экзамены проводятся ежегодно в мае.

Обращаться по тел.:

(8172) 51-82-50 – Крымов Александр Александрович, заместитель начальника института по научной работе;

(8172) 51-44-67 – Ласточкин Александр Николаевич, начальник адъюнктуры;
 (8172) 53-01-42 – Климанов Дмитрий Александрович, начальник отдела кадров.
 Адрес: ул. Щетинина, д. 2, г. Вологда, 160002.
 Сайт в Интернете: WWW.VIPE-FSIN.RU
 E-mail: vipe.vologda@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ОБРАЗЕЦ РАПОРТА

Начальнику ВИПЭ ФСИН России
 генерал-майору внутренней службы
 Попову В.В.

РАПОРТ

Прошу Вас допустить меня к конкурсным вступительным испытаниям в (очную, заочную) адъюнктуру ВИПЭ ФСИН России по специальности (указывается шифр и наименование специальности).

Я (указать полностью: ФИО, год рождения, какое учебное заведение окончил, в каком году, специальность по диплому, стаж работы в УИС; последнее место службы и должность, звание, семейное положение, домашний адрес, телефоны).

ДАТА

Согласовано:

1. Инициалы, фамилия, должность, звание и подпись руководителя подразделения, где кандидат проходит службу.

2. Инициалы, фамилия, должность, звание и подпись начальника УФСИН России, где кандидат проходит службу, или заместителя начальника УФСИН по кадрам.

3. Инициалы, фамилия, звание и подпись начальника соответствующей кафедры (на которую хочет поступить учиться кандидат).

ПОДПИСЬ

ОБРАЗЕЦ РАПОРТА

Начальнику ВИПЭ ФСИН России
 генерал-майору внутренней службы
 Попову В.В.

РАПОРТ

Прошу Вас прикрепить меня соискателем к институту для сдачи кандидатских экзаменов по истории и философии науки и по иностранному языку (указать язык) по специальности (указать шифр и наименование специальности).

ДАТА

Согласовано:

Инициалы, фамилия, должность, звание и подпись руководителя подразделения, где кандидат проходит службу.

ПОДПИСЬ

(С расшифровкой и указанием места службы, занимаемой должности и звания соискателя)

Л.Л. Кругликов – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: uniyar@ac.mail.ru

И.А. Клепицкий – профессор кафедры уголовного права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доцент; **Я.Е. Иванова** – преподаватель кафедры уголовного права Российской академии правосудия. E-mail: yana@avbyte.com

А.М. Сысоев – и.о. начальника юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: sam3110@rambler.ru

А.В. Салатин – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам. E-mail: salatin72@mail.ru

В.Б. Шабанов – начальник уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор; **А.Л. Санташов** – начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: santashov@list.ru

Е.О. Лукьянчук – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: helenluch@yandex.ru

Б.Я. Гаврилов – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств. E-mail: Profgavriliv@yandex.ru

А.Ю. Арефьев – доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент; **А.А. Фальченко** – профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: yimc@nno.mvd.ru

Р.В. Нагорных – и. о. заместителя начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Л.А. Колпакова – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: ludakola@mail.ru

В.М. Поздняков – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор. E-mail: pozdnyakov@flc.ru

Э.В. Зауторова – доцент кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. E-mail: elvira-song@mail.ru

Ф.И. Ушков – заместитель начальника отдела социально-правовой работы управления по работе с личным составом ФСИН России. E-mail: ufedor@mail.ru

А.М. Антонов – кандидат сельскохозяйственных наук, старший преподаватель; **Д.Ю. Коновалов** – кандидат сельскохозяйственных наук, старший преподаватель; **С.А. Корчагов** – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент; **Д.Е. Чалых** – ассистент (Архангельский государственный технический университет). E-mail: serkor@vologda.ru

С.Ю. Осипов – доцент кафедры менеджмента Тверского государственного технического университета, кандидат технических наук, докторант Череповецкого государственного университета; **Ю.Р. Осипов** – профессор кафедры теории и проектирования машин и механизмов Вологодского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **О.В. Левыкина** – аспирант кафедры теории и проектирования машин и механизмов Вологодского государственного технического университета; **С.В. Волкова** – аспирант-соискатель кафедры теории и проектирования машин и механизмов Вологодского государственного технического университета. Тел. (8-8172) 72-47-70 (доб.169).

М.А. Аюбаев – председатель Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан, кандидат юридических наук. E-mail: b_aliya82@bk.ru

П. Щепаняк – специалист отдела по делам методики обучения и профессионального совершенствования кадров Главного центра подготовки сотрудников тюремной службы в г. Калише (Польша). E-mail: kuswik_jiu_jitsu@op.pl

В.Б. Малинин – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Межрегионального института экономики и права (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор; **В.В. Попов** – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации; **Б.А. Спасенников** – профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: spasennikov@aosd.ru; malininvasily@mail.ru

М.В. Истомина – соискатель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России. E-mail: IstomMarina@mail.ru

А.С. Шуйский – заместитель прокурора г. Ессентуки, соискатель Российской академии правосудия. E-mail: 11081975@mail.ru

Н.Н. Надежин – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: beluiuo@mail.ru

Е.В. Кузнецова – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: kuznesova_ev@mail.ru

А.Н. Баламут – старший преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: balamut01@yandex.ru

ANNOTATIONS OF ARTICLES AND MATERIALS

L.L. Kruglikov, professor, the Chair of Criminal Law and Criminology, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service, Doctor of Law, Honoured Science Worker of RF. E-mail: uniyar@ac.mail.ru

The description of some criminal offences regarded as crimes against health

The author gives comparative analysis of crimes against health described in the articles 116, 117, 121, 124 of the Criminal Code of the RF. There is some case material on the issue of classification of batteries and their differentiation from some similar criminal offences. Thus the author comes to conclusion to unify the relevant in law features of criminal offences against health and specializes criminal responsibility for such socially dangerous acts.

Key words: crimes against health; batteries; tortures; infection with a venereal disease; failure to render aid to a sick person.

I.A. Klepitskiy, professor, the Chair of Criminal Law, Moscow State Law University, Doctor of Law, assistant professor; **Y.Y. Ivanova**, the teacher of the Chair of Criminal Law, Russian academy of Justice. E-mail: yana@avbyte.com

Illegal Enterprise (Article 171): complex issues of law enforcement

The article is devoted to legal enterprise registration of individuals and regarding and resolving some complex issues of types of trespasses (Article 171 of the Criminal Code of the RF). Criminal prosecution for illegal enterprise is considered in the practice of the Supreme Court of the RF. The authors come out with a suggestion of some decriminalization of some illegal acts. (Article 171).

Key words: illegal enterprise; registration offence; contest of civil, administrative, criminal norms of legislation; order of registration of entrepreneurs.

A.M. Sysoev, acting as the chief of the Law Faculty, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service, Cand. Sc. (Psychology), assistant professor. E-mail: sam3110@rambler.ru

The current state of Russian lawmaking and the improvement of the system of criminal sentencing

The article is devoted to the application of criminal legislation norms. The author considers social reasons of changes in criminal law and criminal acts grounds have not been enough studied yet, which leads to difficulties in adequate imposing punishment. While regarding the tasks and principles of the criminal Code, provided by special part, attention is paid both to the limits of some relatively definite sanctions, and their variation. Considering the current penal system the author, turns to the US punishment rating system, some principles of which one can use in our country.

Key words: tasks of the criminal law, social causation of the criminal law, application of criminal (law) legislation norms, decriminalization of crimes, adequate penal system, the US model criminal code, federal directions of penalty infliction, the norms of special part, the degree of criminal act, the boundaries of sanctions.

A.V. Salatin, deputy of the human resources manager, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service. E-mail: salatin72@mail.ru

Penal Enforcement System staff's violation of law as an object of criminological research (definition, types, determinants, predictabilities)

Analyzing scientific evidence and down-to-earth research results characterizes law violations by the staff of Penal Enforcement System: emphasizes the most typical kinds of violations, calculates the rate of violations, defines the level and reasons of latence, determinants, works out the classification of law violations depending on the person's motivation.

Key words: Penal Enforcement System staff's violation of law, predictability of violations, criminality of conectional establishments' staff, the method of extrapolation, latence, bribery in Penal Enforcement System.

V.B. Shabanov, the head of the Criminal Executive faculty of the Ministry of Internal Affairs Academy of the Republic of Belarus, Doctor of law, professor; **A.L. Santashov**, the head of the Criminal Executive Law department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal Service of Russia, a candidate of law science, docent. E-mail: santashov@list.ru

The Goals and Methods of Execution of Criminal Sanctions.

The article deals with some theoretical and applied problems in the execution of criminal sanctions taking into account its goals and methods that are defined in the criminal legislation. The authors pay special attention to the conformity and disconformity of the norms in the Criminal and Criminal Executive Law that regulate execution.

Key words: punishment, the goals of punishment, the methods of punishment, restoration of social justice, rehabilitation of offenders, prevention of new crimes

E.O. Lukyanchuk, a candidate of law science, a senior teacher of the Criminal Executive Law department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal Service of Russia. E-mail: helenluch@yandex.ru

Some Organizational and Legal Aspects of Preparation of Offenders for Release from Serving an Imprisonment Sentence.

The article actualizes the activity of penal personnel in the preparatory process of offenders for release; the author pays attention to the activity of the social protection groups in solving the problems connected with the conditions of life for offenders and their employment after release. The experience of some penal institutions of the Vologda region is presented in the article.

Key words: rehabilitation of offenders, social assistance, control of penal institutions, deprivation of liberty, social adaptation.

B.YA. Gavrilov, the head of the Investigating Bodies Management of the Academy of Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of law, a honored lawyer of the Russian Federation, a full member of the Peter Art and Science Academy. E-mail: Profgavriliv@yandex.ru

About the Commencement of Prosecution.

Some regulations of the Procedural Criminal Code of the Russian Federation regulating the procedure of prosecution commencement including a dismissal of prosecution commencement are analyzed in the article. The author investigates their negative influence on the exercising of the Constitutional right of citizens of justice.

Key words: a procedural norm, a prosecution commencement, a dismissal of prosecution commencement, the rate of crime.

A.U. Arefyev, a docent of the Operative Detective Activity Organization department of the Nizhegorodskaya Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, a candidate of law science, docent; **A.A. Falchenko**, a professor of the Operative Detective Activity department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal Service of Russia, Doctor of law, professor. E-mail: yimc@nno.mvd.ru

About the Correlation between the Legislative and Departmental Legal Regulation in the Operative Detective Activity.

The problem of the correlation between the legislative and departmental legal regulation in the operative detective activity and the definition of the Operative Detective Law is investigated in the article.

Key words: operative detective activity, the Operative Detective Law, the law "About the Operative Detective Activity", departmental regulation of the operative detective activity.

R.V. Nagornyh, acting deputy chief of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate for a degree of law sciences, assistant professor. E-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

The institutional model of the state law-enforcement service and its basic elements.

The article is devoted to the actual problems of producing the institutional model of the state law-enforcement service. The author proves the position concerning the necessity of analyzing the state law-enforcement service as a complex social and legal institute that is regulated mostly by the norms of the administrative law and meant for practical and directly performance of tasks and also for the realization of state's functions in the sphere of counteraction with crimes, keeping law and order, the observance of law in the system of public relations. In the article it is said about the conclusions concerning the need to create the new system of the state law-enforcement service. On the one hand it should help to solve the problem of skilled personnel in law-enforcement activity and on the other hand - the effective functioning of the law-enforcement system of the state in the sphere of counteraction with crimes and keeping law and order.

Key words: the state law-enforcement service, institutional model, manpower policy, law-enforcement activity.

L.A. Kolpakova, senior lecturer of the criminal process and crime detection department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate for a degree of law sciences. E-mail: ludakola@mail.ru

About the admissibility of evidence collected during the investigation of crimes in correctional establishments

In this article the author makes the analysis of normative local acts that regulate the procedure of collecting evidence, the ways and sources of obtaining evidential information during crimes' investigation committed in correctional institutes according to the criteria of admissibility. There in the article some problems of the usage of operative detective activity and secure measures in the criminal process of proof were revealed. Also some ways for the perfection of normative base were shown in the article.

Key words: evidence, admissibility of evidence, procedural form, subjects of proof, the results of operative detective and secure measures.

V.M. Pozdnyakov, the professor of the department of legal psychology and pedagogic of the Vologda Institute

of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, doctor of psychological sciences, professor. E-mail: pozdnyakov@flc.ru

Psychological preventive measures of juvenile delinquency: state and perspectives.

In the article the author analyses the suggestions to perfect the psychological preventive measures for juvenile delinquency. The author draws attention to the working out the model for re-socialization of juvenile offenders. This model includes the evaluation of delinquent persons' potential and forms the legal responsibility and directions of constrictive self-actualization in community.

Key words: delinquent behavior, juvenile justice institute, psychological age of legal responsibility, model of preventive measures of juvenile delinquency, psychologically correctional influence.

E.V. Zautorova, assistance professor of psychological and pedagogical department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate for the degree of pedagogic sciences, assistance professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of pedagogical education. E-mail: elvira-song@mail.ru

The interaction of penitentiary establishments and Russian Orthodox Church as one of directions of criminal procedure policy.

The activity of penitentiary establishments with active cooperation of Russian Orthodox Church is directed to the improvement of prisoners that is possible only through their education and enlightenment aimed at strengthening true mental and moral values in the minds of such category of people. In the article the author analyses the questions of organization, forms and methods of such cooperation and shows the positive experience of work with religious organizations in the direction mentioned.

Key words: cooperation with criminal procedure system, improvement of convicts, religionizing of convicts, mental values, mental and moral education.

F.I. Ushkov, the Deputy Chief of Social and Law Department of the Administration in the Russian penal system personnel. E-mail: ufedor@mail.ru

Organizing and functional aspect of a medical leader's activity in the penal system.

The article is devoted to one of the most important aspects in the penal system and is concerned with the development of organizing and law activity of the leader in a medical institution. The author describes the major functions in the structure of a managerial activity of leaders in medical institutions of the penal system. The activity is connected with providing qualified medical aid to the people deprived of liberty punished for criminal offences. The author comes to a conclusion that the leader's activity in the penal medical institution is one of the management directions which needs further development. The author puts forward proposals dealt with further administrative medical penal institutions' development taking into account Russian and foreign countries' experience in the field of providing medical aid to the deprived and those taken into custody, the development of legal aspects of medical problems, etc.

Key words: medical penal institutions, medical aid, the leader of a medical penal institution.

A.M. Antonov, a candidate for a degree in agricultural sciences; senior teacher; **D.Y. Konovalov**, a candidate for a degree in agricultural sciences; senior teacher; **S.A. Korchagov**, a candidate for a degree in agricultural sciences, assistant professor; **D.E. Chalych**, assistant

(Archangelsk State Technical University). E-mail: serkor@vologda.ru

About influence of topography anatomic elements on density and purity characteristics

The purpose of researches was the establishment of influence of type of a wood and a sub-zone of a taiga on qualitative characteristics of wood of a pine on an example of density and durability of wood and macrostructure. By results of the lead work it is drawn a conclusion that the density and durability of wood as a whole depend not only on a share of a late zone, but also from microscopic structure. A complex determining parameter of density can be private relations of diameter tracheids to wall and percent late tracheids a year layer.

Key words: tracheids, density of wood, an anatomic structure of wood, strength of wood at compression along fibres, the optical-digital device.

S.Y. Osipov, assistant professor at the Chair of Management in the Tver State Technical University, candidate for a degree in technical sciences; Ph. D. at Cherepovets State University; **Y.R. Osipov**, professor at the chair of Machines and Mechanisms Theory and Projecting of the Vologda State Technical University, Doctor of technical sciences, professor, honoured worker of sciences in the Russian Federation; **O.V. Levykina**, a post-graduate at the chair of Machines and Mechanisms Theory and Projecting of the Vologda State Technical University; **S.V. Volkova**, a post-graduate and a competitor at the chair of Machines and Mechanisms Theory and Projecting of the Vologda State Technical University. Tel. (8-8172) 72-47-70 (доб.169)

The system of automated projects of constant thermo processing of materials with polymerous covering.

The article contains mathematical models and engineering methods of calculation of thermo processing of rolled materials with polymerous covering. The calculations are based on the analyzed decisions. Informative and mathematical maintenance is developed and definite engineering methods of calculation are realized.

Key words: mathematical model, internal thermo transfer, vulcanization, covering on a material base, polymer, a zone of active thermo influence, preliminary heating.

M.A. Ayubaev, the Chair of the penal system Committee of the Ministry of Justice in Kazakhstan Republic; a Candidate for a degree in Law sciences. E-mail: b_aliya82@bk.ru

Prevention of crimes as an important function of the penal system in Kazakhstan Republic.

The article is devoted to prevention of crimes which is one of the major functions in the penal system in Kazakhstan Republic.

Key words: prevention of crimes, penal system in Kazakhstan Republic, re-socialization of those deprived of liberty.

P. Schepanyak, specialist of the department of methods of training and professional improvement of the personnel of the Principal Centre of prison officials' training in Kadish, Poland. E-mail: kuswik_jiu_jitsu@op.pl

The organization of community structures as the means of prison protection.

This article is reviewed the modern directions of criminal and penitentiary policy, standards of prison organization and management as well as the definite problems of prison personnel selection and training in Poland. The part of the article contained some practical examples concerning the conception of protection of penitentiary

institutions. This conception takes into consideration the ways of organizational and training process.

Key words: criminal-executive law, prison system of Poland, personnel work, prison personnel training.

V. Malinin, professor of the chair of criminal law disciplines, Doctor of law sciences, Interregional Institute of Economics and Law, Saint-Petersburg; **V. Popov**, chief of the Vologda Institute of Law and Economics, candidate of law sciences, assistant professor; **B. Spasennikov**, professor of the chair of criminal-executive law, Doctor of law sciences, professor, the Vologda Institute of Law and Economics. E-mail: spasennikov@aosd.ru; malininvasily@mail.ru

To the question of subject of crime in the criminal law

This article is thoroughly reviewed such element of criminal law characteristics as subject of crime.

Key words: criminal law, crime, subject of crime.

A. Shuiski, deputy prosecutor of Essentuki, competitor for the Russian justice academy. E-mail: 11081975@mail.ru

Suspended sentence on illegal turnover of armament; if there will be reasonable limitations?

The article is paid attention to the problem of application of suspended sentence concerning crimes connected with illegal turnover of armament.

Key words: criminal law, illegal turnover of armament, suspended sentence.

M. Istomina, competitor for the chair of criminal law and criminology of the Vologda Institute of Law and Economics. E-mail: IstomMarina@mail.ru

Plant take-over: theoretic-legal analysis.

The article is reviewed the problem of application of such notions as "take-over", "hostile take-over", "forcible take-over". We analyze the norms of law concerning the fact as "plant take-over" and examine the present standpoints to interpretation of its essence and key attributes.

Key words: take-over, hostile take-over, corporate control, forcible take-over.

N. Nadezhin, assistant professor of the chair of civil law disciplines, candidate of law sciences, the Belgorod Law Institute of the Ministry of Home Affairs of Russia. E-mail: beluiuo@mail.ru

Legal regulation of entrepreneur relations in the Moscow centralized state.

The article is devoted to research of the legal regulation of entrepreneur relations in the Moscow centralized state in the 14th – 17th centuries. The article can be recommended to cadets, students, post-graduates, officials, which are interested in problems of formation and development of entrepreneur relations in Old Russia.

Key words: trade law, trade regulations, entrepreneur activity, external trade activity, industrial artel, private law relations, the Council Code (1649 code of tsar Alexis).

E.V. Kuznetsova, a teacher of the State and Law Sciences department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal Service of Russia, a post-graduate student of the Theory and History of the State and Law department of the Yugoslavl State University named after Demidov P.G. E-mail: kuznecova_ev@mail.ru

The Organizational Support in the Activity of the World-wide Justice in the Pre-revolutionary Russia (based on the archive of the Vologda region).

The author investigates the peculiarities of the normative regulations and the activity of the state and non-state bodies and institutions which are engaged in the organizational support of the activity of the world-wide justice in the pre-revolutionary Russia including the peculiarities of the reform and function of the world-wide justice and institutions that provide their activity. The materials of the article are based on the published and archive data of the Vologda province.

Key words: the history of the Russian State and Law, the Judicial reform of 1864, the Vologda province, the world-wide justice, a Magistrate's Court, a Magistrate, a province or local reform, institutions of local governing.

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

В.В. Попов

Ответственный секретарь:

А.Л. Санташов

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77-36704

ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс

E-mail:
vestnikvipe@mail.ru

@ ВИПЭ ФСИН России
Подписано в печать 30.09.09
Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 2794
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

В дальнейшем планируется включение журнала в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и следующим требованиям в оформлении:

1. Рукопись должна предоставляться в одном экземпляре (формат А4) вместе с электронным вариантом на дискете с текстом в формате docWord.

2. Объем до 1 авторского листа.

3. Интервал -полупетельный.

4. Размер шрифта - 14.

5. Все аббревиатуры и сокращения расшифровываются при первом употреблении в тексте.

6. Сноски на источники публикации нормативных актов, цитируемых книг и статей обязательны. Нумерация сносок сквозная, конечная.

7. Рукописи должны прилагаться:

— сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, основное место работы, должность, контактные телефоны;

— для аспирантов и соискателей дополнительно рецензия научного руководителя.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материала для публикации размещены на сайте www.vipe-fsin.ru